
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

РИМСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

ВЪ

ПЕРІОДЪ ЦАРЕЙ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. Модестова.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1868.

РИМСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

ВЪ ПЕРІОДЪ ЦАРЕЙ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. Модестова.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1868.

Перепечатано изъ Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета за 1867 и 1868 годъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое изслѣдованіе имѣетъ цѣлію показать, какъ далеко въ древность простираются начатки письменности у народа, съ судьбой котораго всѣ мы начинаемъ знакомиться съ первыхъ лѣтъ нашего школьнаго обученія, и литература котораго, наравнѣ съ родственною ему литературою древнихъ Грековъ, признана классическою. Задача эта въ томъ видѣ, какъ она поставлена нами, еще въ первый разъ является въ наукѣ. Правда многими учеными задавался вопросъ объ источникахъ древнѣйшей римской исторіи, и они разсматривали обыкновенно на нѣсколькихъ страницахъ названія тѣхъ видовъ древнѣйшей письменности, на которые указываютъ ссылки древнихъ писателей, заключая въ этотъ обзоръ все то, что составляетъ римскую письменность до начала 6-го вѣка Рима, т. е. до появленія въ Римѣ литературы. Такой перечень источниковъ древнѣйшей римской исторіи мы находимъ у Вахсмута, Краузе, Лахмана, Швеглера, Льюиса и у нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ. Есть за тѣмъ небольшія изслѣдованія, спеціально относящіяся къ разсмотрѣнію источниковъ древнѣйшей римской исторіи, какъ Петерсена, De originibus historiae Romanae, Hamb. 1835 и

Герлаха, Die Quellen der ältesten römischen Geschichte, Basel, 1853. Есть кромѣ того не мало спеціальныхъ изслѣдованій, относящихся къ тому или другому отдѣлу древнѣйшей римской письменности, какъ то: къ царскимъ законамъ, къ пѣснопѣніямъ братьевъ Арвальскихъ и жрецовъ Саліевъ, къ жреческой лѣтописи (Annales Maximi), къ религіознымъ книгамъ древнихъ Римлянъ и т. п. Тѣмъ не менѣе вопросъ о томъ, что составляло именно письменность Римлянъ въ періодъ царей во всемъ ея объемѣ, не былъ подвергнутъ изслѣдованію, сколько намъ извѣстно, никѣмъ. Обстоятельство, которое привело насъ къ разсмотрѣнію этой задачи, заключается въ пріобрѣтеніи нами твердаго убѣжденія, что господствующій взглядъ на древнѣйшую римскую исторію и на періодъ царей въ особенности, взглядъ, относящійся къ этому времени съ самымъ отчаяннымъ скептицизмомъ, не имѣетъ для себя прочныхъ основаній. Убѣжденіе это, вкоренявшееся въ насъ все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ спеціальныхъ занятій древнимъ Римомъ въ продолженіе девяти лѣтъ, не есть однако только личное наше достояніе. Его поддерживали въ послѣднее время люди замѣчательной эрудиціи, какъ Брёккеръ, Герлахъ и Амперъ. Каждый изъ этихъ ученыхъ сдѣлалъ съ своей стороны не мало въ стремленіи положить хоть какія нибудь границы распространяющемуся все болѣе и болѣе, въ особенности въ Германіи, и уже совсѣмъ безплодному, скептицизму относительно древнѣйшей римской исторіи. Мы съ своей сто-

роны рѣшились тоже принести посильную лепту въ пользу дѣла, которое требуетъ еще много усилій, чтобы проложить себѣ дорогу къ болѣе дѣятельному вниманію людей, занимающихся наукой. Отыскивая слѣды письменности въ Римѣ во время царей, мы думали тѣмъ представить доказательства, что время, въ которое издавались законы, заключались союзные договоры, велся календарь, писались богослужебныя книги, не можетъ считаться баснословнымъ, что Ромулъ и Нума—не миѳы, не отвлеченныя категоріи, а живые люди, облеченные въ плоть и кровь своихъ дѣяній, запечатлѣнныхъ памятниками современной письменности, сохранившимися до позднѣйшаго времени римской исторіи. Отсутствіе привычки къ самостоятельной мысли въ наукѣ со стороны нашихъ отечественныхъ ученыхъ и обыкновеніе приставать по разнымъ вопросамъ науки къ лагерямъ большинства ея представителей на западѣ даютъ намъ основательный поводъ думать, что мысль, руководившая нашимъ сочиненіемъ, едва ли найдетъ себѣ сочувствіе и поддержку въ главныхъ представителяхъ русской учености по нашему предмету. Но мы спѣшимъ предупредить ихъ, что изслѣдованіе наше не заключаетъ въ себѣ ничего полемическаго, направленнаго въ защиту высказываемаго въ предисловіи взгляда на древнѣйшую римскую исторію. Оно идетъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, ограничиваясь единственно отысканіемъ слѣдовъ римской письменности въ періодъ царей, и предоставляетъ общій выводъ уже самому читателю. Нѣтъ

нужды прибавлять, что въ изслѣдованіи такого темнаго вопроса авторъ шелъ съ величайшей осторожностью, не позволяя себѣ говорить тономъ положительной увѣренности ни въ одномъ изъ такихъ случаевъ, гдѣ само дѣло не представляло достаточной ясности для рѣшительнаго заключенія. Въ трудѣ нашемъ найдется конечно не мало недостатковъ, которые мы смѣло представляемъ на осужденіе людямъ, болѣе ученымъ и проницательнымъ, чѣмъ мы, сохраняя для себя только сознаніе, что мы вели дѣло съ полной добросовѣстностью и осмотрительностью. Напередъ мы просимъ извиненія у читателя въ слѣдующемъ. Не рѣдко случается, что въ ссылкахъ не только на ученыя сочиненія, но иногда и на самихъ древнихъ авторовъ, мы указываемъ то одно, то другое изданіе, а въ двухъ-трехъ случаяхъ мы вовсе не обозначаемъ главы или страницы. Эта неаккуратность въ первомъ случаѣ происходитъ отъ того, что сочиненіе наше писалось въ разныхъ мѣстахъ и съ помощію различныхъ библіотекъ: начато оно въ Одессѣ, продолжено прошедшимъ лѣтомъ въ Гейдельбергѣ и окончено въ Казани. Что же касается до того, что въ нѣсколькихъ случаяхъ (не больше трехъ) нами не указаны страницы цитуемыхъ нами сочиненій, то это зависѣло единственно отъ того, что иногда, во время окончательной отдѣлки своего труда, мы не имѣли подъ руками тѣхъ сочиненій, которыми пользовались во время его составленія.

ГЛАВА I.

Происхожденіе латинскаго алфавита и начало римской письменности.

Трудность рѣшенія вопроса о времени происхожденія латинскаго алфавита. Мнѣнія о происхожденіи его древнихъ и новыхъ писателей. Путь, ведущій къ рѣшенію этого вопроса. Латинскій алфавитъ образовался въ Лаціумѣ въ доримскую эпоху. Откуда пришелъ алфавитъ въ Лаціумъ? Дѣленіе италійскихъ алфавитовъ на двѣ группы и особенности каждой изъ нихъ въ общемъ и частяхъ. Происхожденіе латино-фалисской группы отъ дорическаго алфавита южно-итальянскихъ колоній. Таблица алфавитовъ. Первоначальное количество буквъ въ латинскомъ алфавитѣ.

Есть въ разныхъ наукахъ вопросы, рѣшеніе которыхъ было бы чрезвычайно важно по своимъ результатамъ; но свойство этихъ вопросовъ таково, что они, чѣмъ легче задаются, тѣмъ труднѣе рѣшаются. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ и вопросъ о времени появленія алфавитовъ у народовъ древней Италіи вообще и у латинскаго народа въ особенности. Предметомъ этимъ занимались и въ древнее, и въ новое время; и хотя многимъ ученымъ, какъ древнимъ, такъ и новымъ, казалось, что они произносили о немъ мнѣнія вполнѣ основательныя, но тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ онъ остается еще почти во всей своей наготѣ и требуетъ новыхъ изслѣдованій.

Древніе писатели происхожденіе латинскаго алфавита единогласно относили ко временамъ пеласгическимъ, о которыхъ они, правда, имѣли такое же смутное представленіе, какъ и мы. Но они приводили свои мнѣнія, какъ фактъ

положительный, нисколько не стараясь войти въ его изслѣдованіе, или по крайней мѣрѣ подтвердить основательными доказательствами. Это была просто ихъ общая вѣра, установившаяся въ силу долговременнаго и всѣмъ извѣстнаго преданія. Приведемъ мнѣнія наиболѣе видныхъ изъ этихъ писателей. Діонисій Галикарнасскій, говоря объ аркадскихъ переселенцахъ, прибывшихъ въ Италію подъ предводительствомъ Эвандра и поселившихся, какъ это ему извѣстно, на палатинскомъ холмѣ, между прочимъ замѣчаетъ: «говорятъ, что аркадяне первые принесли въ Италію употребленіе греческихъ письменъ, только что появившееся у нихъ самихъ» ([1]). Совершенно согласно съ греческимъ риторомъ говоритъ и Тацитъ: «Этруски переняли письмо отъ коринѳянина Демарата, а Аборигены (т. е. древнѣйшіе обитатели Лаціума) отъ аркадянина Эвандра; и форма латинскихъ буквъ такая же, какая у древнѣйшихъ греческихъ» ([2]). Плиній Старшій въ своей «Естественной Исторіи», говоря объ изобрѣтеніи письменъ и появленіи ихъ у разныхъ народовъ, замѣчаетъ, что въ Лаціумъ ихъ принесли Пеласги ([3]), и за тѣмъ въ другомъ мѣстѣ обращаетъ, какъ и Тацитъ, вниманіе на то, что «древнія греческія буквы были почти такія же, какія теперь латинскія» ([4]), въ доказательство чего ссылается на одну древнюю греческую надпись, хранившуюся въ палатинской библіотекѣ. Въ томъ же родѣ говорятъ и позднѣйшіе латинскіе писатели ([5]). Нѣкоторые, вмѣсто Эвандра, называютъ виновникомъ принесенія въ Италію алфавита самого Геркулеса, а Гигинъ ([6]) приписываетъ превращеніе греческихъ письменъ въ латинскія Карментѣ, матери Эвандра. Очевидно, что всѣ эти мнѣнія не могутъ имѣть въ нашихъ глазахъ той достовѣрности, какую имъ придавали сами ихъ авторы. Они для насъ интересны, какъ выраженіе убѣжде-

---

(1) A. R. I, 33.

(2) Ann. XI, 14.

(3) N. H. VII, 56, 193 ed. Jahn.

(4) Ibid. VII, 57, 20.

(5) Max. Vict. ed. Putsch. p. 1944; Mar. Vict. p. 2468; Hyg. Fab., p. 277. См. также Plut. Qu. R. 59.

(6) Ibid.

нія древнихъ въ томъ, что съ одной стороны введеніе письма въ Лаціумъ принадлежитъ къ отдаленнѣйшей эпохѣ, и что съ другой стороны письмо въ Италію пришло изъ Греціи.

Въ то время какъ древніе писатели отодвигали такъ далеко въ древность происхожденіе латинскаго алфавита, новые и въ особенности новѣйшіе ученые стараются отнести происхожденіе его къ очень позднему времени. Если древніе въ рѣшеніи многихъ вопросовъ своей исторіи руководились преданіемъ, которое для нихъ оставалось единственнымъ источникомъ для рѣшенія задачъ, относившихся къ глубокой древности, то новѣйшіе ученые, совершенно на оборотъ, въ рѣшеніи тѣхъ же задачъ руководятся скептицизмомъ, который со времени Нибура не находитъ себѣ границъ въ Германіи. Намъ не мѣсто разсуждать здѣсь о приложеніи новѣйшей исторической критики къ древнѣйшей римской исторіи, но нельзя умолчать, что критика эта постоянно страдаетъ однимъ недостаткомъ, сильно подрывающимъ ея основанія: она произвольно поступаетъ съ преданіями. Произволъ этотъ обнаруживается не только въ объясненіи преданій по личнымъ вкусамъ ученыхъ, но и въ томъ, что, отказывая преданію въ чистомъ его видѣ вообще въ правѣ служить основаніемъ исторической истины, она часто принимаетъ безъ всякихъ основаній тѣ изъ этихъ преданій, которыя сподручны въ извѣстномъ случаѣ идеѣ ученаго. Такъ точно поступаетъ при разрѣшеніи вопроса о древности латинскаго алфавита одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и самыхъ ученыхъ изслѣдователей римской исторіи, покойный А. Швеглеръ. Отвергая всѣ преданія древнихъ о времени принесенія письма въ Лаціумъ, онъ останавливается на приведенныхъ нами словахъ Тацита (заключающихъ въ себѣ однако явный анахронизмъ) о принесеніи въ Этрурію алфавита коринѳяниномъ Демаратомъ. Такъ какъ коринѳянинъ Демаратъ считается по преданію отцемъ Тарквинія Древняго, то Швеглеръ отсюда и выводитъ заключеніе, что Римляне познакомились съ письмомъ не раньше времени господства въ Римѣ Тарквиніевъ [1]. Допустивши такое, очевидно несостоятельное, заключеніе изъ ничѣмъ не

---

[1] Röm. Gesch. I, p. 36.

подтверждающагося сказанія о принесеніи въ Этрурію письма Демаратомъ ([1]), онъ не замѣчаетъ противорѣчія, утверждая непосредственно за тѣмъ, что Римляне заимствовали алфавитъ не изъ Этруріи, а изъ греческой колоніи Кумъ, съ которыми, какъ онъ произвольно разсуждаетъ, Римляне будтобы не имѣли сношеній раньше правленія Тарквиніевъ ([2]). Какъ это всегда бываетъ, за ученымъ съ громкимъ именемъ послѣдовали и другіе. Мнѣніе Швеглера повторяетъ и Корсенъ ([3]).

Если мнѣніе Швеглера и его послѣдователей носитъ на себѣ отпечатокъ ничѣмъ не оправдываемаго произвола, то мнѣніе двухъ другихъ, не менѣе замѣчательныхъ ученыхъ, Отф. Миллера и Лепсіуса, о томъ, что латинское письмо возникло не раньше конца 3-го вѣка отъ основанія Рима и что до того времени Римляне писали по этрусски ([4]) (или по гречески, по Миллеру), хотя и могло не показаться страннымъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, но при современной разработкѣ взаимныхъ отношеній италійскихъ алфавитовъ теряетъ всякое научное значеніе. Мнѣніе свое объ образованіи латинскаго письма не раньше конца 3-го вѣка Рима, мнѣніе, которому послѣдовалъ и Лепсіусъ, О. Миллеръ основалъ на томъ обстоятельствѣ, что латинскій алфавитъ даже въ самыхъ древнихъ своихъ памятникахъ представляетъ позднѣйшія формы буквъ, отъ которыхъ онъ мало отступаетъ и впослѣдствіи. Но О. Миллеръ прежде всего не обратилъ надлежащаго вниманія на то, что самые древніе памятники латинской письменности, какіе дошли до насъ, относятся сравнительно къ очень позднему

([1]) Если можно говорить о какомъ либо отношеніи Демарата къ этрусскому письму, то развѣ согласиться съ предположеніемъ Гори и Ланци, что Демаратъ произвелъ реформу въ этрусскомъ алфавитѣ. См. Lanzi, Saggio di lingua Etrusca. Roma. 1789. II, p. 597.

([2]) Röm. Gesch., Ibid.

([3]) Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinischen Sprache Leipz. 1858 p. 3. Мнѣніе Ампера, приписывающаго введеніе въ Римъ письма Сервію Туллію, стоитъ независимо отъ Швеглера См. Histoire Romaine à Rome. Paris 1862 II, p. 135.

([4]) Müller, Etrusker. IV, p. 311. Lepsius, De tabulis Eugubinis. Berol. 1833, p. 23.

времени, какъ то: два полныхъ римскихъ асса, не позже 490 г. отъ о. Р. ([1]), нѣсколько монетъ, составляющихъ части древнѣйшаго асса ([2]), два полныхъ римскихъ асса города Луцеріи ([3]), одинъ города Гатріи ([4]) и три мелкихъ монеты того же мѣста ([5]), еще нѣсколько мѣдныхъ монетъ ([6]) и рядъ серебрянныхъ монетъ ([7]); затѣмъ cista praenestina ([8]), нѣсколько надписей на кубкахъ (POCOLOM) ([9]) и на зеркалахъ ([10]), надпись на гробѣ Сципіона Бородатаго ([11]) и еще нѣсколько древнѣйшихъ надписей. Всѣ эти памятники письменности не восходятъ по своей древности выше половины 5-го столѣтія Рима. Слѣдовательно, какое заключеніе могутъ они дать о латинской палеографіи—не говоримъ очень ранняго времени—, хотя бы даже времени составленія законовъ XII таблицъ? Полагая введеніе латинскаго письма въ употребленіе около времени изданія этихъ законовъ, Миллеръ не обратилъ вниманія на то, что латинское письмо далеко до того времени должно было установиться и сдѣлаться общеизвѣстнымъ, что̀ доказываетъ сильно чувствовавшаяся потребность публичнаго обнародованія законовъ. Естественно, что такое установленіе письма, какъ оно является ко времени изданія законовъ XII таблицъ ([12]), требовало продолжительнаго періода. Онъ не зналъ, что было еще время, когда латинскій алфавитъ, наравнѣ со всѣми другими ита-

---

([1]) Ричль, Priscae latinitatis monumenta epigraphica. Berol. 1862, tab. V A и B. Моммзенъ, Inscriptiones latinae antiquissimae. Berol. 1863, p. 3—4 № 12.

([2]) Моммзенъ ibid. p. 4 № 3—4.

([3]) Ричль, tab. V D, VI, IV; Моммзенъ, ibid.

([4]) Ричль, tab. V F.; Моммзенъ, p. 4 № 6.

([5]) Ричль, tab. V G H I; Моммзенъ, ibid.

([6]) Ричль, tab. V и VI; Моммзенъ, p. 4 № 8—9.

([7]) Моммзенъ, p. 5—8, № 10—21.

([8]) Ричль, tab. I A; Моммзенъ, p. 25.

([9]) Ричль, tab. X; Моммзенъ, p. 23—24.

([10]) Ричль, tab. I, XI; Моммзенъ, p. 25—26.

([11]) Ричль, tab, XXXVII; Моммзенъ, p. 16.

([12]) См. Mommsen, Unteritalische Dialekte. Leipz. 1850, p. 32. Его же Römische Geschicthe, I, p. 211. 3-е издан.

лійскими алфавитами, шелъ въ письмѣ отъ правой руки къ лѣвой, какъ это сдѣлалось несомнѣннымъ послѣ открытія іезуитомъ Гарруччи фалисскихъ надписей (1), употребляющихъ направленіе письма отъ правой руки къ лѣвой. Фалисскій алфавитъ, какъ это очевидно съ перваго раза и принято всѣми его разсматривавшими (2), составляетъ съ латинскимъ одну группу, или, правильнѣе, представляетъ собой древнѣйшую форму одного и того же алфавита; но въ то время какъ латинскій алфавитъ реформировался все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ сосѣдства и сношеній Римлянъ съ греческими городами Кампаніи, фалисскій остановился на болѣе древней формѣ. Окончательный переходъ латинскаго письма къ направленію отъ лѣвой руки къ правой и къ тѣмъ новымъ формамъ нѣкоторыхъ буквъ, какъ Z, которая въ фалисскихъ надписяхъ имѣетъ форму ƚ, ⊧ или какъ H, которая въ фалисскихъ надписяхъ является въ древне-дорической формѣ ⊟, какъ M, которая въ фалисскомъ алфавитѣ удерживаетъ еще, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, пятилинейную форму алфавита халкидскихъ колоній въ Италіи—ꟿ, потребовалъ конечно не одного столѣтія (3). Поэтому, не говоря о другихъ соображеніяхъ, которыя мы сейчасъ представимъ въ пользу глубокой древности латинскаго алфавита, можно видѣть, какъ неосновательно мнѣніе Отфрида Миллера, поддержанное Лепсіусомъ, о томъ, что латинскій алфавитъ образовался не раньше конца 3-го столѣтія отъ о. Р.

---

(1) Annali dell' instituto di corrispondenza archeologica. 1860, t. XXXII, p. 211 съ таб. F G H.

(2) Mommsen въ Monatsberichte der Akademie der Wissensch. zu Berlin. 1860, p. 453; Detlefsen, въ Bulletino dell' instituto di corrispondenza archeologica. 1861, p. 198; Kirchhoff въ Abhandlungen der Academie der Wissensch. zu Berlin. 1863 p. 229 и 234; Noël des Vergers, L'Étrurie et les Étrusques. Paris 1862—64, III, p. 49.

(3) Ниже мы приводимъ таблицу алфавитовъ дорическаго, фалисскаго и латинскаго. Болѣе широкія таблицы читатель найдетъ у Моммзена въ Unteritalische Dialekte, taf. 1 (безъ фалисскаго); у Кирхгофа въ Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets. Taf. II и на стр. 230 въ вышеоименованномъ томѣ Abhandlungen берлинской академіи и у Ноэля де Верже ibid. III, tab. XL.

Безчисленныя свидѣтельства древнихъ писателей, указывающихъ на разные памятники римской письменности періода царей, какъ то: на царскіе законы (leges regiae), союзные договоры царей (foedera regum), на книги духовныхъ коллегій (libri pontificum, commentarii pontificum, libri augurales и т. п.), естественно должны остановить на себѣ вниманіе всякаго, кого только интересуетъ вопросъ о древности римской письменности. Многіе ученые относятся съ большимъ недовѣріемъ къ этимъ указаніямъ древнихъ писателей, и потому вопросъ о римской письменности въ періодъ царей до сихъ поръ остается очень мало разработаннымъ. А между тѣмъ обстоятельное изслѣдованіе его, имѣя очевидную важность для изученія римской исторіи, въ тоже время всего болѣе способно привести насъ и къ болѣе опредѣленному результату по вопросу о древности латинскаго алфавита. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія мы разсматриваемъ все, что составляло, по нашему мнѣнію, письменность въ періодъ царей. Для рѣшенія же теперь занимающаго насъ вопроса мы остановимся только на тѣхъ памятникахъ этой письменности, существованіе которыхъ не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, и на основаніи ихъ, съ помощію другихъ соображеній, выведемъ наши заключенія о древности латинскаго алфавита.

Исходнымъ пунктомъ для опредѣленія древности латинскаго письма является письменный документъ времени Сервія Туллія, документъ, подлинность котораго не подвергается сомнѣнію даже людьми, чрезвычайно скептически смотрящими на древнѣйшую римскую исторію ([1]). Документъ этотъ есть союзный договоръ Сервія Туллія съ латинскими городами. Онъ былъ вырѣзанъ на мѣдномъ столбѣ въ храмѣ авентинской Діаны и сохранился до времени Діонисія Галикарнасскаго, который видѣлъ его своими глазами ([2]). Употребленіе письма для международныхъ договоровъ во

([1]) Schwegler, Römische Geschichte, I. p 21; Lewis, Untersuchungen über die Glaubwürdigkeit der altrömischen Geschichte. Нѣмецкій переводъ съ англійскаго Либрехта. Hannov. 1863. I, p. 150.

([2]) A. R. IV, 26. *Αὕτη διέμεινεν ἡ στήλη μέχρι τῆς ἐμῆς ἡλικιας ἐν τῷ τῆς Ἀρτέμιδος ἱερῷ κειμένη γραμμάτων ἔχουσα χαρακτῆρας ἑλληνικῶν, οἷς τὸ παλαιὸν ἡ Ἑλλὰς ἐχρᾶτο.*

время Сервія Туллія показываетъ прежде всего то, что оно въ это время было извѣстно не только въ Римѣ, но и во всемъ Лаціумѣ, какъ это видно изъ самой сущности дѣла. А если оно имѣло такое, относительно широкое, распространеніе, то необходимо предположить извѣстный періодъ времени, который должно было пройти письмо, прежде чѣмъ оно могло получить такое широкое (по тому времени) примѣненіе въ дѣлахъ государственныхъ и международныхъ. По этому не можетъ не показаться страннымъ увѣреніе Ампера, что письмо пришло въ Римъ при Сервіѣ Тулліѣ, и что союзный договоръ его съ латинскими городами есть первый письменный памятникъ Рима ([1]). Документъ времени Сервія Туллія, имѣющій международное значеніе, составленный по общему согласію представителей латинскихъ городовъ и слѣдовательно дающій необходимое предположеніе, какъ мы сказали, что письменность была извѣстна не только въ Римѣ, но и во всемъ Лаціумѣ, ясно свидѣтельствуетъ, что письменность не появилась въ первый разъ при этомъ царѣ, который—мимоходомъ сказать—употреблялъ ее еще для росписанія народа на введенные имъ классы и центуріи ([2]), равно какъ и для другихъ законовъ ([3]), а существовала и при его пріемникахъ. Союзный договоръ съ Габіями, написанный на деревянномъ щитѣ, обернутомъ въ бычачью кожу, и хранившійся по крайней мѣрѣ до времени Августа въ храмѣ Санка, принадлежитъ скорѣе Тарквинію Древнему, чѣмъ Гордому, которому его приписываетъ Діонисій Галикарнасскій ([4]). Въ продолженіе нашего изслѣдованія читатель будетъ имѣть много случаетъ убѣдиться, что письменность существовала еще при Нумѣ Помпиліѣ, который, по общему и единодушному сознанію римскихъ писателей, былъ религіознымъ законодателемъ Рима. На то, чтобы письменность была введена въ первый разъ при Нумѣ, мы

([1]) Ampère, L'Histoire Romaine à Rome. Paris, 1862 II, p. 135.

([2]) Fest. Pro censu classis iuniorum. См. также Procum.

([3]) Fest. plorare.

([4]) A. R. IV, 58. См. также объ этомъ договорѣ у Павла Діакона подъ словомъ Clypeum: Clypeum antiqui ob rotunditatem etiam corium bovis appellarunt, in quo foedus Gabinorum cum Romanis fuerat descriptum. Ср. Mommsen, Röm. Geschichte, I, p. 212 3-го изданія (1861).

не имѣемъ никакихъ указаній; напротивъ мы имѣемъ основаніе предполагать, что она существовала и при самомъ основаніи римскаго государства, такъ какъ древніе писатели приводятъ дословно, хотя и нѣсколько новымъ языкомъ, законы, принадлежащіе Ромулу (1). Однимъ словомъ, идя этимъ путемъ, прямота и послѣдовательность котораго должна быть видна и для самаго упорнаго скептицизма, мы не можемъ не притти къ заключенію, что латинская письменность не изобрѣтена въ Римѣ, но что происхожденіе ея относится еще къ доримскимъ временамъ Лаціума. Въ нѣсколькихъ отрывкахъ религіозныхъ пѣснопѣній жрецовъ Саліевъ и въ одномъ гимнѣ братьевъ Арвальскихъ мы увидимъ даже подлинный языкъ, на которомъ говорила эта древнѣйшая письменность, и въ сравненіи съ которымъ даже языкъ законовъ 12-ти таблицъ долженъ показаться очень новымъ языкомъ. Само собой разумѣется, что размѣры этой древнѣйшей письменности были чрезвычайно ограничены, и она употреблялась только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, какъ того требовала религія, или государство.

Въ то время, какъ мы приходили къ такому убѣжденію все болѣе и болѣе на основаніи изслѣдованія вопроса о римской письменности при царяхъ, знакомство съ фалискими надписями, изданными Гарруччи (выше мы имѣли случай сказать о нихъ нѣсколько словъ и будемъ говорить ниже), укрѣпило насъ еще больше въ высказанномъ предположеніи. Въ немъ же насъ поддержали и общія соображенія о происхожденіи Рима и началѣ его исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно забывать, что римскій народъ не есть какое либо особое племя, происхожденіе котораго теряется въ баснословной древности. Начало этого народа совпадаетъ съ построеніемъ города Рима и образованіемъ въ немъ особой гражданской общины. Римъ же возникъ среди одного изъ итальянскихъ племенъ, которое, занявши въ отдаленнѣйшую эпоху срединное положеніе между другими италійскими племенами, съ незапамятныхъ временъ имѣло города и гражданскія общины. Онъ возникъ въ то время, когда Лаціумъ имѣлъ уже много городовъ, изъ которыхъ

(1) Serv. ad Virg. Aen. IV, 609; Fest. Plorare. Законы эти будутъ приведены нами въ своемъ мѣстѣ.

нѣкоторыя, какъ Лаврентинумъ и Ардея, восходятъ, по преданію, ко времени, еще предшествовавшему переселенію Троянцевъ въ Италію, когда въ Тибурѣ, Антемнахъ, Ариціи, Пренесте, Альбѣ Лонгѣ, Тускулумѣ, Габіяхъ и другихъ городахъ величайшей древности уже достаточно могла развиться латинская жизнь въ религіозномъ, государственномъ и другихъ культурныхъ отношеніяхъ. Доримская исторія этихъ городовъ намъ весьма мало извѣстна, но, судя по чрезвычайно быстрому развитію Рима, являющагося сравнительно въ очень позднее время, слѣдуетъ полагать, что города эти ко времени его происхожденія стояли уже на значительной степени развитія. Это становится еще болѣе яснымъ, когда мы возьмемъ во вниманіе, что въ сосѣдствѣ съ Лаціумомъ жили между прочимъ народы, высокое развитіе которыхъ ко времени происхожденія Рима не подлежитъ сомнѣнію,—мы говоримъ объ Этрускахъ, отдѣлявшихся отъ Лаціума Тибромъ, и Грекахъ южной Италіи, поселенія которыхъ простирались далеко въ Кампанію. Взявши такимъ образомъ во вниманіе долгую историческую судьбу Лаціума, находившагося къ тому же съ незапамятныхъ временъ подъ вліяніемъ болѣе образованныхъ народовъ, мы естественно приходимъ къ выводу, что начала многихъ учрежденій Рима, возникшаго на такой почвѣ, надобно искать не въ немъ самомъ, а въ странѣ и у народа, гдѣ произошелъ и развился этотъ городъ, т. е. въ Лаціумѣ. Ибо не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что первоначальныя римскія учрежденія, какъ религіозныя, такъ и государственныя, стоятъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ учрежденій, съ давнихъ поръ развивавшихся въ городахъ Лаціума и частію у сосѣднихъ народовъ (Сабинянъ, Этрусковъ). Вотъ почему уже при первыхъ царяхъ мы видимъ въ Римѣ цѣльную и развитую организацію политическаго и религіознаго быта. Организація эта была принесена въ Римъ тѣми самыми людьми, которые рѣшились—не извѣстно, по какимъ побужденіямъ—построить на берегахъ Тибра новый городъ и составить отдѣльную гражданскую общину. Уже въ самое первое время жизни этой общины мы видимъ, наряду съ существованіемъ у ней царской власти, сената, авгуровъ съ ихъ ауспиціями и другихъ учрежденій политическихъ и религіозныхъ, изданіе законовъ, касающихся гражданскаго и церковнаго быта и вообще употребленіе письма. Нѣтъ ни-

какихъ слѣдовъ, указывающихъ на происхожденіе латинскаго письма въ самомъ Римѣ; напротивъ, оно появляется тамъ, какъ нѣчто готовое, сложившееся и существующее въ употребленіи, какъ царская власть, какъ сенатъ, какъ ауспиціи авгуровъ и т. п.

Чтобы кто не подумалъ, что нашъ взглядъ на время происхожденія латинскаго алфавита отличается чрезмѣрной смѣлостью, мы приведемъ относящіяся къ тому же предмету соображенія ученаго, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ скептицизма по отношенію къ древнѣйшей римской исторіи. Вотъ что говоритъ Моммзенъ, изучавшій самымъ тщательнымъ образомъ исторію и палеографію алфавитовъ древней Италіи. «Кто возьметъ въ соображеніе, что въ древнѣйшихъ сокращеніяхъ (рѣчь идетъ о сокращеніяхъ, употреблявшихся для обозначенія собственныхъ именъ, нѣкоторыхъ словъ юридическаго значенія и о другихъ условныхъ сокращеніяхъ) различіе между γ с и κ k проведено еще правильно, что слѣдовательно періодъ, въ который звуки смѣшались въ произношеніи и передъ этимъ снова періодъ, въ продолженіе котораго установились сокращенія, лежитъ далеко по ту сторону происхожденія двѣнадцати таблицъ; что наконецъ между введеніемъ письма и установленіемъ условной системы сокращеній необходимо долженъ быть вычеркнутъ значительный промежутокъ, тотъ какъ для Этруріи, такъ и для Лаціума, отодвинетъ начало письменности въ эпоху, которая лежитъ ближе къ первому наступленію египетскаго періода Сиріуса въ историческое время, къ 1322 до Р. Х., чѣмъ къ 776 году, которымъ начинается въ Греціи лѣтосчисленіе по Олимпіадамъ» (¹). Къ этимъ фонетико-графическимъ соображеніямъ Моммзенъ непосредственно присоединяетъ и соображенія, какія вытекаютъ изъ существованія слѣдовъ древнѣйшей письменности.

Вопросъ о томъ, откуда пришло письмо въ Лаціумъ, въ настоящее время въ общемъ рѣшенъ окончательно, по преимуществу изслѣдованіями Моммзена (²), дополненными

(¹) Röm. Gesch. 1, 211, 3-го изд.

(²) Капитальное сочиненіе его по этому вопросу носитъ заглавіе: Die Unteritalischen Dialekte. Leipz. 1850. Другія его работы относительно этого предмета будутъ указаны ниже.

изслѣдованіями Кирхгофа (1). Эти изслѣдованія приводятъ насъ прежде всего къ тому заключенію, что италійскіе алфавиты ведутъ свое происхожденіе не отъ финикійскаго, а отъ греческаго. Это, кромѣ другихъ неоспоримыхъ доказательствъ, подтверждается уже тѣмъ однимъ, что въ италійскихъ алфавитахъ намъ встрѣчаются буквы, которыхъ нѣтъ въ финикійскомъ, и которыя взяты изъ греческаго, какъ то: ξ, φ, χ, υ. Другой очевидный результатъ этихъ въ высшей степени добросовѣстныхъ и талантливыхъ изслѣдованій тотъ, что алфавиты эти раздѣляются на двѣ группы, изъ которыхъ одну составляютъ этрусскій, умбрскій, осскій, сѣверо-этрусскіе алфавиты и мало извѣстный алфавитъ сабельскій, другую — латинскій и недавно открытый фалисскій (2). Наконецъ, несомнѣнно вѣрный результатъ этихъ изслѣдованій тотъ, что латино-фалисскій алфавитъ произошелъ отъ дорическаго алфавита, употреблявшагося сицилійскими и южно-итальянскими греческими ородами, и всего вѣроятнѣе пришли въ Лаціумъ изъ древнѣйшей греческой колоніи въ Италіи—Кумъ (3).

Особенный интересъ этихъ изслѣдованій заключается въ добытомъ результатѣ, что италійскіе алфавиты происходятъ не изъ одного источника. Распаденіе ихъ на двѣ группы, ведущія свое начало изъ разныхъ источниковъ, очевидно. Въ краткомъ очеркѣ мы постараемся представить особенности каждой изъ этихъ группъ въ общемъ и частностяхъ.

Алфавиты первой группы отличаются отъ алфавитовъ второй 1) тѣмъ, что всѣ они, за исключеніемъ осскаго, имѣютъ два знака свистящаго звука: одинъ изъ нихъ пишется обыкновенно *M* и соотвѣтствуетъ *сигмѣ* іоническаго діалекта, финикійскому *самеху*, русскому *с*; другой — *Σ* соотвѣт-

---

(1) Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets въ Abhandlungen берлинской академіи 1863 года.

(2) Mommsen: Unterit. Dialek. p. 3—34; Nordetruskische Alphabete auf Inschriften und Münzen, въ Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft zu Zürich, 1853, VII; Monatsberichte берлинской академіи, 1860, p. 452.—Kirchhoff, Studien, p. 229.

(3) Mommsen: Unterit. Dial., p. 39; Röm. Geschicht. 1, p. 209 3-го изд. Kirchhoff, Studien, p. 228, 234.

ствуетъ дорическому *сану* (*σάν*), финикійскому *шину*, русскому *ш*. Осскій алфавитъ, къ которому изъ всей этой группы латинскій подходитъ ближе другихъ, удержалъ только одинъ свистящій звукъ *S*. 2) Алфавиты первой группы носятъ тотъ отличительный признакъ, что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ финикійскаго *кофа*, греческой *коппы*, латинскаго *Q*, которое встрѣчается только въ самыхъ древнихъ этрусскихъ надписяхъ (¹). 3) Они отличаются тѣмъ, что во всѣхъ ихъ, кромѣ сѣверо-этрусскихъ, латинскому *F* соотвѣтствуетъ знакъ 8; 4, тѣмъ, что всѣмъ имъ, кромѣ нѣкоторыхъ сѣверо-этрусскихъ, недостаетъ знака *O*.

Въ частности каждый изъ этихъ алфавитовъ имѣетъ слѣдующія особенности.

Этрусскій алфавитъ. До насъ дошло три этрусскихъ алфавита. Одинъ найденъ на глиняномъ сосудѣ, появившемся на свѣтъ при раскопкахъ, произведенныхъ княземъ Боргезе въ 1845 г. въ деревнѣ Бомарцо, въ 12 миляхъ отъ Витербо (въ папской области) (²). Въ немъ всѣхъ буквъ—20. Два другихъ этрусскихъ алфавита найдены на двухъ ноланскихъ патерахъ, находящихся теперь въ неаполитанскомъ музеѣ (³). Изъ этихъ алфавитовъ, которые представляютъ между собой мало разницы, видно, что въ этрусскомъ письмѣ не было буквъ *B*, *D*, *G*. На мѣстѣ греческой гаммы у Этрусковъ, какъ и у Латинянъ, стоитъ *C*. Но въ первомъ ноланскомъ алфавитѣ эта буква является снова на мѣстѣ *K*. Видно, что Этруски не отличали звуковъ *γ* (c) и *κ* одинъ отъ друга о; поэтому въ двухъ другихъ алфавитахъ на мѣстѣ греч. *K* и нѣтъ соотвѣтствующей буквы. Въ надписяхъ, осо-

(¹) Kirchhoff, Studien, p. 231. Впрочемъ эта буква въ этрусскомъ письмѣ есть скорѣе знакъ, служившій къ отдѣленію словъ, чѣмъ дѣйствительная буква, какъ видно изъ надписи, приведенной Ланци (Saggio di lingua Etrusca II, p. 649 выше означеннаго изданія), гдѣ въ одной строкѣ встрѣчается три Q. См. примѣчаніе къ этой надписи О. Миллера въ Etrusker, IV, p. 306, прим. 69.

(²) Bulletino dell' Instituto di corr. acheol., 1846, p. 7. Mommsen, Unterit. Dialekt. p. 3.

(³) Одинъ изъ нихъ приведенъ у Моммзена въ Unterit. Dial. Taf. I № 14, другой подъ № 15.

бенно въ древнѣйшихъ, встрѣчается и греческая форма *К* (1), которую мало по малу вытѣснила латинская *С*. Далѣе, всѣ три алфавита имѣютъ имѣютъ Z на мѣстѣ, принадлежащемъ этой буквѣ въ греческомъ алфавитѣ. Но во второмъ ноланскомъ алфавитѣ это Z встрѣчается еще въ другой разъ на мѣстѣ *S* (что даетъ понятіе о произношеніи у Этрусковъ буквы *S*), котораго этотъ алфавитъ не имѣетъ. Всѣ три имѣютъ на мѣстѣ латинскаго *F* дигамму въ формѣ] (такая дигамма встрѣчается, между прочимъ, въ корцирскихъ надписяхъ и на дорическихъ вазахъ (2), хотя въ правописаніи отъ лѣвой руки къ правой [). Всѣ три означенныхъ этрусскихъ алфавита имѣютъ *ѳиту* (Th). Ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ *коппы* (*Q*), равно какъ и *О*, для котораго Этруски не имѣли соотвѣтствующаго звука. Во второмъ ноланскомъ алфавитѣ пропущена буква *R*, которая однако всегда существовала въ этрусской письменности; онъ же пропустилъ *Т*. Два алфавита имѣютъ φ, на мѣстѣ котораго у втораго ноланскаго дигамма въ обратной формѣ латинскаго *F*. Всѣ имѣютъ греческое χ въ формѣ ψ, которая встрѣчается съ этимъ значеніемъ и во многихъ греческихъ алфавитахъ (3). Писали Этруски, за самыми малыми исключеніями, постоянно отъ правой руки къ лѣвой.

Сѣверо-этрусскіе алфавиты. Одно изъ главныхъ отличій этихъ алфавитовъ отъ этрусскаго заключается въ томъ, что имъ не чуждо *О*. Далѣе, въ нихъ нѣтъ не только *В* и *D*, какъ въ этрусскомъ, но и буквы, соотвѣтствующей по мѣсту лат. *С* и греч. γ. Но это не значитъ, что бы этихъ буквъ никогда не было въ сѣверныхъ этрусскихъ алфавитахъ: на одной надписи съ гардскаго озера стоятъ почти рядомъ *С* и *В* (4), а въ одной падуанской надписи (5) является даже

---

(1) Lanzi, Saggio и пр. I, p. 209, II, p. 191. №№ 189, 191, 192, 194.

(2) См. Momms., Unterit. Dial. Taf. I, 4, 7; Kirchhoff, Studien и т. д. Taf. I, XVI; II, XI.

(3) Палеографическія особенности этрусскихъ алфавитовъ см. у Моммзена Unt. Dial. Taf. I и у Ноэля де Верже въ L' Étrurie et les Étrusques III pl. XL.

(4) Mommsen, Nordetruskische Alphabete, Taf. II, № 17.

(5) Ibid. Taf. II № 25 A.

D, котораго вовсе нѣтъ въ этрусскомъ алфавитѣ. Важное отличіе этихъ алфавитовъ отъ этрусскаго заключается въ томъ, что они, какъ мы уже замѣчали, не имѣютъ 8 = *F*. Во всемъ остальномъ они сходятся съ этрусскимъ (1). Памятники этихъ алфавитовъ не имѣютъ опредѣленнаго направленія письма: они представляютъ намъ примѣры какъ новѣйшаго письма—отъ лѣвой руки къ правой, такъ и самаго древняго—змѣеобразнаго вустрофидона, встрѣчающагося, кромѣ того, только въ двухъ надписяхъ сабелльскаго письма (см. ниже) и въ нѣкоторыхъ древнихъ греческихъ надписяхъ Корциры и Пелопонеса. Между этими двумя способами письма—новѣйшимъ и древнѣйшимъ, мы находимъ въ сѣверо-этрусскихъ надписяхъ и обыкновенный вустрофидонъ и свойственное этрусскому, умбрскому и осскому діалектамъ направленіе письма отъ правой руки къ лѣвой (2).

Умбрскій алфавитъ. Онъ мало чѣмъ отличается отъ этрусскаго. Въ немъ есть *B*, котораго нѣтъ въ этрусскомъ, но нѣтъ *γ* (*c*) нѣтъ и *D*. Изъ придыхательныхъ существуетъ только *ϑ*, да и та замѣняетъ иногда собою *T* (3). Изъ свистящихъ *M* встрѣчается, но по значенію уже не отличается отъ *S*. Есть въ немъ двѣ новыхъ буквы: одна смягченное *R* (rs) и пишется q (4); значеніе другой еще темно: она пишется d и въ латинскомъ письмѣ умбрскихъ памятниковъ она выражается ᶜS. Лепсіусъ (5) полагаетъ, что она обознаетъ *ш*; Моммзенъ (6) считаетъ ее соотвѣтствующей лат. *X*. Направленіе письма у Умбровъ идетъ отъ правой руки къ лѣвой. Памятники ихъ письменности, такъ называемыя *игувинскія таблицы* (7), открыты еще въ 1444 году

---

(1) Таблица этихъ алфавитовъ у Моммзена въ Nordetruskische Alphab. Taf. III.

(2) См. Mommsen, Nordetrusk. Alphab. p. 222.

(3) Mommsen, Unterit. Dialek., p. 21.

(4) Lepsius, De tab. Eug. p. 56.

(5) Inscriptiones Umbricae et Oscae quotquot adhuc repertae sunt omnes. Lips. 1841, p. 156.

(6) Unterit. Dialekt. p. 22.

(7) Послѣ Бонароты (въ De Etruria Regali Демстера) и Ланци (Saggio di lingua Etrusca vol. III.) издавали и объясняли эти памятники

въ городѣ Губбіо и были предметомъ самаго старательнаго изученія.

Сабелльскій алфавитъ. Для полнаго возстановленія его нѣтъ данныхъ. Но одна особенность сабельскаго письма рѣзко бросается въ глаза: это змѣеобразный вустрофидонъ, который считается самымъ древнимъ способомъ писанія. Остатки его употребленія въ Италіи показываютъ, что письмо въ Италію пришло въ такую глубокую древность, отъ которой въ самихъ греческихъ памятникахъ почти не осталось слѣда. Обстоятельство, чрезвычайно важное для рѣшенія вопроса и о древности латинскаго алфавита! Главные памятники Сабельскаго алфавита—надписи изъ Греккіо и Купры ([1]).

Осскій алфавитъ. Онъ вовсе не знаетъ придыхательныхъ буквъ; но за то у него придыханіе производится посредствомъ *h*, какъ *ph, th, kh*. Въ осскомъ есть есть *B*, *C* и *D*. Послѣдняя является въ формѣ обратнаго латинскаго *R*, которое въ свою очередь въ осскомъ, какъ и другихъ алфавитахъ этрусскаго происхожденія, имѣетъ форму латинскаго *D*. Изъ свистящихъ имѣетъ только *S* (формы *M* уже вовсе нѣтъ). Встрѣчается *Z*, но очень рѣдко. *O* нѣтъ, какъ и во всѣхъ алфавитахъ этой группы, кромѣ нѣкоторыхъ сѣверо-этрусскихъ, но Оски сдѣлали его изъ V съ точкой на верху (V̇). Есть еще новый знакъ ⊦, который обозначаетъ вѣроятно тоже, что греч. *υ* или русское *ю*. Впрочемъ нужно замѣтить, что ни та, ни другая буква не встрѣчается на древнихъ памятникахъ осской письменности ([2]).

Родоначальникомъ всѣхъ этихъ алфавитовъ былъ тотъ греческій алфавитъ, который былъ найденъ на небольшомъ сосудѣ въ одной древней гробницѣ близь Цере и поступилъ

Гротефендъ, Rudimenta linguae Umbricae, Hann. 1835; Лепсіусъ, въ сейчасъ указанномъ изданіи; Ауфрехтъ и Кирхгофъ, Die Umbrischen Sprachdenkmäler erläutert. Berl. 1849—51; наконецъ Гушке, Die Iguvischen Tafeln nebst den kleineren Umbrischen Inschriften. Leipz. 1859.

([1]) См у Моммзена, Unter. Dial. Taf. II и XVII, и p. 333.

([2]) Сохранившіеся памятники этой письменности, нѣсколько разъ издававшіеся и въ цѣломъ и въ частяхъ, приведены и Моммзеномъ въ Unt. Dial. p 119 и слѣд. Taf. V—XII.

во владѣніе генерала Галасси, а затѣмъ въ грегоріанскій музей въ Ватиканѣ. Алфавитъ этотъ начертанъ на днѣ сосуда, по бокамъ котораго идутъ этрусскіе склады. Совершенно сходный съ этимъ алфавитъ былъ найденъ еще въ 17 вѣкѣ на стѣнѣ одной гробницы близъ Колле, въ семи миляхъ отъ Сіены, но онъ обрывается на буквѣ *O*. При немъ тоже склады. Необыкновенное сходство этого алфавита съ этрусскимъ (¹), равно какъ и обстоятельство, что одинъ и тотъ же алфавитъ найденъ на двухъ разныхъ точкахъ древней Этруріи, дѣлаютъ безспорнымъ предположеніе, что это — греческій образецъ, изъ котораго произошелъ этрусскій алфавитъ (²). Откуда проникъ этотъ алфавитъ въ Этрурію, это — вопросъ, рѣшеніе котораго нельзя назвать оконченнымъ. Что онъ принадлежитъ къ разряду дорическихъ алфавитовъ, это трудно подвергнуть сомнѣнію, такъ какъ существенные признаки послѣднихъ—*X* въ значеніи *Ξ* и *Ψ* въ значеніи *X* въ немъ признаны людьми самыми компетентными (³); но въ немъ есть буквы, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ дорическомъ алфавитѣ—финик. *самехъ* и *цаде*, и нѣтъ такой, которая находится въ большей части дорическихъ алфавитовъ, *коппы*. Отсюда колебаніе Моммзена причислить церитскій алфавитъ къ какой либо группѣ греческихъ алфавитовъ и предположеніе о возникновеніи его въ доисторическое время (⁴). Потомъ Моммзенъ (⁵) сдѣлалъ предположеніе о возможности произведенія его изъ древне-аттическаго, раньше другихъ потерявшаго коппу. Кирхгофъ, напротивъ, на основаніи своихъ соображеній, приводитъ этотъ алфавитъ къ разряду халкидскихъ. Онъ объясняетъ присутствіе *самеха* существованіемъ его не въ качествѣ буквы, а въ качествѣ простаго знака; въ подобномъ родѣ, хотя еще съ бо́льшею натяжкой объясняетъ онъ и присутствіе въ этомъ

(¹) См. Momms. Unt. Dial. Taf. I, 12, 13, 14; Noël des Vergers, L' Étrurie et les Étrus. III pl. XL.

(²) Mommsen, Unt. Dial. p. 15; Röm. Gesch. p. 210 3-го изд.; Kirchhoff, Studien и пр. p. 236.

(³) Mommsen, Unterit. Dialek. p. 10; Kirchhoff, Studien и пр. p. 236.

(⁴) Unterit. Dial., p. 40.

(⁵) Röm. Gesch. I, p. 209 3-го изд.

алфавитѣ *цаде*, а объ отсутствіи *коппы* замѣчаетъ, что или церитскій алфавитъ произошелъ изъ одного изъ халкидскихъ алфавитовъ въ то время, когда этотъ послѣдній потерялъ *коппу*, или просто ее пропустилъ на сосудѣ писецъ, въ которомъ нужно предполагать Этруска (1). Объясненія Кирхгофа очевидно навязаны ему системой, которую онъ старался провести относительно восточныхъ и западныхъ греческихъ алфавитовъ, выводя происхожденіе всѣхъ италійскихъ алфавитовъ изъ западной группы первыхъ. Мы не будемъ входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса, имѣя на то тѣмъ больше права, что оно не связано особенно близко съ нашимъ предметомъ. Замѣтимъ однако, что произведеніе этрусскаго алфавита непосредственно отъ финикійскаго, къ чему прибѣгаетъ Ноэль де Верже, посвятившій много лѣтъ занятію Этруріей и поплатившійся за нихъ даже жизнію, намъ кажется тоже мало вѣроятнымъ (2).

Въ противоположность первой группѣ италійскихъ алфавитовъ, во главѣ которыхъ стоитъ этрусскій алфавитъ, во второй группѣ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ латинскій алфавитъ, прежде всего выступаетъ на видъ гласная *O*, затѣмъ чуждая тѣмъ алфавитамъ *Q*, одинъ свистящій знакъ *S*, отсутствіе придыхательныхъ *ϑ*, *Φ* и *Ψ*, отсутствіе знака 8, замѣненнаго здѣсь *F*, и двойное употреблебленіе V въ качествѣ гласнаго и согласнаго знака.

Латинскій алфавитъ отличается отъ фалисскаго, съ которымъ онъ составляетъ эту группу, бо́льшимъ количествомъ буквъ: въ фалисскомъ недостаетъ губной *B*, которую впрочемъ Детлефсенъ (3) неправильно видитъ въ знакѣ ˥, недостаетъ гортанныхъ *K* и *Q*. При этомъ однако слѣдуетъ замѣтить, что положеніе *K* и въ латинскомъ алфавитѣ является очень не твердымъ. Въ палеографическомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе разница въ формѣ слѣдующихъ буквъ: лат. *F* фал. ↑, лат. Z фал. ǂ ꟗ, латинскому H соотвѣтствуетъ въ фалисскомъ старинная дорическая форма ⊟, причемъ есть въ этомъ послѣднемъ и латинская

(1) Studien и пр. p. 236—239.

(2) Noël des Vergers, L' Étrurie et les Étrurques III p. 47.

(3) Bulletino dell' Instituto di corrisp. archeolog. 1861, p. 200.

Алфавиты

Греческій халкидскихъ колоній.	Фалисскій.	Латинскій.
A A A	Я A	A
B B		B
C	Ↄ C	C
D ᐅ Δ	D	D ᐅ
E E	Ǝ ‖	E ‖
F C	↑ ꟻ	F
I	ǂ F	Z
H ⊟	H ⊟	H
ʘ O		
I	I	I
K		K
Ⅼ	⅃ ⅃ ⅄	Ⅼ L
M M	M	M M
N	И	N
O o	O	O
Π Γ	ᑫ Γ	Γ Γ
Ϙ		Q Q
P P	Я	R
ϟ S Σ	S	S
T T	† ⊦	T T T
V	V	V
X	+	X
Φ		
Ψ		

форма, латинскому *M* соотвѣтствуетъ въ фалисскомъ старинная пятилинѣйная форма ꟿ, лат. *N* фалис. И, лат. *T* фал. †, ⊦ лат. *X* фал. χ. Но вообще сходство двухъ алфавитовъ такъ велико, что они представляютъ собой какъ бы одинъ алфавитъ въ двѣ различныя эпохи. Судьбѣ угодно было соблюсти болѣе старинную форму для младшаго алфавита, образовавшагося у маленькаго народа на границахъ Этруріи, Умбріи и земли Сабиновъ, при помощи латинскаго вліянія на юго-западную Этрурію ([1]).

Мы сказали, что латино-фалисскій алфавитъ ведетъ свое происхожденіе отъ дорическаго алфавита, употреблявшагося въ такъ называемыхъ халкидскихъ колоніяхъ Сициліи и южной Италіи. Сходство латино-фалисскаго алфавита съ дорическимъ необыкновенно велико. Въ этомъ можно убѣдиться при первомъ взглядѣ на сравнительную таблицу этихъ алфавитовъ. Какимъ путемъ пришелъ дорическій алфавитъ въ Лаціумъ, сказать не трудно. Древнѣйшая исторія Рима представляетъ намъ не мало примѣровъ сношеній Римлянъ съ сицилійскими и южно-итальянскими городами. Когда въ первое время республики (въ 262 г. отъ о. Р.) Римляне посылали въ Кумы и даже въ Сицилію ([2]) корабли для закупки хлѣба, сильно вздорожавшаго въ Римѣ послѣ удаленія плебеевъ на священную гору, то это не были сношенія съ неизвѣстными мѣстами. Во время войны Латинянъ съ Порсеною, имъ помогали Кумы ([3]). Въ этихъ же Кумахъ и сложилъ свои кости Тарквиній Гордый ([4]). Изъ Кумъ еще въ періодъ царей были принесены въ Римъ книги Сивиллы,

---

([1]) См. историческія свѣдѣнія объ этомъ народѣ у Гарруччи въ Annali dell' Instituto di corrisp. archeolog., 1860 p. 211 и слѣд.

([2]) Liv. II. 34: Ventumque ad interitum servitiorum utique et plebis esset, ni consules providissent, dimissis passim ad frumentum coëmendum. non in Etruriam modo dextris ab Ostia litoribus, laevoque per Vulscos mari usque ad Cumas, sed quaesitum in Siciliam quoque.

([3]) Liv. II, 14: Arcessita deinde auxilia et a Latinis populis et a Cumis.

([4]) Liv. II, 21: Mortuus (Tarquinius) Cumis, quo se post fractas opes Latinorum ad Aristodemum tyrannum contulerat.

какъ объ этомъ единогласно говорятъ римскіе писатели [1]. Между греческими городами и Римомъ еще при Тарквиніѣ Древнемъ происходило то умственное сношеніе, по поводу котораго Цицеронъ говоритъ о сильномъ потокѣ, какимъ текло въ это время греческое образованіе въ Римъ [2]. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что сношенія Рима съ греческими городами начались только при Тарквиніяхъ. Что они были гораздо раньше ихъ, на это указываютъ преданія о пиѳагореизмѣ Нумы. Можно не придавать вѣры этимъ преданіямъ, но кто осмѣлится указать положительно начало сношеніямъ Латинянъ съ греческими колоніями, въ доисторическое время основавшимися въ южной Италіи? Очевидно, что эти сношенія путемъ торговли могли существовать съ незапамятныхъ временъ, въ особенности съ Кумами, основавшимися въ сосѣдственной съ Лаціумомъ Кампаніи. Вотъ почему мы охотно подтверждаемъ мнѣніе, высказанное еще О. Миллеромъ [3], что Латиняне получили алфавитъ изъ греческой Кампаніи, и думаемъ, согласно съ Моммзеномъ [4], что всего скорѣе латинскій алфавитъ вышелъ изъ Кумъ—города, съ которымъ и впослѣдствіи были тѣ дѣятельныя сношенія у латинскаго народа, о которыхъ мы говорили выше. Подъ вліяніемъ этихъ сношеній въ послѣдующее за принятіемъ алфавита время, латинскій алфавитъ видоизмѣнялся сообразно съ графическими нововведеніями, какимъ подвергался родоначальникъ его греческій алфавитъ у себя дома, и дошелъ до того состоянія, въ какомъ онъ является въ древнѣйшихъ римскихъ надписяхъ, графика которыхъ соотвѣтствуетъ формамъ халкидскаго алфавита надписей конца 3-го вѣка Рима [5]. Что латинскій алфавитъ не былъ первоначально такимъ, какимъ

---

(1) См. Швеглера, Röm. Gesch. I, p. 802 примѣч. 2.

(2) Cic. de Rep. II, 19, 34: Influxit enim non tenuis quidam e Graecia rivulus in hanc urbem, sed abundantissimus amnis illarum disciplinarum et artium. Fuisse enim quendam ferunt Demaratum Corinthium и пр.

(3) Etrusker, IV, p. 312.

(4) Unterit. Dial. p. 39.

(5) Mommsen, ibidem.

онъ является въ дошедшихъ до насъ памятникахъ, а видоизмѣнялся съ теченіемъ времени, это доказываетъ не только сохраненіе въ немъ самомъ нѣкоторыхъ архаическихъ формъ, но и открытыя надписи фалисскаго алфавита, который, будучи одного происхожденія съ латинскимъ, представляетъ однако, сравнительно съ послѣднимъ, гораздо болѣе древнія формы. Литографическая таблица представляетъ три алфавита въ томъ видѣ, въ какомъ каждый изъ нихъ сохранился. Формы буквъ фалисскаго алфавита мы приводимъ въ томъ направленіи, въ какомъ они являются въ новооткрытыхъ надписяхъ, т. е. въ направленіи отъ правой руки къ лѣвой.

По словамъ латинскихъ грамматиковъ, первоначально латинскій алфавитъ состоялъ изъ 16 буквъ (1). Такое мнѣніе грамматики усвоили себѣ, конечно, не на основаніи тщательнаго изученія исторіи латинскаго алфавита, а составили его себѣ по образцу греческихъ грамматиковъ, приписывавшихъ 16 буквъ первоначальному греческому алфавиту (2). Хотя къ мнѣнію грамматиковъ и пристали нѣкоторые ученые, какъ Гротефендъ (3), Бэръ (4) и Бернгарди (5), но мы не видимъ основанія, по которому можно бы было вступить въ этомъ случаѣ въ соглашеніе съ грамматиками. Для этого мы не имѣемъ никакой прочной опоры. На сколько позволяютъ вникнуть въ этотъ вопросъ памятники римской письменности, древнѣйшій римскій алфавитъ состоялъ изъ 21 буквы, столько же ихъ насчитываютъ въ латинскомъ алфа-

---

(1) Prisc. Inst. I, IV, 12, 15; Mar. Vict. p. 2459 ed. Putsch.; Jo. Lydus de mens. I, 9.

(2) Prisc. I, IV, 12. Apud antiquissimos Graecorum non plus sedecim erant literae, quibus ab illis exceptis Latini antiquitatem servaverunt perpetuam. О мнѣніяхъ греческихъ грамматиковъ относительно количества буквъ первоначальнаго греческаго алфавита см. Franz, Elementa Epigraphices Graecae. Berol. 1840 p. 14.

(3) Lat. Gramm. II, §. 148 p. 161.

(4) Geschichte der Röm. Litteratur. 3-е изд. p. 21. Свое согласіе съ грамматиками Бэръ повторяетъ и въ новомъ, готовящемся къ печати изданіи, первый томъ котораго намъ удалось видѣть у автора въ корректурныхъ листахъ.

(5) Grundriss der Röm. Litteratur. 4-е изд. p. 172 примѣч. 107.

витѣ Цицеронъ ([1]) и Квинтиліанъ ([2]). Въ новѣйшее время за алфавитъ изъ 21 буквы стоитъ по преимуществу Моммзенъ ([3]). Этотъ алфавитъ, извлеченный изъ памятниковъ древнѣйшей письменности, является намъ въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ въ нашей таблицѣ. Хотя составъ его и подтверждается древнѣйшими памятниками письменности, однако мы имѣемъ основаніе думать, что первоначально алфавитъ былъ короче по крайней мѣрѣ одной буквой. Это касается послѣдней буквы—*X*, соотвѣтствующей греч. ξ. Хотя она и является въ очень древнихъ латинскихъ памятникахъ, но тѣмъ не менѣе противъ ея введенія въ первоначальный латинскій алфавитъ говорятъ важные аргументы. Положимъ, что свидѣтельство Присціана, который увѣряетъ положительно, что эта буква введена уже послѣ въ латинскій алфавитъ ([4]), не имѣетъ особеннаго значенія, но одно уже то обстоятельство, что буквы этой не встрѣчается въ самыхъ древнихъ латинскихъ памятникахъ, какими мы обладаемъ, говоритъ не въ пользу введенія этой буквы въ первоначальный латинскій алфавитъ. Ея нѣтъ даже въ надгробной надписи Сципіона Бородатаго, консула 456 г. отъ о. Р., гдѣ ей слѣдовало бы стоять, если бы она была въ то время въ надлежащемъ употребленіи, именно вм. послѣдняго слова этой эпитафіи *abdoucit*, слѣдовало бы стоять *abdouxit*. Первый древнѣйшій памятникъ, гдѣ X употребляется, есть знаменитый *Senatusconsultum de Bacanalibus* 568 отъ осн. Р., но и тутъ ея присутствіе не обличаетъ еще прочнаго навыка въ ея употребленіи, такъ какъ дважды она встрѣчается въ словѣ *exstrad*, имѣя при себѣ *S*. Что касается до существованія ея въ надписи на *Columna rostrata*, относящейся по своему содержанію къ побѣдѣ Дуиллія надъ Карѳагенянами (494), то это не можетъ служить аргумен-

---

([1]) De nat. deor. II, 37: Si innumerabiles unius et viginti formae litterarum....

([2]) In. or. 1, 4, 9: Et nostrarum ultima X, qua tam carere potuimus, quam Ψ non quaerimus.

([3]) Unterit. Dialekt., p. 30 и слѣд.

([4]) Inst. I, II, 7 p. 8 ed. Hertz: (X) quae novissime a Latinis assumpta post omnes ponitur literas, quibus Latinae dictiones egent; cp. ibid. 14.

томъ противъ насъ, такъ какъ въ настоящее время ни для кого не тайна, что существующая теперь на дворѣ капитолійскаго дворца консерваторовъ надпись есть произвольная, по крайней мѣрѣ въ графическомъ отношеніи, копія археологовъ времени имперіи (1). Очень важное обстоятельство, которое указываетъ и Корсенъ (2), заключается въ томъ, что такой грамматикъ, какъ Нигидій Фигулъ, никогда не хотѣлъ считать *X* за дѣйствительную букву (3). Множество примѣровъ въ надписяхъ, свидѣтельствующихъ, что вмѣсто *X* и впослѣдствіи употреблялось *CS* или *XS*, какъ въ словахъ ucsori, lucserunt, bicsit, saxsum, proxsimum и т. п. (4), показываетъ, что буква эта, хотя и была принята въ латинскій алфавитъ, но не могла настоящимъ образомъ упрочить въ немъ своего значенія и даже считалась излишнею (5). Противъ мнѣнія Моммзена о принадлежности *X* къ первоначальному латинскому алфавиту говоритъ и то обстоятельство, что даже и въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ греческихъ надписяхъ, вмѣсто *Ξ* пишется *KM* или *KΣ* и *ΨΣ*=лат. *CS* и *XS* (6); накоцъ нельзя оставить безъ вниманія и того, что *X* является въ латинскомъ алфавитѣ на послѣднемъ мѣстѣ, стоя въ греческомъ между *N* и *O*. Итакъ мы склонны думать, что древнѣйшій латинскій алфавитъ заключалъ въ себѣ менѣе 21 буквы и состоялъ всего вѣроятнѣе изъ 20.

Къ задачѣ нашей не относится писать исторію латинскаго алфавита, но мы считаемъ нужнымъ сдѣлать о судьбѣ его нѣсколько замѣчаній. Буква *Z*, по всей вѣроятности, существовала въ древнѣйшемъ латинскомъ алфавитѣ и стояла

---

(1) Momms. Unterit. Dialek., p. 28; Ritschl, Inscriptio, quae fertur columnae Duellianae, Berol. 1852; Ritschl, De inscriptione columnae rostratae Duellianae, Berol. 1861.

(2) Über Aussprache, Vocalismus und Betonung des lateinischen Sprache. Leipz. 1858 p. 4.

(3) Cassiodor. ed Putsch. p. 2286.

(4) См. примѣры въ этомъ родѣ у Корсена: Über Aussprache и пр. p. 5 и 124.

(5) Quint. I. 4, 9.

(6) Böck, C. I. G. ad № 3 № 165 и слѣд.; Lepsius, De tab. Eugub. p. 65; Franz, Elementa Epigraph. Graecae, p. 20.

4

на седьмомъ, а не на послѣднемъ мѣстѣ, которое заняла еще въ очень раннее время, какъ мы видѣли, буква *X*. Она находится не только въ одномъ изъ сохранившихся у Варрона ([1]) отрывкѣ гимна Саліевъ, что давало еще римскимъ грамматикамъ мысль о древнѣйшемъ употребленіи этой буквы ([2]), но мы видимъ ее и на самыхъ древнихъ латинскихъ монетахъ ([3]). Впослѣдствіи, замѣняясь все болѣе и болѣе *S*, *Z* наконецъ совершенно потеряла свое мѣсто въ латинскомъ алфавитѣ, на которое въ первой четверти 6-го столѣтія вольно-отпущенникъ грамматикъ Сп. Карвилій Руга поставилъ сдѣлавшуюся уже необходимою и обращавшуюся уже въ письмѣ букву *G* ([4]). Звукъ, выражавшійся этою послѣднею, въ первоначальномъ римскомъ алфавитѣ имѣлъ для своего обозначенія букву *C*, черезъ маленькое видоизмѣненіе которой и образовалась *G*. Слѣды этого первоначальнаго значенія *C* сохранились и впослѣдствіи въ обозначеніи *C* такихъ собственныхъ именъ, гдѣ гортанный звукъ соотвѣтствуетъ твердому русскому *Г*, какъ *Cajus* (Гайюсъ) и *Cnejus* (Гнейюсъ) ([5]). Это первоначальное значеніе *C* засвидѣтельствовано и памятниками древнѣйшей латинской письменности, какъ напр. надписью на cista Praenestina ([6]), гдѣ Macolnia стоитъ вм. Magolnia или Magulnia ([7]), и подтверждается ясными свидѣтельствами древнихъ писателей ([8]), къ которымъ можно присоединить и антикваріевъ, редактировавшихъ надпись на columna rostrata, гдѣ пишется *leciones*,

---

([1]) Var. De Linqua Latina, VII, 26 ed. Müll.

([2]) Velius Longus de Orthogr. p. 2219 ed. Putsch.

([3]) Mommsen, Inscript. Lat. antiquissimae p. 4. Coza (вм. Cosa).

([4]) Plut. Qu. Röm., 59. Schneider, Lat. Gram. I, 1, 20; Momms. Unterit. Dial., p. 32.

([5]) Quint. I, 7, 28; Ter. Maur. p. 2402 ed. Putsch.

([6]) Ritschl, Priscae latin. monum. epigr. tab. I A; Mommsen, Inscriptiones Lat. antiquiss., p. 25.

([7]) Mommsen, Unterit. Dial., p. 28.

([8]) Mar. Vict. p. 2459 ed. Putsch., гдѣ приводятся слова: Cabino, lece, acna.

macistratos, exfociont, Cartaciniensis ([1]). Объ этомъ же значенiи *C* свидѣтельствуютъ и остатки древняго правописанiя во многихъ словахъ, какъ *vicesimus, tricesimus* и т. п., которое шло наравнѣ съ *vigesimus, trigesimus*. Послѣднее обстоятельство показываетъ между прочимъ, что *C* и *G* по крайней мѣрѣ при мягкихъ гласныхъ никогда существенно не отличались въ произношенiи, какъ и въ новомъ итальянскомъ языкѣ. Въ то время какъ буква *C* выражала тотъ же звукъ, который впослѣдствiи сталъ обозначаться *G*, звукъ, соотвѣтствующiй русскому *К*, выражался въ древнѣйшемъ латинскомъ алфавитѣ тоже буквою *K*: Kalendae, Kalumnia, Kaput, Kaeso, Kaelius, Dekem (bres), какъ значится въ одной древней надписи у Моммзена ([2]). Но съ теченiемъ времени *K* стало выходить изъ употребленiя, и *C* должно было отправлять обязанность и *G* и *K*, которому выпадало на долю начинать собой извѣстныя слова, относившiяся къ jus publicum или jus privatum, какъ Kalendae, Kalumnia, Kaput, или нѣкоторыя собственныя имена, какъ Kaeso. Безъ сомнѣнiя *K* не выходило никогда совсѣмъ изъ употребленiя. Въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ употребленiе его въ разныхъ случаяхъ, гдѣ правильная орѳографiя требовала *C*, въ особенности, если гортанный звукъ стоялъ передъ *A* какъ *karissimo, karus, kanus* и т. п. ([3]). Но во всякомъ случаѣ, послѣ того, когда прошелъ первый перiодъ колебанiя между *C* и *K*, разрѣшившiйся выработкою новаго знака *G*, который замѣнилъ собою прежнее *C*, эта послѣдняя стала собой правильно замѣнять *K* вездѣ, кромѣ немногихъ случаевъ, указанныхъ выше, и приняла на себя все его значенiе. Остальныя буквы латинскаго алфавита существовали постоянно, безъ перемѣны. Впослѣдствiи, въ концѣ республики, *Z* снова выходитъ на сцену, но только въ греческихъ словахъ; вмѣстѣ съ нимъ входитъ въ употребленiе и *Y*, но тоже для греческихъ словъ. Такимъ образомъ составился полный латинскiй алфавитъ изъ 23 буквъ, имѣя въ началѣ своего образованiя не больше двадцати. По поводу прибав-

---

([1]) См. въ изданiи Ричля tab. XCV.

([2]) Unterit. Dial., p. 32. Corssen, Über Ausspr. и пр. p. 6.

([3]) См. примѣры и указанiя у Корсена ibid. p. 6.

ленія трехъ лишнихъ буквъ къ латинскому алфавиту императоромъ Клавдіемъ мы можемъ замѣтить только то, что реформа Клавдія не имѣла никакого вліянія на судьбу латинскаго алфавита, такъ какъ вмѣстѣ съ самимъ Клавдіемъ изчезли и его буквы изъ употребленія ([1]).

([1]) Tac. Ann. XI, 14. Claudius tres litteras adjecit, quae usui imperitante eo, post oblitteratae, aspiciuntur etiam nunc in aere publico per fora ac templa fixo.

ГЛАВА II.

Царскіе законы (leges regiae) и союзные договоры царей (foedera regum).

Ссылки древнихъ писателей на царскіе законы и неизвѣстность источниковъ, по которымъ дѣлались эти ссылки. Сборникъ Папирія и степень его подлинности. Commentarii regum. Способы, посредствомъ которыхъ могли дойти до позднѣйшаго времени царскіе законы. Сохранившіеся до нашего времени царскіе законы. Союзные договоры царей. Несомнѣнность существованія нѣкоторыхъ изъ нихъ и трудность доказать подлинность другихъ, упоминаемыхъ древними писателями.

Многіе древніе писатели, по поводу разныхъ обстоятельствъ, указываютъ на царскіе законы, принадлежащіе то тому, то другому изъ семи римскихъ царей. Особенно часты эти указанія у историковъ и преимущественно у Діонисія Галикарнасскаго и Плутарха. Обыкновенно авторы не ссылаются на источники, изъ которыхъ они почерпнули свѣденіе о томъ или другомъ законѣ. Но такъ какъ указанія эти приводятся съ большой положительностью, иногда съ сохраненіемъ даже выраженій закона, то надо предполагать, что были источники, въ которыхъ эти законы были собраны. Цицеронъ, указывая на законы Нумы Помпилія, ссылается неопредѣленно на «памятники» (monumenta) (1), въ которыхъ содержатся эти законы. Въ другомъ мѣстѣ его

(1) Cic. De Rep. II, 14. Pompilius.... animos propositis legibus his, quas in monumentis habemus, ardentis consuetudine et cupiditate bellandi religionum caerimoniis mitigavit.

указаніе на источникъ еще неопредѣленнѣе, когда онъ говоритъ о законахъ Нумы только то, что они, какъ было всякому извѣстно въ его время, *существуютъ* (1), т. е. сохранились до его времени. Все это указываетъ на то, что сборники царскихъ законовъ существовали въ періодъ республики и были извѣстны публикѣ. Но болѣе опредѣленное свѣденіе объ этихъ сборникахъ мы получаемъ уже изъ писателя 2-го вѣка по Р. Х. Оно принадлежитъ знаменитому юристу Сексту Помпонію (современнику императоровъ Адріана и Антонина Пія), свидѣтельство котораго о первоначальномъ сборникѣ царскихъ законовъ внесено въ Дигесты. Этотъ Помпоній говоритъ, что царскіе законы существуютъ въ книгѣ Секста Папирія, который жилъ во время Тарквинія Гордаго и собралъ въ одно цѣлое разсѣянные царскіе законы (2). Діонисій Галикарнасскій тоже говоритъ о Гайѣ Папиріѣ, называя его первосвященникомъ, что онъ по изгнаніи царей собралъ религіозные законы Нумы (3). На книгу, цитуемую Помпоніемъ, ссылаются Макробій (4) и Сервій (5), а юристъ Граній Флаккъ написалъ даже объ ней спеціальное сочиненіе (6).

---

(1) De Rep. V, 2. Qui (Numa) legum etiam scriptor fuisset, quas scitis extare.

(2) Dig. de orig. jur. II, 2. (Leges) tulerunt (т. е. praeter Romulum) et sequentes reges: quae omnes conscriptae extant in libro Sexti Papirii, qui fuit iis temporibus, quibus Superbus Demarati Corinthii filius, ex principalibus viris. Is liber, ut diximus, appellatur jus civile Papirianum: non quia Papirius de suo quicquam ibi adjecit, sed quod leges sine ordine latas in unum composuit.

(3) A. R. III, 36: *Μετὰ δὲ τὴν ἐκβολὴν τῶν βασιλέων εἰς ἀναγραφὴν δημοσίαν αὖθις ἤχθησαν* (религіозныя постановленія Нумы) *ὑπ' ἀνδρὸς ἱεροφάντου Γαίου Παπιρίου τὴν ἁπάντων τῶν ἱερῶν ἡγεμονίαν ἔχοντος.*

(4) Saturn. III, 11, 5.

(5) Ad Virg. Aen. XII, 836.

(6) Dig. L, 144. Granius Flaccus in libro de jure Papiriano scribit pellicem nunc vulgo vocari, quae cum eo, cui uxor sit, corpus misceat. Въ этомъ мѣстѣ Граній Флаккъ вѣроятно говоритъ по поводу закона Нумы, приводимаго Фестомъ (Pellices p. 141 ed Müll.) и Гелліемъ (IV. 3).

Трудно рѣшить, относится ли ссылка Цицерона на «памятники», въ которыхъ дошли до него законы, къ той книгѣ, на которую указываетъ Помпоній и которая, по Діонисію, принадлежитъ первосвященнику Папирію, современнику изгнанія царей изъ Рима и имѣвшему личное имя (praenomen) не Секста, а Гайя. Если взять во вниманіе свидѣтельство Ливія объ отыскиваніи союзныхъ договоровъ и царскихъ законовъ послѣ галльскаго разоренія и изданіи нѣкоторыхъ изъ нихъ (1), то изъ него оказывается, что Ливій какъ будто ничего не знаетъ о существованіи сборника Папирія, сдѣланнаго еще въ первое время республики и преемственно дошедшаго до его времени. Напротивъ изъ словъ Ливія можно только заключить, что книги Папирія не существовало ни прежде галльскаго нашествія, ни послѣ него; ибо Ливій тутъ же замѣчаетъ, что военными трибунами съ консульскою властью 366 г. изданы были только нѣкоторые законы, и что законы, относившіеся къ религіи, были скрыты жрецами съ тою цѣлію, чтобы удобнѣе держать въ своихъ рукахъ вліяніе на духовную сторону народа посредствомъ религіи (2). По крайней мѣрѣ ясно, что сборникъ Папирія при возстановленіи послѣ галльскаго нашествія царскихъ законовъ не былъ извѣстенъ публикѣ, и духовенство позаботилось о томъ, чтобы существованіе его держалось въ тайнѣ, если онъ дѣйствительно существовалъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на то, что почти до временъ имперіи нѣтъ никакого указанія на существованіе сборника царскихъ законовъ, принадлежащихъ нѣкоему Папирію, котораго Діонисій Галикарнасскій называетъ первосвященникомъ. Діонисій Галикарнасскій, первый писатель, упоминающій объ этой личности и то только какъ о собирателѣ религіозныхъ законовъ Нумы, писалъ свое сочиненіе о «римскихъ древностяхъ» уже при Августѣ, и, какъ видно изъ собственныхъ словъ его, началъ его въ кон-

---

(1) Liv. VI, I. In primis foedera ac leges—erant etiam duodecim tabulae et quaedam regiae leges—conquiri, quae comparerent, jusserunt: alia ex eis edita etiam in vulgus.

(2) Liv. ibid. Quae autem ad sacra pertinebant, a pontificibus maxime, ut religione obstrictos haberent multitudinis animos, suppressa.

сульство Тиберія Клавдія Нерона и Гн. Кальпурнія Пизона, т. е. въ 745 г. отъ осн. Рима по Варронову счисленію (¹). Что же касается до свидѣтельства юриста Павла о Граніѣ Флаккѣ, написавшемъ трактатъ de jure Papiriano, то, хотя ученые, на основаніи свидѣтельства Цензорина (²) о Граніѣ Флаккѣ, написавшемъ книгу de Indigitamentis и посвятившемъ ее Цезарю, и полагаютъ, что Граній Флаккъ жилъ во время Ю. Цезаря, но все таки думать, что выраженіе Цензорина ad Caesarem относится именно къ Ю. Цезарю, а не къ какому либо позднѣйшему римскому цезарю, мы не имѣемъ *безспорнаго* права (³). Принимая же Гранія Флакка за современника Ю. Цезаря, мы получаемъ черезъ это не только тотъ фактъ, что сборникъ Папирія былъ извѣстенъ въ концѣ республики (на такое заключеніе даетъ намъ полное право и Діонисій Галикарнасскій), но и что ему приписывалось еще въ то время древнее происхожденіе. Это явствуетъ изъ того, что сборникъ этотъ счелъ нужнымъ объяснять такой любитель древностей, какъ Граній Флаккъ, котораго интересовали даже «Индигитаменты». Трактатъ Гранія Флакка de jure Papiriano, а не самый сборникъ Папирія служилъ, по всей вѣроятности, источникомъ свѣденій объ этомъ сборникѣ для послѣдующихъ юристовъ и антикваріевъ. По крайней мѣрѣ выписка Макробія изъ Jus Papirianum (⁴) очевидно взята изъ объяснительнаго сочиненія,

---

(¹) Dion. I, 3.

(²) Cens. de die nat., 3. Eundem esse genium et larem multi veteres memoriae prodiderunt, in quis etiam Granius Flaccus in libro, quem ad Caesarem de indigitamentis scriptum reliquit.

(³) Издатели отрывковъ открытаго въ пятидесятыхъ годахъ автора, Гранія Лициніана, Перцъ и вслѣдъ за нимъ Семь боннскихъ филологовъ (Philologorum Bonnensium Heptas) воспользовались свидѣтельствомъ Цензорина для того, чтобы подкрѣпить свое, какъ намъ кажется, совершенно неосновательное мнѣніе о принадлежности Гранія Лициніана къ вѣку Саллустія и Ю. Цезаря, не затрудняясь тѣмъ, что Граній Флаккъ и Граній Лициніанъ могутъ быть не болѣе однимъ лицомъ, какъ Сервій Туллій и Туллій Цицеронъ. См. изд. Перца Praef. p. XV, у боннск. филол. p. XX.

(⁴) Macrob. Sat. III, 11, 5. In Papiriano jure evidenter relatum est arae vicem praestare posse mensam dicatam. За тѣмъ приводятся слова этого памятника, не имѣющія ничего общаго съ тономъ законодательства.

а не изъ самаго сборника. Не сомнѣваясь въ томъ, что въ концѣ республики существовалъ древній сборникъ царскихъ законовъ, мы все таки не можемъ быть увѣрены, что онъ принадлежалъ именно Папирію, современнику изгнанія царей изъ Рима, называвшемуся у Діонисія Гаемъ, а у Помпонія Секстомъ. Поводъ къ недоумѣнію подаютъ сами древніе писатели, называя этого Папирія то Гайемъ (1), то Маніемъ (2), то Секстомъ (3), то Публіемъ (4). Обстоятельство это, безъ сомнѣнія, важно, и нельзя не обратить на него полнаго вниманія; впрочемъ оно никакъ не можетъ говорить противъ самаго факта образованія сборника царскихъ постановленій въ первое время по изгнаніи царей, сборника, получившаго впослѣдствіи названіе *Jus Papiranum*. Ошибки въ начертаніи собственнаго имени самымъ естественнымъ образомъ могли возникнуть не только у переписчиковъ Діонисія, у составителей Дигестовъ и ихъ переписчиковъ, но и у самихъ Діонисія и Помпонія. Очень вѣроятно и то, что такъ какъ между Папиріями могло быть нѣсколько хорошихъ юристовъ, то Jus Papirianum еще во время республики по ошибкѣ приписывался то тому изъ нихъ, то другому. Цумптъ дѣлаетъ предположеніе, что Jus Papirianum составленъ нѣсколькими лицами изъ фамиліи Папиріевъ (5). Такое предположеніе можетъ тоже имѣть свое значеніе, но оно вовсе не объясняетъ разности въ praenomin'ахъ, придаваемыхъ древними писателями собирателю царскихъ законовъ Папирію, который въ ихъ глазахъ былъ все таки однимъ лицомъ.

Для насъ собственно рѣшеніе вопроса о подлинности сборника законовъ, извѣстнаго въ концѣ республики подъ именемъ Папиріева, важно въ томъ отношеніи, что если дѣйствительно существовалъ такой сборникъ, ведшій свое происхожденіе отъ самаго перваго времени республики, то ясно, что приводимые или указываемые древними писателями цар-

---

(1) Dion. III, 36.

(2) Dion. V, 1.

(3) Digest. I, 2, § 2.

(4) Ibid. § 36.

(5) Zumpt, Das Criminalrecht der Römischen Republik, Berlin, 1865. I, p. 29 и 32.

скіе законы идутъ изъ источника чрезвычайно важнаго въ исторіи римской письменности. Былъ ли этотъ сборникъ сдѣланъ въ интересахъ патриціевъ, и были ли тамъ царскіе законы искажены, или Папирій исполнилъ свое дѣло добросовѣстно, для насъ это все равно. Вопросъ объ этой добросовѣстности имѣетъ свою важность для политическаго историка и юриста; для филолога же, ищущаго слѣдовъ римской письменности въ древнѣйшую пору римской исторіи, важны самые слѣды, важенъ самый фактъ письменности, совершенно независимо отъ политическихъ или юридическихъ тенденцій въ актахъ этой письменности. Если же существованіе сборника Папирія отъ начала республики нужно признать недоказаннымъ — а другаго мнѣнія объ этомъ предметѣ мы имѣть не можемъ ([1]) — то вмѣстѣ съ тѣмъ мы лишаемся письменнаго документа необыкновенной важности для нашего изслѣдованія.

Но какъ ни велики для нашей задачи послѣдствія нерѣшимости вопроса о сборникѣ Папирія, тѣмъ не менѣе рѣчь наша о царскихъ законахъ не можетъ быть остановлена. Мы знаемъ, что такіе законы существовали. Знаемъ и то, что нѣкоторые изъ нихъ были снова изданы государственнымъ путемъ послѣ галльскаго разоренія. Если они не были собраны Папиріемъ, то несомнѣнно, что были другіе сборники, въ которыхъ они существовали, и которые были извѣстны людямъ, занимавшимся отечественной исторіей. Неопредѣленное свидѣтельство Цицерона ([2]) о томъ, что сохранились до его времени законы Нумы in monumentis, заставляетъ насъ думать, что Цицеронъ не имѣлъ въ виду книги Папирія, а хотѣлъ, по всей вѣроятности, указать этимъ на памятники чисто оффиціальнаго значенія. Такими

([1]) Замѣчательно однако, что въ глубокой древности сборника Папирія иногда не позволяли себѣ сомнѣваться люди, проникнутые самымъ смѣлымъ скептицизмомъ. Такъ Нибуръ (Röm. Gesch. p. 141 изданія въ одной книгѣ 1853 Berl.) говоритъ: An dem hohen Alter einer Sammlung der Gesetze der Könige, die ein Papirius verfasst, ist kein Grund zu zweifeln. — Въ послѣднее время подлинность Папиріева сборника энергически доказывалъ Цумптъ въ выше указанномъ сочиненіи: Das Criminalrecht der Röm. Republik, I, p. 35.

([2]) De Rep. II, 14.

памятниками, по отношенію къ законамъ Нумы, всего скорѣе могли быть церковныя книги, libri pontificum, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, а также и жреческая лѣтопись, annales pontificum (иначе Maximi), которая въ его время вела свое повѣствованіе отъ первыхъ временъ римскаго государства (ab initio rerum Romanarum) (1). Наконецъ такими памятниками для Цицерона могли быть, такъ называемыя и извѣстныя многимъ древнимъ писателямъ, записки царей (commentarii regum), о которыхъ мы немедленно будемъ говорить.

Подъ именемъ *Commentarii regum*, какъ видно изъ ссылокъ на нихъ древнихъ писателей, разумѣлись тѣ законы, постановленія или распоряженія, которыя принадлежали тому или другому царю и составляли такимъ образомъ какъ бы отдѣльные сборники правительственныхъ распоряженій. На такого рода документы древніе писатели ссылаются довольно часто. По преимуществу ссылки эти касаются комментаріевъ Нумы. Такъ Т. Ливій указываетъ въ двухъ мѣстахъ (2) на комментаріи Нумы, которыми пользуются по отношенію къ религіознымъ установленіямъ его преемники Туллъ Гостилій и Анкъ Марцій. Послѣдній даже повелѣлъ первосвященнику всѣ распоряженія Нумы, касающіяся общественнаго отправленія религіозныхъ обязанностей, начертать по его *комментаріямъ* (ex commentariis regis) на бѣлой доскѣ и выставить эту доску въ общественномъ мѣстѣ (3). Объ этихъ комментаріяхъ говоритъ и Плутархъ (4), называя ихъ *ὑπομνήματα*, что собственно и значитъ *commentarii* т. е. записки, memoires. На комментаріи Нумы указываетъ и Діонисій Галикарнасскій (5), подтверждая разсказъ Ливія о распоряженіи Анка Марція. Цицеронъ въ рѣчи своей въ защиту Рабирія говоритъ о комментаріяхъ царей такимъ

---

(1) Cic. de Orat. II, 12, 52.

(2) Liv. I, 31 и 32.

(3) Liv. I, 32: longe antiquissimum ratus sacra publica ut a Numa instituta erant facere, omnia ea ex commentariis regis pontificem in album elata proponere in publico jubet. Dion. III, 36.

(4) Marcell., 8.

(5) A. R. III, 36.

тономъ, изъ котораго ясно видно, какъ существованіе въ его время такого рода сборниковъ, такъ и извѣстность ихъ въ кругу ученыхъ и литераторовъ (1). Къ ссылкамъ на эти комментаріи царей, несомнѣнно, относятся и тѣ мѣста въ словарѣ Феста, гдѣ въ одномъ случаѣ указывается на расписаніе Сервіемъ Тулліемъ гражданъ по центуріямъ (2), а въ другомъ на расписаніе гражданъ по классамъ (3). Очевидно, что у Веррія Флакка, котораго сократилъ Фестъ, были подъ руками комментаріи Сервія Туллія, когда онъ объясняетъ по нимъ нѣкоторыя древнія слова и выраженія. Съ комментаріями Сервія Туллія былъ, безъ сомнѣнія, знакомъ и Цицеронъ, когда онъ, объясняя расписаніе гражданъ по классамъ и центуріямъ, замѣчаетъ, что Сервій Туллій старался быть точнымъ, давая названія разнымъ классамъ гражданъ и называя богатыхъ *assidui*, а бѣдныхъ *proletarii* (4). Комментаріи Нумы иногда называются *книгами* Нумы. Плиній Старшій, говоря о небрежномъ исполненіи религіозныхъ церемоній Тулломъ Гостиліемъ по предписаніямъ Нумы, называетъ эти послѣднія *книгами* Нумы (ex Numae libris) (5), тогда какъ Ливій въ томъ же самомъ случаѣ говоритъ о *комментаріяхъ* (6). Впрочемъ и самъ Ливій, называетъ *книгами* тѣ письменные памятники Нумы, которые были найдены въ ящикѣ подлѣ Яникула въ 573 г. и сожжены публично, по

---

(1) Cic. Pro Rabir. V, 15: Cum iste omnis et suppliciorum et verborum acerbitates non ex memoria vestra ac patrum vestrorum, sed ex annalium monumentis atque ex regum commentariis conquisierit и пр.

(2) Fest. p. 246 ed. Müll. Pro censu classis juniorum Ser. Tullius cum dixit in descriptione centuriarum, accipi debet in censu.

(3) Fest. въ Procum ed. Müll. p. 249. Procum patricium in descriptione classium, quam fecit Ser. Tullius, significat procerum.

(4) Cic. de R. p. II, 22. Etiam verbis ac nominibus ipsis fuit diligens, qui cum locupletis adsiduos appellasset ab aere dando; eos qui aut non plus mille quingentum aeris, aut omnino nihil in suum censum praeter caput attulissent, proletarios nominavit.

(5) Pl. N. H. XXVIII, 4.

(6) Liv. I, 31.

опредѣленію сената, какъ подложные (1). Но не объ этихъ книгахъ наша рѣчь.

Что касается до того, какимъ образомъ дошли до писателей конца республики и имперіи комментаріи царей, кто далъ имъ ту редакцію, въ какой они были читаемы этими писателями, сказать не только трудно, но и совершенно невозможно. Видно только одно, что комментаріи царей относились по своей редакціи къ такому отдаленному времени, что могли возбудить общее довѣріе къ своей подлинности. Довѣріе къ подлинности этого рода памятниковъ было тѣмъ болѣе сильно, что вся древность признавала источникомъ религіознаго законодательства Нуму (2). Діонисій Галикарнасскій, который любилъ все знать и толковать обо всемъ подробно, говоритъ, что Нума, издавши законы, относящіеся къ религіи и ея обрядамъ, раздѣлилъ ихъ на восемь частей (3). Ливій не говоря о раздѣленіи законодательства Нумы на восемь частей, замѣчаетъ, что, запечатлѣвши письмомъ свои религіозныя постановленія, онъ вручилъ ихъ для руководства первосвященнику Нумѣ Марцію (4). Раньше мы замѣчали, что Анкъ Марцій, по свидѣтельству древнихъ, велѣлъ даже опубликовать религіозныя постановленія Нумы (5). Такъ какъ это религіозное законодательство пребывало въ главныхъ чертахъ неизмѣннымъ, то и понятно, что книги, въ которыхъ оно содержалось, и въ послѣдующее время считались происхо-

---

(1) Liv. XL, 29.

(2) Cic. de Rep. II, 14: Animos propositis legibus his (касающихся религіи), quas in monumentis habemus, mitigavit; de Rep. V, 2: Illa autem diuturna pax Numae mater huic urbi juris et religionis fuit; qui legum etiam scriptor fuisset, quas scitis extare. Liv. I, 19: Qui (Numa) regno ita potitus, urbem novam, conditam vi et armis, jure eam legibusque ac moribus de integro condere parat. Plut. Num. 8. Virg. Aen. VI, 811; Ovid. Fast. III. 277; Tac. Ann. III, 26 и др.

(3) Dion. II, 63: *περιλαβὼν δὲ ἅπασαν τὴν περὶ τὰ θεῖα νομοθεσίαν γραφαῖς διεῖλεν εἰς ὀκτὼ μοίρας, ὅσαι τῶν ἱερῶν ἦσαν αἱ συμμορίαι.*

(4) Liv. I, 20: Pontificem deinde Numam Marcium, Marci filium, ex patribus legit, eique sacra omnia exscripta exsignataque attribuit.

(5) Liv. I, 32; Dion. III, 36.

дящими отъ Нумы. Вмѣстѣ съ этимъ понятно и то, что такъ какъ законодательство Нумы касалось исключительно религіи, то и переходило преемственно изъ вѣка въ вѣкъ въ книгахъ, принадлежавшихъ духовному сословію, о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи. Такимъ путемъ могли дойти до позднѣйшаго времени комментаріи Нумы. Другой рядъ ссылокъ древнихъ писателей относится, какъ мы видѣли, къ комментаріямъ Сервія Туллія, законодательная дѣятельность котораго была тоже весьма велика. Какъ Нума считался источникомъ церковнаго законодательства Рима, такъ Сервій Туллій признавался главнымъ основателемъ гражданскаго порядка въ Римѣ (¹). Что законодательство этого царя было письменнымъ, это, независимо отъ свидѣтельства древнихъ писателей, не можетъ подлежать сомнѣнію по самой сущности дѣла; ибо введеніе ценза между гражданами и распредѣленіе послѣднихъ на основаніи его по классамъ и центуріямъ не могло обойтись безъ письма ни въ какомъ случаѣ. А такъ какъ гражданское устройство и республиканскаго Рима опиралось на законодательство Сервія Туллія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что такого рода государственный памятникъ существовалъ до позднѣйшаго времени въ подлинной, или нѣсколько искаженной послѣдующими нововведеніями редакціи. Это видно не только изъ того, что центуріальное законодательство Сервія Туллія было извѣстно въ подробности Цицерону (²), Ливію (³), Діонисію Галикарнасскому (⁴), но и изъ тѣхъ толкованій нѣкоторыхъ выраженій его законодательства въ словарѣ Феста, на которыя мы уже указывали. Комментаріи Сервія Туллія, какъ важнѣйшій государственный документъ изъ всей древней исторіи Рима, заслуживали быть сохраняемыми въ государственныхъ архивахъ, помимо всякаго участія частныхъ лицъ въ этомъ дѣлѣ.

(¹) Liv. I, 42: Adgreditur inde ad pacis longe maximum opus, ut, quem ad modum Numa divini auctor juris fuisset, ita Servium conditorem omnis in civitate discriminis ordinumque... posteri fama ferrent. Tac. An. III, 26: Praecipuus Servius Tullius sanctor legum fuit.

(²) De Rep. II, 22.

(³) Liv. I, 43.

(⁴) Dion. IV, 11 и слѣд.

Такимъ образомъ мы видимъ, что законы по крайней мѣрѣ двухъ римскихъ царей—Нумы и Сервія Туллія могли дойти до писателей конца республики и имперіи, независимо отъ другихъ путей, въ сборникахъ, носившихъ названіе: *Commentarii regum*. Что такіе сборники существовали, это мы знаемъ. Намъ неизвѣстно только то, въ какой редакціи читали комментаріи царей Цицеронъ и слѣдовавшіе за нимъ римскіе писатели.

Но наиболѣе вѣрный путь, которымъ дошли до позднѣйшаго времени по крайней мѣрѣ нѣкоторые царскіе законы, это — надписи на мѣдныхъ доскахъ и столбахъ, а частію и на деревянныхъ таблицахъ, покрытыхъ гипсомъ. Мы имѣемъ тѣмъ большее право утверждать это, что до насъ дошли свидѣтельства древнихъ, подтверждающія наше положеніе самымъ яснымъ образомъ. Таково приведенное нами въ первой главѣ свидѣтельство Діонисія Галикарнасскаго, что до его времени сохранилась въ храмѣ авентинской Діаны надпись на мѣдномъ столѣ (*χαλκῇ στήλῃ*), содержавшая въ себѣ договоръ Сервія Туллія съ латинскими городами (1). Не менѣе важно въ этомъ случаѣ свидѣтельство Поливія о приводимыхъ имъ трехъ договорахъ Римлянъ съ Карѳагенянами, что всѣ они начертаны на мѣдныхъ таблицахъ (*χαλκώματα*), хранившихся до его времени въ казнохранилищѣ эдиловъ подлѣ храма Юпитера Капитолійскаго (2). При этомъ нужно замѣтить, что первый договоръ Римлянъ съ Карѳагенянами былъ заключенъ въ первый годъ республики, т. е. въ 255 год. отъ основанія Рима. Этотъ древній обычай изображать союзные договоры, равно какъ и законы, на мѣдныхъ таблицахъ или столбахъ постоянно удерживался и въ послѣдующее время. Такъ, извѣстенъ союзный договоръ, заключенный Сп. Кассіемъ съ Латинянами въ 261 г. отъ осн. Р. и начертанный на мѣдномъ столбѣ (foedus cum Latinis columna aenea insculptum) (3). На мѣдномъ же столбѣ былъ изображенъ законъ Ицилія 262 г. о власти трибуновъ (4). На мѣди были начертаны законы

---

(1) Dion. IV, 26.

(2) Polyb. III, 26.

(3) Liv. II, 33; Cic. pro Balb., 23.

(4) Dion. X, 32.

XII таблицъ (¹) и т. п. Что законы, начертанные на мѣдныхъ таблицахъ или столбахъ, могли легко сохраниться въ тѣхъ храмахъ, или въ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ они были выставлены, это понятно каждому. Менѣе прочны были деревянныя (дубовыя) доски, покрытыя гипсомъ, на которыхъ, по свидѣтельству Діонисія, писались законы, прежде чѣмъ было введено въ употребленіе письмо на мѣди (²). Тѣмъ не менѣе доски эти были въ большомъ ходу (³). На выбѣленныхъ деревянныхъ доскахъ писалась впослѣдствіи жреческая лѣтопись (annales pontificum) (⁴). Другіе письменные акты тоже не гнушались бѣлой доской: такъ Гн. Флавій, рѣшившійся обнародовать фасты, выставилъ ихъ около форума на бѣлыхъ доскахъ (in albo) (⁵).

Такимъ образомъ средствъ къ сохраненію царскихъ законовъ было достаточно и самымъ прочнымъ изъ нихъ были, неоспоримо, мѣдные столбы и таблицы. Большая часть законовъ, въ особенности писанныхъ на деревянныхъ доскахъ, могли погибнуть во время нашествія Галловъ, но нѣкоторые изъ нихъ, какъ это положительно извѣстно, были возстановлены немедленно по удаленіи Галловъ (⁶). Мы не думаемъ, чтобы царскихъ законовъ было много, и вполнѣ согласны съ Ливіемъ, что въ первые времена римскаго го-

---

(¹) Liv. III, 57: Dion. X, 57; Diod. Sic. XII, 26.

(²) Dion. III, 36: *χάλκεαι στῆλαι οὔπω τότε ἦσαν* (во время Анка Марція), *ἀλλ' ἐν δρυΐναις ἐχαράττοντο σανίσιν οἵ τε νόμοι καὶ αἱ περὶ τῶν ἱερῶν διαγραφαί.* Т. Ливій, I, 32, говоря о томъ же самомъ распоряженіи Анка Марція, по поводу котораго дѣлаетъ выше приведенное замѣчаніе Діонисій, именно о публикованіи законовъ Нумы, замѣчаетъ точно также, что они были написаны на бѣлой доскѣ, album (*λεύκωμα*).

(³) Joh. Lyd. de mens. I, 24: *Λέγεται παρὰ Ῥωμαίοις ματρίκιον τὸ πλατὺ καὶ παχὺ ξύλον. οἱ γὰρ ἀρχαῖοι ξύλοις καὶ φλιοις καὶ φιλιρίνοις πίναξι πρὸς γραφὴν ἐκέχρηντο.*

(⁴) Serv. ad Aen. I, 373: Ita autem annales conficiebantur: tabulam dealbatam quotannis Pontifex Maximus habuit и пр. Cic. de Orat. II, 12: res omnes singulorum annorum mandabat litteris pontifex maximus efferebatque in album.

(⁵) Liv. IX, 46: Civile jus repositum in penetralibus pontificum evulgavit, fastosque circa forum in albo proposuit.

(⁶) Liv. VI, 1.

сударства parvae et rarae litterae fuere; но что царскіе законы (письменные) существовали и многіе изъ нихъ сохранились до римскихъ историковъ и юристовъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Свидѣтелями того служатъ нѣсколько законовъ, дошедшихъ до нашего времени. Конечно законы эти, не смотря на большую древность ихъ языка, дошли до насъ не совсѣмъ въ первоначальной формѣ. Языкъ ихъ, какъ ни древенъ, все таки не есть въ цѣломъ языкъ времени царей и даже не языкъ первыхъ лѣтъ республики, на сколько мы можемъ судить по отрывкамъ гимновъ жрецовъ Саліевъ и по извѣстному гимну братьевъ Арвальскихъ, равно какъ и по свидѣтельству Поливія о языкѣ перваго договора Рима съ Карѳагеномъ, который въ 6-мъ столѣтіи могли понимать лишь самые свѣдующіе (συνετώτατοι) люди Рима [1]. Очевидно, что формы языка этихъ законовъ въ теченіе вѣковъ обновлялись новыми редакціями юристовъ и писателей, какъ это видно изъ формъ и орѳографіи одного и того же закона Нумы, приводимаго Фестомъ и Гелліемъ [2]. Тѣмъ не менѣе это языкъ законовъ, по своему духу и историческому смыслу дѣйствительно принадлежащихъ ко времени царей. Всѣ они относятся къ семейному и религіозному праву—основанію права государственнаго.

Два изъ этихъ, сохранившихся до насъ, законовъ принадлежатъ Ромулу. Одинъ изъ нихъ, сохраненный Сервіемъ [3], гласитъ такъ:

Patronus si clienti fraudem fecerit, sacer esto. Другой, болѣе древней формы, но не полный, передаетъ намъ Фестъ [4]:

Si nurus... sacra divis parentum estod.

Отъ Нумы сохранилось шесть или семь законовъ, которые всѣ относятся къ религіозному праву, сообразно съ характеромъ законодательства этого царя. Текстъ ихъ слѣдующій:

Si hominem fulmen Jovis occisit, ne supra genua tollito [5].

---

(1) Polyb. III, 22.

(2) Fert. Pellices. Gell. N. A. IV, 3. См. текстъ ниже.

(3) Serv. ad Virg. Aen. VI, 609.

(4) Fest. Plorare.

(5) Fest. Occisum.

Вслѣдъ за этимъ Фестъ прибавляетъ, что въ другомъ мѣстѣ законодательства Нумы говорится такъ (законъ приводится въ совершенно новой по языку формѣ) (1):

Homo si fulmine occisus est, ei justa nulla fieri oportet.

Объясняя слово *aliuta*, которое употреблялось вмѣсто позднѣйшаго aliter, сократитель Феста Павелъ Дьяконъ приводитъ слѣдующій, неизвѣстно къ чему относящійся законъ Нумы (2):

Si quis aliuta faxit, ipsus Jovi sacer esto. Объясняя выраженіе Opima spolia, Фестъ говоритъ, что на этотъ счетъ есть такой законъ царя Помпилія (Нумы) (3):

Cujus auspicio classe procincta opima spolia capiuntur, Jovi Feretrio darier oporteat et bovem caedito; qui cepit, aeris CC. Secunda spolia in Martis aram in campo, solitaurilia utra voluerit, caedito. Tertia spolia Janui Quirino agnum marem caedito, C qui ceperit ex aere, dato; cujus auspicio capta, Dis piaculum dato.

Плиній Старшій, говоря о древнемъ обычаѣ совершать возліяніе богамъ молокомъ, а не виномъ, приводитъ слѣдующій Законъ Нумы (4):

Vino rogum ne respergito.

У Геллія и у Павла Дьякона сохранился законъ Нумы о наложницахъ, передаваемый первымъ писателемъ въ болѣе древней формѣ, чѣмъ какъ мы его читаемъ у втораго.

У Геллія законъ этотъ гласитъ такъ (5):

Pelex asam Iunonis ne tacito; si tacet, Junoni crinibous demisis acnum feminam caidito

У Павла Дьякона читается такъ (6):

Pellex aram Junonis ne tangito; si tanget, crinibus demissis agnam feminam caedito.

Павелъ Дьяконъ, приводя объясненіе на выраженіе parrici quaestores, приводитъ такой законъ Нумы (7):

---

(1) Ibid.

(2) Paul. Diac. Aliuta.

(3) Fest. Opima Spolia.

(4) Plin. N. H. XIV, 12, 88 ed. Jan.

(5) Gell. IV, 3.

(6) Paul. Pellices.

(7) Paul. Parrici.

Si qui hominem liberum dolo sciens morti duit, parricidas esto.

Изъ законовъ Сервія Туллія, которому Римъ обязанъ обширнымъ гражданскимъ законодательствомъ, сохранился только одинъ законъ, относящійся къ семейному праву.

Si parentem puer verberit, ast olle plorassit (вм. clamarit), puer divis parentum esto ([1]).

Мы не беремся возстановлять тѣхъ законовъ этихъ царей, текста которыхъ мы не знаемъ, равно какъ и законовъ Анка Марція и Тулла Гостилія, текстъ которыхъ намъ тоже вовсе неизвѣстенъ. Многочисленные опыты цѣлаго ряда юристовъ, подвизавшихся на этомъ пути, не привели ни къ какимъ прочнымъ результатамъ, какъ это доказано еще Дирксеномъ ([2]). Что же касается до законодательства двухъ Тарквиніевъ, то о немъ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣденій.

Вслѣдъ за царскими законами намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о союзныхъ и другихъ договорахъ, заключавшихся римскими царями съ другими городами и народами. Что такіе договоры существовали, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. О двухъ изъ нихъ мы имѣемъ свидѣтельства, принадлежащія Діонисію Галикарнасскому, который видѣлъ ихъ своими глазами, хотя, по всей вѣроятности, и не могъ понять вполнѣ языка ихъ. Одинъ изъ этихъ союзныхъ договоровъ есть упомянутый нами уже нѣсколько разъ договоръ Сервія Туллія съ латинскими городами. Онъ былъ заключенъ по поводу построенія въ Римѣ на авентинской горѣ на общія деньги латинскихъ городовъ храма Діаны, который, удовлетворяя религіознымъ потребностямъ, общимъ всему латинскому племени, долженъ былъ въ тоже время сдѣлаться центромъ торговыхъ и политическихъ съѣздовъ для латинскихъ городовъ. Статьи этого договора съ именами городовъ, въ немъ участвовавшихъ, были начертаны на мѣдномъ столбѣ, который былъ поставленъ въ самомъ храмѣ Діаны и сохранился до временъ имперіи. Діонисій Галикарнасскій при этомъ

([1]) Fest. Plorare.

([2]) Dirksen, Versuche zur Kritik und Auslegung der Quellen des Römischen Rechts. Leipz. 1823, p. 249 и слѣд.

случаѣ замѣчаетъ, что формы буквъ этого договора суть формы старинныхъ греческихъ буквъ (1). Діонисій выводитъ изъ послѣдняго обстоятельства, сообразно съ своей теоріей, заключеніе въ пользу греческаго происхожденія Латинянъ. Для насъ же все это свидѣтельство важно въ томъ отношеніи, что, какъ мы уже замѣчали, оно служитъ непреложнымъ доказательствомъ не только ранняго употребленія письма въ Римѣ для государственныхъ и религіозныхъ цѣлей, но и общей извѣстности, даже распространенности его въ Лаціумѣ въ послѣднюю половину період римскихъ царей. До насъ не дошелъ этотъ памятникъ, но можно, кажется, безъ ошибки сказать, что одно слово этого документа намъ извѣстно. Именно въ словарѣ Феста говорится, что въ законѣ посвященія жертвенника авентинской Діаны употреблено слово *nesi* вмѣсто *sine* (2). Второй несомнѣнный документъ этого рода есть союзный договоръ Тарквинія съ жителями завоеваннаго Римлянами латинскаго города Габій (3). Онъ сохранялся еще во время Діонисія Галикарнасскаго въ храмѣ бога Вѣрности (Dius Fidius), иначе называвшагося Санкомъ (Sancus, Sangus, сабинскій богъ, культъ которому введенъ былъ Таціемъ), на Квириналѣ. Это былъ деревянный щитъ, покрытый шкурой быка. На этой шкурѣ, которою покрытъ былъ щитъ, были начертаны, по выраженію Діонисія, *древними буквами* (*γράμμαδιν ἀρχαϊχοῖς*) условія союзнаго договора, или, правильнѣе говоря, условія мира, пред-

---

(1) Dion. IV, 26: *Κατεσκεύασεν* (Сервій Туллій) *ἐξ ὧν ἅπασαι συνήνεγκαν αἱ πόλεις χρημάτων τὸν τῆς Ἀρτέμιδος νεὼν, τὸν επὶ τοῦ μεγίστου τῶν ἐν τῇ Ῥώμῃ λόφων ἱδρυμένον Αὐεντίνου. καὶ τοὺς νόμους συνέγραψε ταῖς πόλεσι πρὸς ἀλλήλας, καὶ τἆλλα τὰ περὶ τὴν ἑορτὴν καὶ πανήγυριν ὃν ἐπιτελεσθήσεται τρόπον ἐταξεν. ἵνα δὲ μηδεὶς χρόνος αὐτοὺς ἀφανίσῃ, στήλην κατασκευάσας χαλκῆν, ἔγραψεν ἐν ταύτῃ τὰ τε δόξαντα τοῖς συνέδροις καὶ τὰς μετεχούσας τῆς συνόδου πόλεις. αὕτη διέμεινεν ἡ στήλη μέχρι τῆς ἐμῆς ἡλικίας ἐν τῷ τῆς Ἀρτέμιδος ἱερῷ κειμένη γραμμάτων ἔχουσα χαρακτῆρας ἑλληνικῶν, οἷς τὸ παλαιὸν ἡ Ἑλλὰς ἐχρᾶτο* (ed. Kiessling).

(2) Fest. Nesi ed. Müll. p. 165: Nesi pro sine positum est in lege dedicationis arae Dianae Aventinensis.

(3) Dion. IV, 58.

писаннаго Тарквиніемъ Габинцамъ (1). Объ этомъ самомъ договорѣ Тарквинія съ Габіями, безспорно, говорится у Павла Дьякона (2). Его же имѣлъ въ виду и Горацій, когда въ письмѣ къ Августу (3), перечисляя памятники древнѣйшей римской письменности, говоритъ:

foedera regum
Vel Gabiis, vel cum rigidis aequata Sabinis.

Свидѣтельства Діонисія, Горація и Веррія Флакка, послѣднимъ сократителемъ котораго былъ Павелъ Дьяконъ, доказываютъ, что этотъ договоръ былъ знаменитъ по своей древности и выдавался изъ среды тѣхъ древнѣйшихъ договоровъ (vetustissima foedera), на темноту и непонятность языка которыхъ указываетъ Квинтиліанъ (4).

Не имѣютъ той исторической достовѣрности, какая принадлежитъ двумъ поименованнымъ договорамъ, другіе, упоминаемые Діонисіемъ, договоры, и особенно договоръ Ромула съ Веями, статьи котораго, по словамъ Діонисія (5), были начертаны на столбахъ (не извѣстно, какихъ). Эта неопредѣленность выраженія о столбахъ, множественное число которыхъ бросается въ глаза по своей ненадобности, и отсутствіе всякаго подтвержденія со стороны Діонисія къ своему свидѣтельству не даютъ намъ никакого права признать за указываемымъ Діонисіемъ договоромъ историческое су-

---

(1) Ibid. *Γράψας ἐφ᾽ οἷς ἔσονται δικαίοις φίλοι, τὰ περὶ τούτων ὅρκια συνετέλεσεν ἐπὶ τῆς ἐκκλησίας παραχρῆμα καὶ διωμόσατο κατὰ τῶν σφαγίων. τούτων ἐστὶ τῶν ὁρκίων μνημεῖον ἐν Ῥώμῃ κείμενον ἐν ἱερῷ Διὸς Πιστίου, ὃν Ῥωμαῖοι Σάγκον καλοῦσιν, ἀσπὶς ξυλίνη βύρσῃ βοείᾳ περίτονος τοῦ σφαγιασθέντος ἐπὶ τῶν ὁρκίων τότε βοὸς, γράμμασιν ἀρχαϊκοῖς ἐπιγεγραμμένη τὰς γενομένας αὐτοῖς ὁμολογίας.*

(2) Paul. Diac. Clypeum ed. Müll. p. 56: Clypeum antiqui ob rotunditatem etiam corium bovis appellarunt, in quo foedus Gabinorum cum Romanis fuerat descriptum.

(3) Ep. II, 1, 25.

(4) In. orat. VIII, 2, 12: Obscuritas fit etiam verbis ab usu remotis: ut si commentarios quis pontificum, et vetustissima foedera, et exoletos scrutatus auctores id ipsum petat ex his, quae inde contraxerit, quod non intelliguntur.

(5) Dion. II, 55: *σπονδὰς ποιησάμενος πρὸς αὐτοὺς εἰς ἑκατὸν ἔτη, στήλαις ἐνεχάραξε τὰς ὁμολογίας.*

ществованіе (1). Не многимъ большей достовѣрностью можетъ пользоваться и упоминаемый Діонисіемъ договоръ Тулла Гостилія съ Сабинянами (2), о которомъ хотя и говорится, что онъ былъ начертанъ на столбахъ, поставленныхъ въ храмахъ (въ какихъ?), но все это такъ неопредѣленно, что мы никакъ не можемъ, основываясь на свидѣтельствѣ Діонисія, признать существованіе такого договора. Очень можетъ быть, что такой договоръ существовалъ и былъ выставленъ въ какомъ либо храмѣ, но мы не имѣемъ о письменномъ договорѣ Тулла Гостилія съ Сабинянами никакихъ свѣденій, кромѣ голословнаго указанія Діонисія (3).

Писатели, изъ сочиненій которыхъ мы по преимуществу почерпаемъ свѣденія о древнѣйшей исторіи Рима, Т. Ливій и Діонисій Галикарнасскій, указываютъ еще другіе договоры, заключенные Римомъ въ періодъ царей, какъ: договоръ Ромула съ Альбой Лонгой (4), Тулла Гостилія съ Латинянами (5), съ ними же договоръ Тарквинія Гордаго (6), договоръ Ромула съ Сабинянами (7), Тарквинія Гордаго (8) и др. Письменное существованіе этихъ договоровъ никакимъ образомъ не можетъ быть доказано. Но нѣтъ основаній и думать, что они положительно не существовали на письмѣ. Несомнѣнное существованіе договоровъ Сервія Туллія съ Латинянами и Тарквинія Гордаго (а можетъ быть Древняго)

(1) Т. Ливій (1, 15) ничего не говоритъ о заключеніи письменнаго договора съ Веями.

(2) Dion. III, 33.

(3) Что древнѣйшій договоръ съ Сабинянами существовалъ, это мы видимъ изъ вышеприведеннаго мѣста Горація (Ep. II, 1, 25). Но съ Сабинянами заключалъ договоръ, по свидѣтельству древнихъ писателей, не одинъ Туллъ Гостилій. Онъ возобновилъ только договоръ, еще заключенный Ромуломъ (Liv. I, 13). Впослѣдствіи былъ заключенъ новый договоръ Тарквиніемъ Гордымъ (Dion. V, 40).

(4) Liv. I, 14; Dion. III, 3.

(5) Liv. I, 32.

(6) Liv. I, 52; Dion. V, 50.

(7) Liv. I, 13.

(8) Dion. V, 40.

съ Габіями вполнѣ ручается за возможность существованія въ письмѣ и другихъ договоровъ, о которыхъ, быть можетъ, мы только случайно не имѣемъ такихъ положительныхъ свидѣтельствъ, какія дошли до насъ объ этихъ двухъ договорахъ.

ГЛАВА III.

Духовная письменность. Книги понтификовъ (libri pontificum).

Разнообразіе духовной письменности въ періодъ царей. Книги понтификовъ съ ихъ разными видами и названіями играютъ въ этой письменности первую роль. Значеніе въ римской церковной іерархіи понтификовъ. Трудность опредѣлить съ точностью содержаніе различныхъ видовъ книгъ понтификовъ по ссылкамъ на нихъ древнихъ писателей. Индигитаменты (Indigitamenta). Значеніе этого названія священныхъ книгъ. Содержаніе Индигитаментовъ.

Гораздо обильнѣе законодательной, дипломатической и вообще государственной письменности во время царей была письменность духовная, т. е. письменность, относящаяся къ религіи, къ отправленію ея церемоній и къ обязанностямъ, налагаемымъ религіею на различныя духовныя коллегіи, общества или братства. У древнихъ писателей встрѣчается множество ссылокъ на такого рода памятники. Особенно часты указанія на книги понтификовъ (libri pontificum, libri pontificales, libri pontificii) и комментаріи понтификовъ (commentarii pontificum). За ними слѣдуютъ тоже часто упоминаемыя книги и комментаріи авгуровъ (libri augurales, commentarii augurum), другой духовной коллегіи въ Римѣ. Есть также ссылки на книги Саліевъ (libri Saliorum), указываются безъ дальнѣйшихъ обозначеній libri sacri или sacrorum, libri caerimoniarum и т. п. Изъ этихъ указаній видно прежде всего то, что различныя религіозныя коллегіи и корпораціи въ Римѣ имѣли каждая свои особенныя книги, содержаніе которыхъ мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ; за тѣмъ, изъ тѣхъ же указаній видно, что духовная письменность въ Римѣ представляла собой значительное разнообразіе.

Всего чаще писатели ссылаются на книги, принадлежащія той духовной коллегіи, члены которой назывались понтификами (pontifices). Книги эти носятъ у писателей разныя названія: libri, commentarii, annales pontificum, indigitamenta и, какъ мы увидимъ, еще другія названія. Это разнообразіе названій книгъ понтификовъ не всегда, какъ мы увидимъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительному разнообразію содержанія самыхъ книгъ; напротивъ, книги одного и того же содержанія не рѣдко приводятся подъ разными названіями: тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что письменность понтификовъ была весьма разнообразна. Это объясняется тѣмъ положеніемъ, какое занимали понтифики и въ особенности главный изъ нихъ, римскій первосвященникъ (Pontifex Maximus), въ іерархіи римской церкви и въ государствѣ. По мысли основателя этой духовной коллегіи, Нумы Помпилія, ей принадлежалъ главный надзоръ за чистотою религіи, за правильностью ея отправленій со стороны ея служителей и соблюденіемъ предписываемыхъ ею постановленій въ быту гражданскомъ. Т. Ливій говоритъ по этому случаю слѣдующее: «Нума избралъ въ понтифики изъ среды патриціевъ Нуму Марція, сына Марка, и вручилъ ему письменныя наставленія, касающіяся всего богослуженія: съ какими жертвами, въ какіе дни, въ какихъ храмахъ должно быть совершаемо богослуженіе, и откуда должны поступать деньги на эти издержки; и все прочее, касающееся общественнаго и частнаго богослуженія, онъ поручилъ вѣденію понтифика (главнаго), къ которому должны были приходить плебеи для наставленія, чтобы никакое божественное право не нарушалось пренебреженіемъ отечественныхъ религіозныхъ обычаевъ и прибавленіемъ чужестранныхъ. Тотъ же понтификъ долженъ былъ наставлять не только въ правильномъ почитаніи небесныхъ боговъ, но и въ достодолжномъ погребеніи умершихъ и въ умилостивленіи усопшихъ душъ, равно какъ и въ томъ, какія чудесныя знаменія въ молніяхъ или въ какомъ другомъ видѣніи должны быть принимаемы за изъявленіе воли боговъ и требуютъ примиренія съ божествомъ (очищенія)» (1). Въ этомъ же смыслѣ, только съ большею подробностью, говоритъ объ обя-

(1) Liv. I, 20.

занностяхъ понтификовъ и Діонисій Галикарнасскій (1). Такимъ образомъ все то, что касается религіи и ея отправленія, всѣ правила относительно приношенія жертвъ, относительно священныхъ дней, священныхъ мѣстъ и т. п. находились въ рукахъ у понтификовъ, которые, на основаніи этихъ правилъ, блюли чистоту религіи и требовали правильности религіозныхъ отправленій отъ служителей религіи (2). Они были толкователями и объяснителями религіи (3). На ихъ же обязанности лежало рѣшеніе всѣхъ темныхъ и спорныхъ вопросовъ церковнаго права (4). Такаго рода толкованій и рѣшеній по вопросамъ церковнаго права впослѣдствіи накопилось такъ много, что Ливій въ одномъ мѣстѣ (5) говоритъ объ innumerabilia decreta pontificum. Къ этимъ рѣшеніямъ (decreta) понтификовъ обращались всегда и въ послѣдующее время, чтобы узнать, что́ согласно и что́ не согласно съ религіей (6). Такъ какъ гражданское право въ древнюю эпоху Рима было самымъ тѣснымъ образомъ связано съ церковнымъ, то понятно, что въ это время и толкованіемъ гражданскаго права занимались также понтифики (7). Далѣе, въ рукахъ понтификовъ было веденіе календаря, такъ

---

(1) Dion. II, 73.

(2) Dion. ibid: *Τάς τε ἀρχὰς ἁπάσας, ὅσαις θυσία τις ἢ θεραπεία θεῶν ἀνάκειται, καὶ τοὺς ἱερεῖς ἅπαντας ἐξετάζουσιν. ὑπηρέτας τε αὐτῶν καὶ λειτουργούς, οἷς χρῶνται πρὸς τὰ ἱερά, οὗτοι φυλάττουσι μηδένα ἐξαμαρτάνειν περὶ τοὺς ἱεροὺς νόμους.*

(3) Dion. ibid. Liv. I, 20.

(4) Cic. De har. resp. 6 : De sacris publicis, de ludis maximis, de deorum penatium Vestaeque matris caerimoniis, de illo ipso sacrificio, quod fit pro salute populi Romani, quod post Romam conditam hujus unius casti tutoris religionum scelere violatum est, quod tres pontifices statuissent, id semper populo Romano, semper senatui, semper ipsis diis immortalibus satis sanctum, satis augustum, satis religiosum visum est. Ibid. 7.

(5) Liv. XXXIX, 16.

(6) Macrob. Satur III, 3, 1: Inter decreta pontificum hoc maxime queritur, quid sacrum, quid sanctum, quid religiosum.

(7) Liv. IX, 46: Civile jus repositum in penetralibus pontificum. Помпоній въ Dig. I, 2, 2 § 6 : Et interpretandi scientia et actiones apud collegium pontificum fuit. — Valer. Maxim. II, 5, 2 : Jus civile

какъ въ интересѣ религіи было, чтобы религіозныя отправленія совершались въ надлежащіе дни, и чтобы мірскія занятія не имѣли мѣста въ дни, посвященные религіи, равнымъ образомъ чтобы суды происходили только въ дни, для того назначенные. У древнихъ писателей сохранилось много указаній на то, что понтифики часто злоупотребляли этимъ правомъ, измѣняя календарь сообразно интересамъ своей партіи и для личныхъ цѣлей (¹). На понтификахъ также лежало исполненіе нѣкоторыхъ важныхъ религіозныхъ требъ, какъ то: присутствованіе при посвященіяхъ храмовъ, жертвенныхъ домовъ и т. п., присутствованіе при общественныхъ обѣтахъ (vota) и молитвахъ (precationes, obsecrationes), при чемъ глава ихъ коллегіи произносилъ извѣстныя религіозныя формы (что́ называлось verba praeire), которыя исполняющій обрядъ римскій чиновникъ долженъ былъ повторять съ буквальной точностью (²). Точно также понтификъ долженъ былъ произносить торжественную и длинную формулу для тѣхъ, которые посвящали себя на смерть, какъ оба Деція, для спасенія римскаго войска (³). Формулы эти должны были произноситься со всевозможною точностью, не допускавшею ни малѣйшаго отступленія, и поэтому произ-

---

per multa saecula inter sacra caerimoniasque deorum immortalium abditum solisque pontificibus notum. См. также Liv. IV, 3; Cic. de orat. I, 41; de Rep. II, 31; Dion. X, 1.

(¹) Cens. de die nat. 20: Plerique (pontificum) ob odium vel gratiam, quo quis magistratu citius abiret diutiusve fungeretur aut publici redemptor ex anni magnitudine in lucro damnove esset, plus minusve ex libidine intercalando rem sibi ad corrigendum mandatam ultro derpravarunt. Suet. Caes. 40: fastos, jam pridem vitio pontificum turbatos... Amm. Marcell. XXVI, 1; Cic. ad Att. V, 9 и 13; Macrob. I, 13.

(²) Liv. IX, 46: Coactus consensu populi pontifex Maximus verba praeire. Pl. Nat. Hist. XI, (65) 174 ed. Jan.: Meditatur (Metellus pontifex) in dedicanda aede Opi verba dicere. Liv. XXXI, 9: Vovit in eadem verba consul, praeeunte maximo pontifice. Liv. XLII, 28: Praeeunte verba Lepido pontifice maximo, id votum susceptum est. См. Val. Max. VIII, 13, 2; Liv. XXXVI, 2; XLI, 21; Suet. Claud. 22; Orelli, Inscript. 2394.

(³) Формула эта приведена у Ливія VIII, 9. См. также Liv. X, 28.

носились по книгѣ ([1]). Наконецъ понтификамъ вмѣнено было въ обязанность вести римскую государственную лѣтопись ([2]).

Мы привели всѣ тѣ обязанности понтификовъ ([3]), съ которыми соединено было веденіе этими послѣдними книгъ, необходимыхъ для тѣхъ цѣлей, какими удовлетворялись эти обязанности. Очевидно съ перваго раза, что письменная дѣятельность этой духовной коллегіи была значительно велика, чѣмъ легко объясняются многочисленныя ссылки древнихъ писателей на книги, принадлежавшія понтификамъ.

Но опредѣлить съ точностью содержаніе книгъ, на которыя ссылаются древніе писатели подъ разными названіями, какъ на книги понтификовъ, чрезвычайно трудно. При сличеніи разныхъ ссылокъ писателей оказывается, что они не различаютъ строго заглавій, а приводятъ иногда заглавія *libri pontificum, commentarii pontificum, libri sacrorum, libri caerimoniarum, libri de sacerdotibus*, какъ вообще книги, принадлежавшія понтификамъ. Но судя по массѣ ссылокъ, видно, что въ книгахъ понтификовъ (libri pontificum) изложены были тѣ разнаго рода правила относительно богослуженія, какъ то: относительно религіозныхъ церемоній, приношенія жертвъ, относительно священныхъ мѣстъ, дней и т. п., которыя, по преданію, получены были понтификами отъ Нумы, и въ которыхъ, по свидѣтельству Ливія ([4]), говорилось о томъ, при какихъ жертвахъ, въ какіе дни, и въ какихъ священныхъ мѣстахъ должно быть отправляемо богослуженіе и от-

---

([1]) Pl. N. H. XXVIII, 2, 11 ed. Jan.: Videmus certis precationibus obsecrasse summos magistratus et, ne quid verborum praetereatur aut praeposterum dicatur, de scripto praeire aliquem rursusque alium custodem dari, qui attendat. Gell. XIII, 22: Comprecationes deum immortalium, quae ritu Romano fiunt, expositae sunt in libris sacerdotum populi Romani et in plerisque antiquis orationibus. Macr. Sat. III, 2: ex praecepto pontificum verbum hoc sacrificantibus est. Cp. Cic. pro dom. 53 и 54; de legib. II, 19.

([2]) Cic. de orat. II, 12; de leg. 1, 2; Serv. ad. Virg. Aen. 1, 373, Gell. II, 28; Macr. III, 2; Diom. III, ed. Putsch. p. 480.

([3]) О правахъ и обязанностяхъ понтификовъ см. спеціальное сочиненіе Гюльмана: Jus pontificium der Römer, von K. D. Hüllmann. Bonn, 1837.

([4]) Liv. 1, 20. См. выше.

куда должны поступать деньги на покрытіе этого рода издержекъ. Это должны быть тѣ самыя книги, которыя носили названіе *libri sacri* или *libri sacrorum*, названіе, которымъ вѣроятно сами понтифики и обозначали священныя книги, полученныя отъ Нумы. Названіе же *libri pontificum* даваемо было этимъ книгамъ людьми, не принадлежавшими къ коллегіи понтификовъ. Къ этимъ же священнымъ книгамъ могутъ относиться, какъ часть къ цѣлому, и тѣ священныя книги, которыя извѣстны были подъ спеціальнымъ названіемъ *Indigitamenta*, и которыя, какъ мы увидимъ ниже, соотвѣтствовали нѣкоторымъ образомъ употребляемому въ нашей церкви «служебнику».

Посмотримъ на дѣло ближе. Варронъ, говоря о внутренностяхъ животныхъ, которыя при жертвоприношеніяхъ варятся въ горшкѣ, а не жарятся на вертелѣ, ссылается между прочимъ на книги понтификовъ (¹). Фестъ, говоря о жертвахъ, какія долженъ былъ приносить герой, отнявшій на войнѣ оружіе у предводителя непріятелей, что называлось *Opima spolia* (жирная добыча), приводитъ свидѣтельство изъ книгъ понтификовъ (²). Въ другомъ мѣстѣ Фестъ, объясняя слово *tesca* (безплодныя, удаленныя отъ города мѣста, имѣющія какое либо священное значеніе), приводитъ для поясненія мѣсто изъ книгъ понтификовъ (³). Сервій, объясняя, что такое *feriae* (священные дни, въ которые не позволялось работать), отсылаетъ читателя къ книгамъ понтификовъ (⁴). Онъ же ссылается на книги понтификовъ въ томъ,

---

(¹) De lin. lat. V, 98: Haec sunt, quarum in sacrificiis exta in olla, non in veru cocuntur, quas et Accius scribit et in pontificiis libris videmus.

(²) Fest., Opima, p. 189 ed. Müll.:.. Testimonio esse libros pontificum, in quibus sit: Pro primis spoliis bove, pro secundis solitaurilibus, pro tertiis agno publice fieri debere.

(³) Fest., Tesca p. 356 ed. Müll.:.. docent Pontifici libri, in quibus scriptum est: «Templumque sedemque tescumque sive deo sive deae dedicaverit, ubi eos accipiat volentes propitiosque».

(⁴) Serv. ad. Virg. Georg. 1, 272: Sane quae feriae, a quo genere hominum, vel quibus diebus observentur, vel quae festis diebus fieri permissa sint, si quis scire desiderat, libros pontificales legat.

что они не запрещаютъ приносить въ жертву Церерѣ вино ([1]). Всѣ эти мѣста древнихъ писателей, заключающія въ себѣ прямое указаніе на *книги понтификовъ*, совершенно согласны съ тѣмъ характеромъ, какой, по свидѣтельству Ливія ([2]), имѣли книги Нумы, врученныя понтифику Нумѣ Марцію.

Но есть ссылки на *libri* pontificum, указывающія на содержаніе, имѣющее очень мало общаго съ церковными порядками. Такъ напр. Цицеронъ, говоря о законѣ Валерія Публиколы, которымъ давалось Римлянамъ право воззванія къ народу (provocatio ad populum), какъ къ высшей судебной инстанціи, замѣчаетъ, что право воззванія къ народу существовало еще при царяхъ и ссылается при этомъ на *книги* понтификовъ ([3]). Сенека смѣется надъ свидѣтельствомъ Цицерона о существованіи провокаціи къ народу при царяхъ, но прибавляетъ, что въ этомъ случаѣ мнѣніе Цицерона раздѣляетъ Фенестелла и нѣкоторые другіе, полагая, что такъ значится въ книгахъ понтификовъ ([4]). Существовало ли указаніе на provocatio ad populum при царяхъ въ книгахъ понтификовъ, или нѣтъ, мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ ясно, что ссылка Цицерона, Фенестеллы и «нѣкоторыхъ другихъ» писателей, которыхъ имѣлъ въ виду Сенека, на книги понтификовъ не можетъ строго относиться къ тѣмъ *книгамъ понтификовъ*, о которыхъ говоритъ Ливій, какъ о книгахъ, касающихся богослуженія и его обстановки. Цицеронъ, Фенестелла и другіе, опирающіеся на книги понтификовъ въ подтвержденіе своего мнѣнія о существованіи права воззванія къ народу при царяхъ, употребляютъ названіе *libri*, по всей вѣроятности, въ общемъ значеніи этого слова и разумѣютъ подъ ними собственно, или тѣ книги, которыя носили названіе commentarii pontificum, или, что

([1]) Serv. ad Georg. 1, 344: Pontificales namque hoc non vetant libri.

([2]) Liv. I, 20.

([3]) Cic. de Rep. II, 31: Provocationem autem etiam a regibus fuisse declarant pontifici libri, significant nostri etiam augurales.

([4]) Sen. Ep. 108: id ita in pontificalibus libris aliqui putant, et Fenestella.

еще возможнѣе, тѣ книги, которыя принадлежали тоже понтификамъ и носили названіе annales pontificum, иначе Maximi. Въ этихъ послѣднихъ книгахъ, какъ въ оффиціальной лѣтописи, легко могъ быть разсказанъ тотъ или другой фактъ воззванія къ народу при царяхъ. Въ другомъ мѣстѣ ([1]) Цицеронъ указываетъ на *книги* понтификовъ, какъ на источникъ гражданскаго права. Очевидно, что и здѣсь слово *libri* употреблено въ общемъ смыслѣ и именно вмѣсто *commentarii*, которымъ, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, вполнѣ приличествуетъ то значеніе, какое даетъ здѣсь Цицеронъ книгамъ понтификовъ.

Есть съ другой стороны рядъ ссылокъ, не указывающихъ прямо на *книги* понтификовъ, но тѣмъ не менѣе не трудно замѣтить, что ссылки эти относятся прямо къ категоріи книгъ того характера, какой мы признаемъ за *книгами понтификовъ* въ собственномъ смыслѣ. Это именно ссылки на libri sacrorum, libri sacri, libri caerimoniarum, libri de sacerdotibus и Indigitamenta. Такъ напр. у Феста подъ словомъ Molucrum ([2]) читаемъ: «Клоацій и Элій (Стилонъ) говорятъ, что molucrum въ *священныхъ книгахъ* (въ книгахъ богослуженія) означаетъ квадратное дерево, на которомъ закалается жертва». Что это свидѣтельство относится къ *книгамъ* понтификовъ, въ которыхъ, по свидѣтельству Ливія, изложенъ былъ весь чинъ религіи (sacra omnia exscripta exsignataque), это понятно само собою Что *libri sacri* и libri pontificales или pontificii были однѣ и тѣже книги, это ясно видно, далѣе, изъ свидѣтельства Сервія, который, говоря объ одномъ постановленіи священныхъ книгъ (librorum sacrorum), относящемся къ днямъ празднованія по усопшимъ (feriae denicales), вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ, что вообще обо всемъ томъ, что касается *феріи*, слѣдуетъ читать *книги* понтифи-

---

([1]) De orat. I. 43: Si quem aliena studia delectant, plurima est, et in omni jure civili, et in p o n t i f i c u m l i b r i s, et in XII tabulis, antiquitatis effigies, quod et verborum prisca vetustas cognoscitur, et a c t i o n u m g e n e r a quaedam majorum consuetudinem vitamque declarant.

([2]) Fest. ed. Müll. p. 141: Cloatius et Aelius in l i b r i s s a c r o r u m molucrum esse ajunt lignum quoddam quadratum, ubi immolatur.

ковъ (libros pontificales) ([1]). Другое доказательство, что libri sacri (или, что тоже, libri sacrorum) и libri pontificales одно и тоже, мы находимъ у Колумеллы, который, говоря о тѣхъ же самыхъ feriae denicales, прямо указываетъ на книги понтификовъ ([2]).

Если мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что libri sacrorum или libri sacri были тоже самое, что libri pontificales (pontificii, pontificum), то трудно сомнѣваться и въ томъ, что упоминаемые Тацитомъ ([3]) *libri caerimoniarum* есть только другое названіе тѣхъ же самыхъ книгъ. *Libri caerimoniarum*, какъ показываетъ самое слово *caerimonia*, не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ книгами, въ которыхъ были изложены правила богослуженія, чѣмъ были конечно и libri sacrorum. Очень можетъ быть, что книги церемоній были только частью священныхъ книгъ, въ которыхъ, какъ слѣдуетъ думать, были изложены правила не только внѣшняго богослуженія, но и вообще вся, какъ обрядовая, такъ и догматическая и каноническая сторона религіи. При этомъ однако слѣдуетъ замѣтить, что по смыслу словъ Тацита выходитъ, что книги церемоній какъ бы отождествляются съ libri sacrorum; ибо онъ ссылается на нихъ по поводу каноническаго вопроса религіи, именно: имѣетъ ли Фламинъ Юпитера (Flamen Dialis) право оставлять Италію по какимъ бы то ни было соображеніямъ ([4])? Изъ Геллія мы узнаемъ, что въ книгахъ церемоній дѣйствительно разсматривались между прочимъ и вопросы каноническаго права, какъ напр. объ обязанностяхъ священниковъ, такъ какъ самыя *церемоніи* (т. е. обрядовая сторона религіи) были изложены въ книгахъ, носившихъ также названіе «de Sacerdotibus» ([5]). Это да-

---

([1]) Serv. ad. Virg. Georg. I, 272. Мѣсто это приведено выше.

([2]) Colum. de re rust, II, 21, 5: Nos apud pontifices legimus, feriis tantum denicalibus mulos jungere non licere, ceteris licere.

([3]) An. III, 58.

([4]) Tac. ibid. Nulla de eo populi scita, non in libris caerimoniarum reperiri.

([5]) Caerimoniae impositae flamini Diali multae, item castus multiplices, quos in libris, qui de sacerdotibus publicis compositi sunt, item in Fabii Pictoris librorum primo scriptos legimus.

етъ намъ поводъ думать, что выраженіе Тацита libri caerimoniarum употреблено въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ употребляется другими писателями выраженіе—libri sacrorum, которое, какъ мы видѣли, въ свою очередь равносильно выраженію libri pontificales. Подъ этими же послѣдними слѣдуетъ разумѣть, судя по ссылкамъ на нихъ древнихъ писателей, книги, обнимающія собой все то, что касается религіи, ея обрядовъ, постановленій и служенія ей.

Видно, что римскіе писатели не заботились о точномъ употребленіи заглавій, когда ссылались на книги понтификовъ. Но съ другой стороны весьма возможно, что иногда при этихъ ссылкахъ указывались разные отдѣлы этихъ книгъ, и этимъ объясняется, почему тотъ или другой писатель указываетъ не вообще на *книги* понтификовъ, а на книги de sacerdotibus, на книги caerimoniarum, на Indigitamenta и т. п. Что эти отдѣлы въ книгахъ понтификовъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшемъ ихъ составѣ, къ которому безъ сомнѣнія и относятся ссылки древнихъ писателей, дѣйствительно существовали, это понятно само собою и не требуетъ доказательствъ, потому что не возможно предположить отсутствіе всякой системы въ книгахъ, говорившихъ о весьма разнородныхъ предметахъ. Но возстановить эти отдѣлы въ настоящее время съ ихъ подлинными названіями, при сбивчивости указаній на нихъ писателей, мы находимъ рѣшительно невозможнымъ. Такимъ образомъ мы не знаемъ, къ какому отдѣлу книгъ понтификовъ отнести ссылки на нихъ древнихъ авторовъ, касающіяся правилъ погребенія усопшихъ. Варронъ, говоря объ одномъ обрядѣ погребенія усопшихъ, просто замѣчаетъ: «какъ говорятъ понтифики» (¹). Сервій, говоря о томъ, что удавленники не предаются погребенію, замѣчаетъ только, что «такъ предписано въ книгахъ понтификовъ» (²). Также точно никакія старанія не помогутъ намъ открыть, гдѣ въ книгахъ понтификовъ было помѣщено распредѣленіе деревьевъ на счастливыя и несчастливыя. Между тѣмъ мы знаемъ, что рѣчь объ этомъ шла именно въ книгахъ понтификовъ, какъ видно изъ слѣдующихъ

(¹) Varr., de L. l. V, 23: Ut pontifices dicunt.

(²) Serv. ad Virg. Aen. XII, 603: Cautum erat in pontificalibus libris, ut qui laqueo vitam finisset, insepultus abjiceretur.

словъ Макробія: «нужно знать, что бѣлая смоковница принадлежитъ къ счастливымъ деревьямъ, а черная, напротивъ, къ несчастливымъ: въ томъ и другомъ случаѣ поучаютъ насъ понтифики» ([1]). Такъ какъ это раздѣленіе деревьевъ на счастливыя и несчастливыя имѣло религіозное значеніе, мало извѣстное публикѣ, то оно еще въ древности, вмѣстѣ съ остальной религіозной терминологіей понтификовъ, было подвергаемо изслѣдованію. Макробій, вслѣдъ за приведеннымъ мѣстомъ, пересчитываетъ рядъ деревьевъ, считавшихся у понтификовъ счастливыми, на основаніи часто цитуемаго имъ Веранія, написавшаго между прочимъ сочиненіе: *De pontificalibus verbis*. — Равнымъ образомъ, при всемъ стараніи, мы никогда не откроемъ, по какому случаю и въ какомъ отдѣлѣ книгъ понтификовъ разсказанъ миѳъ о латинскомъ царѣ Пикѣ, обращенномъ Цирцеей за отверженіе ея любви въ птицу—дятла (picus), и говорилось о дарѣ предсказанія этой птицы ([2]).

Но есть рядъ ссылокъ на книги понтификовъ, который мы съ полною увѣренностью можемъ пріурочить къ извѣстному отдѣлу этихъ книгъ. Къ этому отдѣлу относятся ссылки въ такихъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается большаго количества римскихъ боговъ, различныхъ именъ и свойствъ этихъ послѣднихъ. Такъ Цицеронъ въ своемъ сочиненіи «О природѣ боговъ» замѣчаетъ, что въ *книгахъ понтификовъ* именъ боговъ много, а число самихъ боговъ безсчетно ([3]). Макробій, на основаніи свидѣтельства Корнелія Лабеона, перечисляетъ нѣсколько именъ, которыя имѣетъ въ *книгахъ понтификовъ* богиня Майя ([4]). Сервій, на основаніи *книгъ понтификовъ*, утверждаетъ, что высшимъ богамъ нравится имѣть непарное число жертвенниковъ, а низшимъ пріятно парное число

([1]) Macr. Sat. III, 20, 2: Sciendum quod ficus alba ex felicibus sit arboribus, contra nigra ex infelicibus. Docent nos utrumque pontifices.

([2]) Serv. ad Virg. Aen. VII, 190: quod p o n t i f i c a l e s indicant libri.

([3]) Cic. de Nat. deor. 1, 30: Deinde nominum (deorum) non magnus numerus ne in p o n t i f i c i s quidem nostris: deorum autem innumerabilis.

([4]) Macr. Sat. I, 12, 22: Hanc eandem Bonam Faunamque et Opem et Fatuam p o n t i f i c u m l i b r i s indigitari.

ихъ (1). Относится ли несомнѣнно свидѣтельство Сервія къ тому отдѣлу книгъ понтификовъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, или оно взято изъ какого нибудь другаго отдѣла, нельзя утверждать положительно, но можно думать что оно относится къ тому же отдѣлу, откуда взяты вышеприведенныя свидѣтельства Цицерона и Макробія. А къ какому отдѣлу *книгъ* понтификовъ относятся эти свидѣтельства, это ясно видно изъ словъ Сервія, который, говоря объ обычаѣ понтификовъ при всякомъ религіозномъ отправленіи, послѣ призыва особенныхъ, относящихся къ случаю, боговъ, призывать всѣхъ боговъ вообще, замѣчаетъ: «имена этихъ боговъ находятся въ *Индигитаментахъ*, т. е. въ книгахъ понтификовъ, которыя содержатъ въ себѣ и имена боговъ и причины этихъ именъ» (2). Тоже самое явствуетъ и изъ словъ Цензорина, который, говоря о массѣ боговъ, охраняющихъ жизнь человѣка, прямо отсылаетъ читателя, желающаго ближе познакомиться съ этими богами, къ *Индигитаментамъ* (3). Слѣдовательно, всѣ ссылки писателей на книги понтификовъ, относящіяся къ именамъ боговъ и ихъ свойствамъ, относятся къ тому отдѣлу книгъ понтификовъ, который былъ извѣстенъ писателямъ подъ именемъ *Indigitamenta*. Что же такое Indigitamenta?

Рѣшеніе этого вопроса нужно начать съ опредѣленія самаго слова. Этимологическое объясненіе его гораздо проще, чѣмъ какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Древніе филологи, какъ Веррій Флаккъ, а за нимъ Фестъ и Павелъ Дьяконъ, приводятъ намъ объясненіе этого сло-

---

(1) Serv. ad Virg. Bucol. V, 66: Sane quaeritur, cur duo altaria Apollini se positurum dicat (Menalcas), cum constet, supernos deos impari gaudere numero, infernos vero pari... Quod etiam p o n t i f i c a l e s indicant l i b r i.

(2) Serv. ad Virg. 1, 21: Nomina haec numinum in Indigitamentis inveniuntur, i. e. in libris pontificalibus, qui et nomina deorum et rationes ipsorum nominum continent.

(3) Censor. de die nat. 3: Genio igitur potissimum per omnem aetatem quotannis sacrificamus, quamquam non solum hic, sed et alii sunt praeterea dei complures hominum vitam pro sua quisque portione adminiculantes, quos volentem cognoscere i n d i g i t a m e n t o r u m libri satis edocebunt.

ва, не вдаваясь въ его этимологію, которая была для нихъ, очевидно, неясна. У Павла Дьякона говорится: Indigitamenta, incantamenta, vel indicia (1). Incantare значитъ очаровывать пѣніемъ, заклинать посредствомъ пѣнія или посредствомъ произношенія чародѣйскихъ словъ, indicere значитъ указывать на что нибудь словами, обозначать словами, возвѣщать (καταγγέλλειν) и вообще указывать. Въ объясненіи Павла Дьякона посредствомъ слова indicia можно видѣть попытку этимологическаго объясненія слова Indigitamenta. Посредствомъ incantamenta Верріи Флаккъ хотѣлъ объяснить темное для него слово практически, реальнымъ его значеніемъ, что для него было гораздо легче. По этому онъ и законодательную формулу повелительнаго наклоненія—*indigitanto* объясняетъ словомъ imprecanto (2), значеніе котораго очень близко подходитъ къ глаголу *incantare*. Если вникнуть хорошенько въ сохранившееся намъ у Павла Дьякона толкованіе Веррія Флакка, то не трудно замѣтить, что въ немъ указывается вѣрная точка зрѣнія и на этимологію слова и на содержаніе тѣхъ церковныхъ книгъ, которыя были обозначены именемъ Индигитаментовъ.

Съ перваго раза бросается въ глаза, что слово indigitamenta происходитъ отъ indicitare, которое въ свою очередь должно происходить отъ indicere (indicium, index). Нѣтъ нужды говорить, что indicitamenta совершенно тоже, что indigitamenta, потому что всякому извѣстно, что буква *g* введена въ латинскій алфавитъ уже впослѣдствіи Спуріемъ Карвиліемъ Ругой, а до того времени постоянно замѣнялась *c* (3). Если же не подлежитъ сомнѣнію, что indigitamenta (indicitamenta) есть слово, происходящее отъ indicitare, древнѣйшей учащательной формы отъ indicere, то значеніе его безъ особеннаго труда объяснится при помощи тѣхъ мѣстъ изъ древнихъ писателей, гдѣ приводится глаголъ indigitare. Мы знаемъ уже, что Верріи Флаккъ объясняетъ слово indigitare посредствомъ imprecari, слова, означающаго въ отношеніи къ богамъ—молить, возсылать мольбы къ богамъ; indigitamenta значитъ, по объясненію того же филолога, incan-

---

(1) Paul. ed. Müll. p. 114.

(2) Paul. Indigitanto, ibid.

(3) См. главу I стр. 24.

tamenta, что̀ соотвѣтствуетъ нашему слову: заклинанія. Теперь пойдемъ далѣе. Тертулліанъ въ одномъ мѣстѣ (¹) употребляетъ выраженіе—*indigitare preces,* что соотвѣтствуетъ нашему: говорить молитвы. Макробій, говоря о томъ, какъ Весталки обращаются съ молитвою къ Аполлону, выражается такъ: Virgines Vestales ita indigitant: Apollo Medice, Apollo Paean (²). Варронъ, по свидѣтельству Нонія (³), говоритъ, что Римлянки въ родахъ призывали богиню Нумерію, которую обыкновенно призываютъ (solent indigitare) и понтифики. Макробій, на основаніи словъ Корнелія Лабеона, говоритъ о богинѣ Майѣ, что она въ книгахъ понтификовъ величается (призывается, indigitari) и другими именами (⁴). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что глаголъ *indigitare* вездѣ понимается въ смыслѣ обращенія къ божеству—въ видѣ ли заклинанія, молитвы ли, славословія—все равно, но единственно въ этомъ значеніи, не имѣя никако о другаго. Наконецъ Сервій прямо говоритъ: indigeto est precor et invoco (⁵). Слѣдовательно, книги понтификовъ, извѣстныя подъ именемъ *Indigitamenta,* суть не что иное, какъ богослужебныя книги, содержавшія въ себѣ, такъ сказать, чинъ служенія различнымъ божествамъ, книги, по которымъ къ каждому богу можно было обращаться надлежащимъ образомъ, называя его достодолжными именами и возсылая къ нему освященныя церковью молитвы. Этому не противорѣчитъ и другое поясненіе Павломъ Дьякономъ слова indigitamenta, именно посредствомъ слова indicia, которое—независимо отъ того, есть ли это филологическое, или реальное объясненіе—не можетъ нисколько дѣйствовать на видоизмѣненіе составленнаго нами понятія объ *Indigitamenta,* такъ какъ поясненіе это стоитъ совершенно отдѣльно и можетъ быть приведено въ связь развѣ съ философскимъ толкованіемъ Лукреція, который въ стихахъ (⁶):

(¹) De Iejun. 16.
(²) Saturn. 1, 17, 15.
(³) Non. ed. Putsch. p. 352.
(⁴) Saturn. 1, 12, 22. Текстъ приведенъ выше.
(⁵) Ad Virg. Ann. XII, 794.
(⁶) De rer. nat. VI, 384.

Non Tyrrhena retro volventem carmina frustra
Indicia occultae divum perquirere mentis,

хочетъ, по замѣчанію Нибура (1), объяснить indigitamenta посредствомъ indicia mentis.

Таково наше мнѣніе о происхожденіи и значеніи слова indigitamenta, и о содержаніи книгъ, называвшихся этимъ именемъ. Мы не понимаемъ по этому, какимъ образомъ Клаузенъ (2) могъ привести это слово въ связь съ dii indigetes, измѣнивши насильно естественную этимологію послѣдняго слова и приводя безъ всякой пользы для разъясненія словъ indigetes и indigitamenta слова dignus и digitus. Равнымъ образомъ намъ кажется страннымъ и мнѣніе Амброша, который въ статьѣ своей «О религіозныхъ книгахъ Римлянъ», посвященной исключительно Индигитаментамъ, смотритъ на книги этого названія, какъ на списокъ именъ боговъ большихъ и малыхъ, хотя и допускаетъ, что въ нихъ содержалось и указаніе, какъ и подъ какими эпитетами нужно было обращаться къ тому или другому богу (3).

Еще въ древности Индигитаменты были предметомъ ученыхъ изслѣдованій. По свидѣтельству Цензорина (4), Граній Флаккъ (безъ сомнѣнія тотъ самый, который, по свидѣтельству юриста Павла (5), издалъ трактатъ «de jure Papiriano») написалъ спеціальное сочиненіе *de Indigitamentis* и посвятилъ его Цезарю. Отъ этого сочиненія намъ не осталось ничего, кромѣ свидѣтельства о его существованіи. Тотъ

---

(1) Röm. Geschichte I, примѣч. 341.

(2) Aeneas und die Penaten, II, p. 907 и слѣд. Къ одному корню съ Indigetes приводитъ слова Indigitamenta и покойный *Крюковъ* въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи: Andeutungen über den ursprunglichen Religionsunterschied der Röm. Patricier und Plebejer. Leipz. 1842, переводя выраженіе dii indigetes — непроизносимые и неизъяснимые боги. См. Пропилеи IV, Мысли о первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи p. 9 и 10.

(3) Über die Religionsbücher der Römer. Bonn, 1843 p. 36 и 37.

(4) De die nat. 3: Eundem esse Genium et Larem multi veteres memoriae prodiderunt, in quis etiam Granius Flaccus in libro, quem ad Caesarem de Indigitamentis scriptum reliquit.

(5) Dig. L, 16, 144.

же предметъ былъ разсматриваемъ и Варрономъ въ сочиненіи: *Antiquitates rerum humanarum et divinarum*, въ которомъ 16 книгъ посвящено было религіи, а въ трехъ книгахъ изъ числа этихъ 16-ти шла рѣчь исключительно о богахъ, которыхъ Варронъ раздѣляетъ на dii certi, dii incerti и dii praecipui atque selecti [1]. Боги перваго класса, т. е. тѣ боги, которые чествовались подъ особенными именами и имѣли опредѣленный кругъ дѣятельности въ мірѣ человѣческомъ, и были тѣ боги, способъ почитанія которыхъ служилъ содержаніемъ Индигитаментовъ. Сочиненіе Варрона тоже не дошло до насъ, но толкованіе его о богахъ Индигитаментовъ сохранилось у нѣкоторыхъ отцовъ церкви и преимущественно у Августина въ его сочиненіи «*de Civitate Dei*». Вопросъ о богахъ Индигитаментовъ удовлетворительнымъ образомъ изслѣдованъ Амброшемъ въ упомянутомъ нами сочиненіи: «О религіозныхъ книгахъ Римлянъ». На основаніи этого сочиненія онъ изложенъ Марквардтомъ въ IV т. его «Римскихъ древностей», Преллеромъ въ «Римской Миѳологіи» и др. Мы рѣшаемся снова разсмотрѣть этотъ вопросъ.

Законодатель римской религіи, Нума Помпилій, которому принадлежитъ составленіе первоначальныхъ Индигитаментовъ [2], подчинилъ человѣка божеству до такой степени, что ни одинъ актъ дѣятельности перваго не былъ свободенъ отъ вліянія послѣдняго. Человѣкъ долженъ былъ постоянно чувствовать эту зависимость и, въ слѣдствіе того, стараться всѣми силами о примиреніи божества съ собою. Этимъ объясняется вся эта тяжелая система религіозныхъ отправленій, требовавшихся отъ Римлянъ,—система, которая казалась тяжелою еще древнимъ писателямъ [3] и возбужда-

---

(1) August. de Civ. Dei VI, 3.

(2) Arnob. II, 73: Non doctorum in litteris continetur, Apollinis nomen Pompiliana Indigitamenta nescire? Lact. 1, 22, 4: Numa deos per familias descripsit.

(3) Cic. de Rep. II, 14: Sacrorum autem ipsorum diligentiam difficilem, apparatum perfacilem esse voluit (Numa). Liv. 1, 21: Deorum assidua insidens cura, quam interesse rebus humanis coeleste numen videretur.

ла негодованіе и насмѣшки со стороны отцовъ церкви (1). Крайняя зависимость человѣка отъ божества вытекала изъ принятаго и развитаго впослѣдствіи понтификами до чудовищныхъ размѣровъ (2) религіознаго догмата, по которому каждый отдѣльный актъ человѣческой жизни и дѣятельности совершается при содѣйствіи отдѣльнаго божества (3). Каждое изъ этихъ божествъ имѣло свое особенное имя и, разумѣется, требовало призыванія себя въ приличные тому моменты. Какъ назывались эти божества, и какъ къ нимъ нужно было обращаться, этому учили книги, которыя назывались Индигитаментами.

Такого рода содержаніе Индигитаментовъ явствуетъ изъ положительныхъ свидѣтельствъ. Такъ Цензоринъ (4), говоря о Геніѣ, который охраняетъ жизнь человѣка отъ перваго момента до послѣдняго и почитается ежегодно новыми жертвоприношеніями, прибавляетъ: «но есть очень много и другихъ боговъ, помогающихъ, каждый по своей части, людямъ въ жизни. Кто хочетъ знать эти божества, того могутъ достаточно познакомить съ ними книги Индигаментовъ. Но всѣ они лишь одинъ разъ обнаруживаютъ въ каждомъ человѣкѣ дѣйствіе своей божественной силы, почему и не призываются въ продолженіе всей жизни человѣка новыми богопочитаніями». Это были боги, которые, какъ мы увидимъ ниже, покровительствовали, каждый въ свою очередь, отдѣльному моменту жизни человѣка, начиная съ его зачатія во

(1) Tert. Apolog. 21: Pompilius Numa, qui Romanos operossissimis superstitionibus oneravit; ib. 25: a Numa concepta est curiositas superstitiosa. Онъ же, de praescript. haer. 40: Si Numae superstitiones revolvamus, si sacerdotalia officia, insignia et privillegia, si sacrificalia ministeria et instrumenta et vasa ipsorum sacrificiorum, si piaculorum et votorum curiositates consideremus, nonne manifeste diabolus morositatem illam Judaicae legis imitatus est?

(2) Aug. de Civ. Dei IV, 8: Quando autem possunt uno loco libri hujus commemorari omnia nomina deorum aut dearum, quae illi (Romani) grandibus voluminibus vix comprehendere potuerunt, singulis rebus propria dispertientes officia numinum?

(3) Serv. ad Aen. II, 141: Pontifices dicunt, singulis actibus proprios deos praeesse.

(4) De die nat. 3.

чревѣ матери до самой смерти. И такъ какъ подобные акты въ жизни человѣка, какъ зачатіе, рожденіе, прозрѣніе и такъ далѣе до самой смерти, совершаются только одинъ разъ въ жизни человѣка, то понятно, что, какъ говоритъ Цензоринъ, дѣйствіе божественной силы каждаго изъ этихъ небесныхъ существъ обнаруживается только одинъ разъ въ жизни отдѣльнаго человѣка. Это боги Индигитаментовъ, относящіеся къ физіологической жизни человѣка. Но былъ въ Индигитаментахъ и другой рядъ боговъ, которые относились не къ самому человѣку, а къ предметамъ, обладаніе которыми необходимо для поддержанія жизни человѣка. На этотъ рядъ боговъ указываетъ Сервій, объясняя стихъ Виргилія (¹):

Dique Deaeque omnes, studium quibus arva tueri.

Сервій по поводу этого мѣста замѣчаетъ, что Виргилій, послѣ призванія боговъ, покровительствующихъ земледѣлію, призываетъ наконецъ всѣхъ боговъ этого рода вообще, чтобъ не пропустить какого нибудь божества. Виргилій поступаетъ, замѣчаетъ Сервій, «согласно съ обычаемъ понтификовъ, которые, по древнему обряду, при всѣхъ жертвоприношеніяхъ, послѣ призванія спеціальныхъ боговъ, какихъ необходимо было призвать при совершаемомъ священнодѣйствіи, призываютъ за тѣмъ всѣхъ боговъ вообще. Имена же тѣхъ боговъ *находятся въ Индигитаментахъ*, т. е. въ книгахъ понтификовъ; а книги эти содержатъ въ себѣ, какъ имена боговъ, такъ и причины самихъ именъ».

Такимъ образомъ передъ нами два класса боговъ, о которыхъ намъ говорятъ древніе писатели, какъ составляющихъ содержаніе Индигитаментовъ. Трудно думать, чтобы божества эти были подведены подъ категоріи въ самихъ книгахъ понтификовъ; всего скорѣе слѣдуетъ полагать, что эти категоріи принадлежатъ Варрону, на изслѣдованія котораго, по своей вѣроятности, и опираются эти писатели. По отношенію къ Сервію это даже не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ не возможно себѣ представить, чтобы священныя книги, назначенныя для исполненія по нимъ религіозныхъ потребностей, занимались еще филологическими объясненіями, которыя имъ навязываетъ Сервій, говоря, что въ книгахъ

(¹) Ad. Virg. Georg. 1, 21.

этихъ содержатся не только имена боговъ, но и причины, по которымъ каждому богу дано такое, а не другое имя (et nomina deorum et rationes ipsorum nominum). Эти филологическія объясненія, примѣры которыхъ приводитъ Сервій вслѣдъ за приведеннымъ нами мѣстомъ, принадлежатъ, разумѣется, Варрону, дѣлавшему ученое изслѣдованіе о римской религіи и спеціально о богахъ, которымъ, какъ извѣстно, были посвящены имъ три послѣднія книги. Но послѣднюю категорію боговъ не нужно ограничивать отнесеніемъ ихъ только къ земледѣлію. Сервій говоритъ о богахъ земледѣлія, имена которыхъ содержатся въ Индигитаментахъ, лишь по случаю. Варронъ, которымъ, какъ мы сказали, пользовался Сервій вмѣсто самого источника, причисляетъ ко второй категоріи всѣхъ боговъ, которые относятся не къ самому человѣку, а къ тому, что необходимо для человѣка въ жизни, какъ то: пища, одежда и другое подобное. Вотъ что объ этомъ говоритъ Августинъ, которому мы чрезвычайно обязаны сохраненіемъ многаго изъ древностей Варрона. «Наконецъ и самъ Варронъ начинаетъ упоминать и исчислять боговъ отъ зачатія человѣка, число которыхъ онъ повелъ отъ Яна; рядъ этихъ боговъ онъ довелъ до смерти отжившаго человѣка, и заключилъ рядъ боговъ, относящихся къ самому человѣку, богиней Неніей, которая воспѣвается на похоронахъ стариковъ. За тѣмъ онъ начинаетъ говорить о другихъ богахъ, которые относятся не къ самому человѣку, но къ его потребностямъ, какъ: пропитаніе, одѣяніе и все, что необходимо человѣку въ жизни, показывая вездѣ, какая обязанность каждаго бога, и въ какихъ случаяхъ должно молиться каждому изъ нихъ» ([1]). Такого рода дѣленіе боговъ на два класса, изъ которыхъ одинъ назначается къ служенію самой человѣческой природѣ, а другой къ удовлетворенію внѣшнихъ потребностей этой природы, естественно заставляетъ предполагать не только обдуманную систему богословія, но и обличаетъ собою стремленіе къ научной формѣ обработки ея. По этому мы не можемъ допустить, чтобы система эта въ такой строгости принадлежала самимъ Индигитаментамъ, книгамъ, назначеннымъ для практическаго употребленія, какъ наши мо-

---

([1]) Aug. de Civ. Dei IV, 9.

литвенники. Что въ самихъ Индигитаментахъ, какъ книгахъ молитвъ и освященныхъ формъ призыванія боговъ на всякій случай, была своя система, это понятно само собой и вытекаетъ уже изъ необходимости какихъ либо удобствъ при практическомъ употребленіи книгъ, но дѣленіе этого рода далеко отъ той теологической системы, какая была въ сочиненіиВаррона. Поэтому мы никакъ не можемъ согласиться съ Амброшемъ ([1]), который думаетъ, что Варронъ слѣдовалъ въ своей системѣ основному дѣленію самихъ Индигитаментовъ, а напротивъ, на основаніи высказанныхъ соображеній, думаемъ, что дѣленіе боговъ на два указанныхъ класса принадлежитъ не Индигитаментамъ, а самому Варрону, искусной системѣ котораго дивится даже самъ Августинъ ([2]), и что Цензоринъ и Сервій, говоря объ этихъ классахъ боговъ, имѣли въ виду не Индигитаменты, которыхъ они можетъ быть и не видали никогда, а сочиненіе Варрона. Къ этому нужно прибавить, что Цензорину извѣстно было еще спеціальное сочиненіе объ Индигитаментахъ, принадлежавшее перу Гранія Флакка ([3]), о которомъ мы уже имѣли случай говорить.

Отцы церкви, въ особенности Августинъ и Тертулліанъ, полемизируя съ языческими писателями и осмѣивая язычество, сохранили намъ множество именъ боговъ, относящихся къ обоимъ классамъ, на которые Варронъ раздѣлилъ боговъ Индигитаментовъ. Мы считаемъ нужнымъ представить списокъ этихъ боговъ, на сколько онъ сохранился въ разбросанномъ видѣ у отцовъ церкви, хотя работа эта сдѣлана задолго до нашего труда очень удовлетворительнымъ образомъ Амброшемъ въ его сочиненіи «О религіозныхъ книгахъ Римлянъ». Намъ остается только снова пересмотрѣть отцовъ церкви и относящихся къ предмету языческихъ писателей и представить дѣло съ большею точностью и полнотою.

Мы уже указывали на то, что, по свидѣтельству Августина ([4]), Варронъ начинаетъ рядъ боговъ, покровитель-

---

([1]) Über die Religionsbücher der Römer, p. 8.

([2]) Ibid. 4.

([3]) De die nat. 3.

([4]) De Civ. D. VI, 9.

ствующихъ человѣку съ *Яна*, бога, который считался у Римлянъ началомъ всѣхъ вещей, всѣхъ временъ и всѣхъ боговъ ([1]). По этому покровительству этого бога принадлежитъ и зачатіе человѣка въ утробѣ матери ([2]). Какъ богъ этого зачатія, онъ называется *Janus Consivius* и подъ этимъ именемъ, какъ видно, призывается въ Индигитаментахъ ([3]). За Яномъ слѣдуетъ *Сатурнъ*, какъ властелинъ надъ всякимъ сѣменемъ (satus, semen) ([4]). Этимологія, какую даетъ слову *Saturnus* Клаузенъ ([5]), производя его отъ sat, satis, satur, лишена всякаго основанія, особенно послѣ объясненія Ричлемъ долгаго *a* въ этомъ словѣ тѣмъ, что древнѣйшая форма слова была *Saeturnus*, какъ это встрѣчается въ одной надписи на глиняномъ сосудѣ: *Saeturni pocolom* ([6]). За Сатурномъ слѣдуетъ *Liber*, богъ производительной силы мущины ([7]), и *Libera*, богиня, отправляющая туже обязанность

([1]) Mart. X, 28. 1; Juven, VI, 394; Herodian. I, 16; Paul. Diac. въ ed. Müll. p. 52; Horat. Sat. II, 6, 20. См. также Преллера Röm. Mythol. p. 152.

([2]) Aug. De civ. D. VII, 2: Nam ipse primus Janus, cum puerperium concipitur, unde cuncta opera illa sumunt exordium, minutatim minutis distributa numinibus, aditum aperit recipiendo semini.

([3]) У Тертулліана (ad Nat. II, 11, онъ называется прямо Consivius или Consevius безъ имени Яна, quia consationibus concubitalibus praesit. Макробій, говоря о различныхъ именахъ Яна, подъ какими онъ призывается въ религіозныхъ обращеніяхъ къ нему, говоритъ: Consivium (invocamus) a sonserendo, id est a propagine generis humani, quae Jano auctore conseritur. Saturn. 1, 9, 16.

([4]) Aug. VII, 2: propter ipsum semen; VI, 8: quod pertineat Saturnus ad semina. Varr. de L. Lat. V, 64: ab satu est dictus Saturnus. Онъ же у Aug. VII, 13: Unus de principibus deus, penes quem sationum omnium dominatus est. Fest. ed. Müll. p. 186: nominatus a satu, и p. 325: qui deus in Saliaribus Saturnus nominatur, videlicet a sationibus.

([5]) Aeneas und die Penaten, p. 866.

([6]) См. De fictilibus litteratis Latinorum antiquissimis. Berol. 1853, p. 6.

([7]) Aug. VII, 2: Qui marem effuso semine liberat.

для женщины ([1]). Далѣе слѣдуютъ: *Fluviona* (иначе Fluonia и Fluvionia), богиня, которая способствуетъ возрастанію дитяти въ утробѣ матери, останавливая мѣсячное кровотеченіе ([2]); *Alemona*, которая питаетъ дитя во чревѣ матери ([3]); *Vitumnus* и *Sentinus* — первый, поддерживающій жизнь въ дитяти, второй чувство ([4]); *Nona* и *Decima*, богини двухъ столь важныхъ для рожденія дитяти мѣсяцевъ ([5]); *Parca* или *Partula*, богиня рожденія ([6]); *Diespiter*, т. е. Юпитеръ, богъ жизни и свѣта для дитяти ([7]); *Lucina* (эпитетъ Юноны), играющая ту же роль, какую и Diespiter ([8]); *Carmenta*, *Prosa*, *Postverta*—богини, помогающія благополучному выходу дитяти изъ чрева матери ([9]); *Egeria*, служащая къ тому же ([10]); *Nixi Dii*, также какъ и Egeria, боги, призывавшіе-

---

([1]) Ibid. Quae hoc idem beneficium conferat feminae, ut etiam ipsa emisso semine liberetur.

([2]) Paul. Diac. y Müll. p. 92: Fluoniam Junonem mulieres colebant, quod eam sanguinis fluorem in conceptu retinere putabant; Arnob. adv. Nat. III, 30 (Fluvionia); Tertull. ad Nat. II, 11; Mart. Cap. II, 149.

([3]) Tertull. de Anim. 37: quae alit foetum in utero.

([4]) Aug. VII, 2: Ibi sunt et duo, nescio qui obscurissimi, Vitumnus et Sentinus, quorum alter vitam, alter sensus puerperio largiuntur; Ibid. 3; Tert. Ibid.

([5]) Tert. de Anim. 37: Nona et Decima a sollicitioribus mensibus; Варронъ у Геллія въ Noct. Att. III, 16: Nona et Decima a partus tempestivi tempore.

([6]) Tert. Ibid. quae partum gubernet. Варронъ у Геллія Ibid.: a partu nominata.

([7]) Aug. IV, 11; Diespiter, qui partum perducat ad diem.

([8]) Aug. IV, 11: Quae a parturientibus invocatur. Arn. Adv. gent. III, 23; Fest. ed. Müll. p. 305.

([9]) Aug. IV, 11: Quae fata nascentibus canunt et vocantur Carmentes. Варронъ у Геллія XVI, 16: Arae statutae sunt Romae duabus Carmentibus, quarum altera Postverta nominata est, Prosa altera, a recti perversique partus et potestate et nomine.

([10]) Paul. Diac. ed. Müll. p. 77: Egeriae Nymphae sacrificabant praegnantes, quod eam putabant facile conceptam alvum egerere.

ся родильницами ([1]); *Candelifera*, богиня, заботившаяся о поддержанiи свѣта въ ночникѣ при рожденiи ([2]); *Numeria*, богиня скораго рожденiя ([3]); *Intercidona*, *Deverra*, *Pilumnus* и *Picumnus*—богини и боги, хранители только что родившагося дитяти отъ похищенiя лѣснаго бога Сильвана ([4]).

Мы указали боговъ, тѣхъ deos certos, рядъ которыхъ, начиная съ бога Яна, покровительствуетъ жизни человѣка во чревѣ матери до того момента, когда появляется дитя на свѣтъ. Ручаться за то, что списокъ представленныхъ боговъ этого перiода жизни человѣка составляетъ полный списокъ относящихся сюда боговъ Индигитаментовъ, мы не можемъ; но онъ исчерпываетъ собой все, что относится къ этой категорiи боговъ въ сохранившейся литературѣ. Уже и здѣсь открывается необыкновенное раздробленiе идеи божества, возведенное впослѣдствiи понтификами въ догматъ, по которому singulis actibus proprios deos praeesse ([5]). Дальнѣйшiй перечень именъ боговъ, относящихся къ человѣку, покажетъ намъ еще больше, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ дошло въ религiи понтификовъ развитiе этого догмата.

Слѣдуютъ боги, охраняющiе младенчество, дѣтство и юность человѣка. Какъ только родился младенецъ, его беретъ на свое попеченiе богиня земли *Opis*, которую пропустилъ Амброшъ, но которая, по свидѣтельству Августина ([6]), беретъ младенца на свою грудь, какъ мать земля

([1]) Fest. ed Müll. p. 174: Nixi Di appellantur tria signa in Capitolio ante cellam Minervae genibus nixa, velut praesidentes parientibus nixibus.

([2]) Tert. ad Nat. II, 11: Quoniam ad candelae lumina pariebant.

([3]) Varr. de lib. educ. apud Non. ed. Ger. p. 241. Ut qui contra celeriter erant nati, fere Numerios praenominabant, quod qui cito facturum quid se ostendere volebat, dicebat numero id fore: quod etiam in partu praecabantur Numeriae, quam deam solent indigetare etiam pontifices.

([4]) Aug. VI, 9: Intercidonam a securis intercisione, Pilumnum a pilo, Deverram a scopis. Serv. ad Aen. X, 76: Varro Pilumnum et Picumnum infantium deos esse ait, eisque pro puerpera lectum in atrio sterni. Ibid. IX, 4; Non. ed. Gerl. p. 361.

([5]) Serv. ad Virg. Aen. II, 141.

([6]) Aug. IV, 11: Opem ferat nascentibus excipiendo eos sinu terrae.

кормилица. За ней берутся за свою службу: богъ *Vagitanus*, передѣланный въ устахъ народа въ *Vaticanus*, богъ, дающій младенцу голосъ для крика (1); богиня *Levana*, которая поднимаетъ новорожденнаго съ земли (2); *Cunina*, при содѣйствіи которой устраивается для новорожденнаго люлька (3); *Rumina*, которая заботится о кормленіи ребенка грудью и наполняетъ молокомъ грудь матери (4); *Nundina*, богиня девятаго дня, называвшагося въ этомъ отношеніи *dies lustricus*, когда дитя получало очищеніе и свое имя, слѣдовательно становилось дѣйствительнымъ лицомъ (5); *Potina*, которая учитъ пить дитя (6); *Educa*, которая учитъ его ѣсть (7); *Cuba*, которая учитъ спать дитя (8); *Ossipaga*, укрѣпляющая кости

---

(1) Aug. IV, 8: Qui infantum vagitibus praesidet; Онъ же, IV, 21. Tertull. ad Nat. II, 11: Qui in vagitu os aperit. Варронъ у Геллія N. A. XVI, 17: penes quem essent vocis humanae initia.

(2) Aug. IV, 11: levat (nascentes) de terra.

(3) Aug. Ibid: cunas tuetur. См. также IV, 21, 34. Lact. 1, 20: quae infantes in cunis tuetur ac fascinum submovet. Въ собраніи надписей Орелли есть перепечатанная изъ сборника Грутера надпись, найденная въ Байяхъ и говорящая о посвященіи жертвенника Кунинѣ: Cuninae. Felici. Sacr. Claudia. Helpis (№ 1851). Надпись эту приводитъ и Амброшъ (р. 15); но Моммзенъ въ своихъ Inscriptiones Regni Neapolitani № 417 объявляетъ эту надпись подложною.

(4) Aug. IV, 11: Mammam parvulo immulget, quia rumam dixerunt veteres mammam. Онъ же VII, 1. Varr. у Non. p. 114 ed. Ger.; Varr. de R. R. II, 11: Plut. Rom. 4 (Ῥουμύλια); Quest. Rom. 57 (Ῥουμίνα).

(5) Macr. Sat. 1, 16, 36: Est etiam Nundina Romanorum dea a nono die nascentium nuncupata, qui lustricus dicitur. Est autem dies lustricus, quo infantes lustrantur et nomen accipiunt.

(6) Aug. IV, 11: potionem ministrat; IV, 34; VI, 9. Tert. ad Nat. II, 11; Non p. 74 (Герл.): Edusam et Potinam deas praesides vult haberi puerorum Varro Cato vel de liberis educandis: cum primo cibo et potione initiarent pueros, sacrificabantur ab edulibus Edusae a potione Potinae nutrices. Arn. III, 25 (Potua); Donat. ad Ter. Phorm. I, 1, 15 (Potica).

(7) Aug. IV, 11: escam praebet. Также IV, 34; VI, 9. Tert. Ibid. Varr. apud Non. ibid. (Edusa); Donat. ibid.

(8) Donat. ad Ter. Phorm. I, 1, 15: apud Varronem legitur initiari pueros Educae et Poticae et Cubae Divis edendi et potandi et cubandi, ut primum a lacte et cunis transferuntur.

дитяти ([1]); *Statanus* или *Statilinus*, богъ, учащій стоять ([2]); *Farinus*, богъ, дающій слово ребенку ([3]); *Abeona* и *Adeona*— богини, помогающія хожденію ([4]); *Iterduca* и *Domiduca*— богини, охраняющія дитя при выходѣ изъ дому и при возвращеніи домой ([5]); *Catius*, который дѣлаетъ дѣтей острыми и понятливыми ([6]); *Mens*,—богиня, дающая умъ ([7]); *Miner-*

([1]) Arn. adv. Nat. IV, 7: quae durat et solidat infantibus parvis ossa. Также III, 3 (Ossipagina).

([2]) Non. p. 364 ed. Gerl. Statilinum et Statanum et Fabulinum praesides deos Varro Cato vel de liberis educandis puerilis aetatis affirmat: «Alii Statano et Statilino, quorum nomina habent scripta pontifices. Aug. IV, 21 (Statilinus); Tert. ad Nat. II, 11. Тертулліанъ упоминаетъ божество этого значенія еще въ женскомъ родѣ, Statina. De An. 32.

([3]) Tert. ad Nat. II, 11: ab effatu Farinus. Другое названіе этого божества Fabulinus Варронъ у Нонія ed. Ger. 364: Sic cum primo fari incipiebant, sacrificabant Divo Fabulino. Обыкновенно ученые въ Farinus и Fabulinus видятъ имена двухъ различныхъ божествъ, какъ Амброшъ въ Religionsbücher der Römer, p. 15, Марквардтъ въ Handbuch der Römischen Alterhümer, IV, p. 12; Преллеръ въ Röm. Mythol. p. 580; но по нашему мнѣнію въ этомъ видоизмѣненіи имени божества слова нѣтъ достаточнаго основанія для предположенія о томъ, что каждое изъ этихъ названій представляетъ собою идею особаго божества. Толкованіе Преллера, что Farinus представляется богомъ, при помощи котораго дитя начинаетъ произносить первые звуки, и что Fabulinus есть уже богъ связнаго лепетанья дитяти, основано на этимологіи этихъ словъ, но ничего не можетъ говорить въ пользу раздвоенія этого божества въ представленіи самихъ Римлянъ. Преллеръ къ указаннымъ двумъ именамъ бога говоренія присоединяетъ еще третьяго—Locutius, считая его тоже за особое божество, именно за божество уже ясной рѣчи. Но Тертулліанъ, приводя это имя, говоритъ только о другомъ названіи бога Farinus: et aliis a loquendo Locutius (II, 11). Богу Locutius, былъ однако посвященъ жертвенникъ подлѣ храма Весты, но это было уже послѣ нашествія Галловъ. Былъ ли по этому Ajus Locutius богъ Индигитаментовъ, это еще вопросъ.

([4]) Aug. IV, 21, VII, 3, гдѣ онъ называетъ этихъ богинь deae ignobilissimae.

([5]) Aug. VII, 3 считаетъ эти имена за cognomina Юноны. Tert. II, 11,

([6]) Aug. IV, 21: Qui catos (сабинское слово), id est, acutos facit.

([7]) Aug. IV, 21: ut bonam haberent mentem; VII, 3: quae facit pueris bonam mentem.

va, которая укрѣпляетъ память въ дитяти ([1]); *Numeria*, которая учитъ считать ([2]); *Volumnus*, *Volumna* или *Voleta*, богъ и богиня, направляющіе дитя къ доброй волѣ ([3]); *Paventia* или *Paventina*, которая учитъ дѣтей страху ([4]); *Venilia*, богиня надежды ([5]); *Praestitia* или *Praestana*, богиня силы и стремленія ([6]); *Peragenor*, *Agenoria* и *Agonius*, божества дѣятельной силы ([7]); *Consus*, богъ добрыхъ совѣтовъ ([8]); *Sentia*, богиня добрыхъ чувствъ ([9]); *Camoena*, богиня поэзіи

([1]) Aug. VII, 3: cui per ista minuta opera puerorum memoriam tribuerunt; Id. IV, 21.

([2]) Aug. IV, 11: quae numerare doceat. Раньше мы встрѣчались съ другой Нумеріей, которая ускоряла рожденіе ребенка.

([3]) Aug. IV, 21: ut bona velint. Tert. II, 11.

([4]) Aug. IV, 11: de pavore infantum Paventia nuncupatur. Tert. ibid. (Paventina).

([5]) Aug. IV, 11: de spe quae venit, Venilia. Почему Venilia называется богиней надежды, не съ разу понятно. Филологическое объясненіе, которое даетъ Августинъ, не объясняетъ дѣла и не совсѣмъ точно передаетъ Варрона. Въ сочиненіи de ling. lat. V, 72, говорится: Venilia a veniendo ac ventu illo, quem Plautus dicit:

Quod ibi dixit qui secundo vento vectus est
Tranquillo mari: ventum gaudeo (мѣсто изъ Cistell 1, 1, 13).

Теперь дѣло нѣсколько проясняется. Надобно замѣтить, что Venilia считается супругой Нептуна (Aug. VII, 2; Serv. ad Virg. Aen. X, 76). Въ изданіи Маи къ указанному мѣсту Виргилія есть примѣчаніе: Varro rerum divinarum XIV de dis certis: Spes cum conciliata non frustra esset et evenisset, Veniliae sacrificabantur, quam deam cum Neptuno conjungunt multi. Изъ всего этого видно, что Venilia—богиня моря и покровительница счастливаго мореплаванія, слѣдовательно богиня надежды для мореплавателей, а отсюда и вообще богиня надежды. Сервій въ указанномъ мѣстѣ производитъ Venilia отъ Venia, quod Veniam dat exigentibus, и тѣмъ самымъ высказываетъ родственность ея съ Венерой, Venus, что имѣетъ свой корень также въ Venia.

([6]) Tertull. ad Nat. II, 11; Arn. adv. Nat. IV, 3.

([7]) Tert. II, 11: ab actu Peragenorem. Aug. IV, 6: Vocaverunt deam Agenoriam, quae ad agendum excitaret. Paul. Diac. ed. Müll., p. 10: Agonium etiam putabant deum dici, praesidentem rebus agendis.

([8]) Aug. IV, 11: Deus Consus praebendo consilia. Tert. ibid.

([9]) Aug. ibid. Sententias inspirando.

п пѣнія (1); *Strenia* или *Strenua*, богиня ловкости, быстроты и проворства въ дѣятельности (2); *Stimula*, богиня, возбуждающая къ самой сильной дѣятельности (3); *Murcia*, богиня усталости, богиня насладившейся любви (4); *Volupia* и *Libentina*, богини чувственныхъ пожеланій (5); *Libumus* и *Libentinus*, боги того же назначенія (6); наконецъ слѣдуютъ: *Juventas*, богиня юности (7), и *Fortuna Barbata*, богиня возмужалости, покрывающая юношу бородой (8). Этими двумя божествами заканчивается рядъ боговъ — покровителей человѣка отъ дня его рожденія до зрѣлаго возраста.

За тѣмъ слѣдуютъ божества, покровительствующія человѣку, вступающему въ бракъ (dii nuptiales): *Afferenda*, богиня приданаго (9); *Jugatinus*, богъ, соединяющій мущину и женщину для супружества (10); *Mutunus* или *Tutunus*, богъ, соотвѣтствующій греческому Пріапу, чрезвычайно уважав-

---

(1) Aug. ibid. quae canere doceat.

(2) Aug. ibid. strenuum faciendo. Также IV, 16.

(3) Aug. IV, 11: de stimulis, quibus ad nimium actum homo impellitur; IV, 16: deam Stimulam, quae ad agendum ultra modum stimularet.

(4) Aug. IV, 16: deam Murciam, quae praeter modum non moveret, ac faceret hominem, ut ait Pomponius, murcidum, id est nimis desidiosum et inactuosum. Tert. de Spectac. 8: Murciam enim deam amoris volunt. Arn. IV, 9. Мурція представляетъ собой противоположность Стимулѣ, которую впослѣдствіи отожествляли съ матерью Вакха—Цибелой: къ ней обращались съ молитвой объ успокоеніи страсти черезъ удовлетвореніе ея.

(5) Aug. IV, 8: aut Volupiae, quae a voluptate apellata est, aut Libentinae, cui nomen est a libidine Также IV, II. Tert. II, 11. Arn. IV, 9.

(6) Arn. IV, 9.

(7) Aug. IV, 11: quae post praetextam excipiat juvenilis aetatis exordia. Tert. ibid.

(8) Aug. IV, 11: Quae adultos barba induat. Tert. ibid.

(9) Tert. ad Nat. II, 11: ab afferendis dotibus.

(10) Aug. IV, 11; VI, 9: Cum mas et femina conjunguntur, adhibetur deus Jugatinus.

шійся Римлянками и омерзительный въ глазахъ св. Отцевъ ([1]); *Domiducus*, богъ, отводящій послѣ свадебнаго обряда невѣсту въ домъ мужа ([2]); *Domitius*, удерживающій молодую замужнюю женщину въ домѣ мужа ([3]); *Manturna*, исполняющая ту же обязанность, какую и *Domitius* ([4]); *Unxia*, богиня умащеній новобрачной, помогающая ей также въ помазаніи масломъ косяковъ дома мужа, въ предотвращеніе всякаго зла ([5]); *Cinxia*, богиня, завязывающая поясъ новобрачной ([6]); *Virginiensis*, богиня, при помощи которой развязывается дѣвственный поясъ новобрачной ([7]); богъ *Subigus* ([8]), богини *Prema* ([9]), *Pertunda* ([10]) и *Perfica* ([11])—тѣ бо-

---

([1]) Aug. IV, 11: qui est apud Graecos Priapus. Lact. 1, 20, 36: Mutinus, in cujus sinu pudendo nubentes praesident.. ut illarum pudicitiam prior deus delibasse videatur. Tert. ad Nat. II, 11; Apolog. 25. Arnob. IV, 7: Tutunus, cujus immanibus pudendis horrentique fascino vestras inequitare matronas et auspicabile ducitis et optatis. Aug, VI, 9: Priapus nimis masculus, super cujus immanissimum et turpissimum fascinum sedere nova nupta jubeatur more honestissimo et religiosissimo matronarum; также VII, 24: Super Priapi scapum nova nupta sedere jubebatur. Fest. ed. Müll. p 154.

([2]) Aug. VI, 9: sed domum ducenda est, quae nubit: adhibetur et deus Domiducus.

([3]) Aug. ibid: ut in domo sit, adbibetur deus Domitius.

([4]) Aug. ibid: ut maneat cum viro, additur dea Manturna.

([5]) Arnob. III, 25: Unctionibns superest Unxia, cingulorum Cinxia replicationi. Serv. ad Virg. Aen. IV, 459: Moris fuerat, ut nubentes puellae simul venissent ad limen mariti, postes antequam ingrederentur ornarent laneis vittis et oleo unguerent. Martian. Capell. II, 149.

([6]) Arnob. ibid. Paul. Diac. Cinxia. Cinxiae Junonis nomen sanctum habebatur in nuptiis, quod initio conjugii solutio erat cinguli, quo nova nupta erat cincta. Mart. Cap. ibid.

([7]) Aug. IV, 9: Adest Virginiensis dea, ut virgini zona solvatur.

([8]) Aug. ibid. Adest deus Subigus, ut (nupta) viro subigatur. Tert. ad Nat. II, 11.

([9]) Aug. ibid: Adest dea Prema, ut subacta, ne se commoveat, comprimatur. Tert. ibid.

([10]) Arn. IV, 7: quae in cubiculis praesto est virginalem scrobem effodientibus maritis. Aug. ibid. Tert. ibid.

([11]) Arnob. ibid: quae obscoenas et luteas voluptates ad exitum perficit.

жества, которыя покровительствуютъ новобрачнымъ на брачномъ ложѣ.

Именъ божествъ, которыя оберегаютъ жизнь человѣка послѣ перваго дня брака до его смерти, мы не знаемъ. Богиню, носящую имя *Viriplaca*, мы затрудняемся причислить къ божествамъ Индигитаментовъ во первыхъ потому, что этого имени нѣтъ у св. Отцевъ, а во вторыхъ и преимущественно потому, что ея назначеніе—быть примирительницею поссорившихся супруговъ (1)—не относится къ какому либо опредѣленному моменту жизни человѣка, каково назначеніе всѣхъ перечисленныхъ нами божествъ.

Изъ боговъ, относящихся къ смерти человѣка, указаны намъ слѣдующіе: *Caeculus*, лишающій глаза силы зрѣнія (2); *Orbona*, которая, по мнѣнію Арнобія (3), беретъ подъ свое покровительство дѣтей умершихъ родителей, а по Тертулліану (4), прекращаетъ возможность рожденія дѣтей; *Viduus*, богъ, отнимающій душу отъ тѣла, и притомъ богъ, которому нельзя было поклоняться въ стѣнахъ города (5). *Mors*, богиня смерти (6); *Naenia*, богиня погребенія и оплакиванія умершихъ (7).

---

(1) Val. Max. II. 1, 6.

(2) Tert. ad Nat. II, 15: qui oculos sensu exanimet.

(3) Arnob. IV, 7: In tutela sunt Orbonae orbati liberis parentes.

(4) Tert. ad Nat. II, 14: Quae in orbitatem lumina extinguat. Чтеніе semina вм. lumina, какое предлагаетъ Швеглеръ (Röm Mythol. p. 587), произвольно. Орбонѣ, по свидѣтельству Цицерона, de nat. deor. III, 25, былъ посвященъ жертвенникъ возлѣ храма Ларовъ, что̀ на Священной улицѣ.

(5) Tert. ad Nat. II, 15: qui animam corpore viduet, quem intra muros cludi non permittendo damnastis. Cyprian. de Idol van., 2: Viduus deus, qui anima corpus viduet, qui quasi feralis et funebris intra muros non habetur, sed foris collocatur.

(6) Tert. ibid.; Cic. de nat. deor. III, 17.

(7) Arnob. IV, 7: Naeniae, quibus extrema sunt tempora. Aug. IV, 9: ad Naeniam deam, quae in funeribus senum cantatur. Paul. Diac. ed. Müll. p. 163: Naeniae deae sacellum extra portam Viminalem fuerat dedicatum.

Раньше мы, основываясь на свидѣтельствѣ Сервія (1), говорили, что въ Индигитаментахъ кромѣ боговъ, при помощи которыхъ совершается каждый актъ человѣческой дѣятельности, стоялъ еще другой рядъ боговъ, назначеніемъ которыхъ было покровительствовать всему тому, что служитъ непосредственно къ поддержанію жизни человѣка, какъ то: пища, одежда и т. п. (2). По этому и Варронъ, по свидѣтельству Августина (3), сказавши о богахъ, относящихся къ человѣку, начинаетъ затѣмъ говорить о богахъ, относящихся не къ самому человѣку, а къ тѣмъ предметамъ, которые необходимы для поддержанія его жизни. Но перечисляя этихъ боговъ, мы, какъ и въ прежнемъ случаѣ, должны почти исключитсльно ограничиться лишь тѣми именами, какія сохранили намъ Августинъ, Тертулліанъ, Арнобій и Лактанцій въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ.

Прежде всего открывается передъ нами рядъ боговъ, покровительствующихъ земледѣлію. Четыре спеціальныхъ бога охраняли земледѣліе въ различныхъ мѣстахъ: *Rusina* въ открытомъ полѣ, *Jugatinus* на отлогостяхъ горъ, *Collatina* на холмахъ и *Vallonia* въ долинахъ (4). За тѣмъ слѣдуютъ боги, подъ охраной которыхъ находятся плоды, начиная отъ посѣва зерна до превращенія выросшаго и собраннаго хлѣба въ муку. Впереди всего *Saturnus*, главный богъ земледѣлія (5); *Sator*, богъ сѣянія (6); *Seja*, охраняющая посѣвъ во время пребыванія его подъ землей (7); *Segetia* или *Segesta*, упоминаемая постоянно вмѣстѣ съ предыдущей бо-

---

(1) Ad Virg. Georg. I, 21.

(2) Aug. IV, 9.

(3) Ibid.

(4) Aug. IV. 8: Nec agrorum munus uni alicui deo committendum arbitrati sunt, sed rura deae Rusinae, juga montium deo Jugatino; collibus deam Collatinam, vallibus Valloniam praefecerunt.

(5) Aug. VII, 13: Unus de principibus deus, penes quem sationum omnium dominatus est.

(6) Serv. ad. Virg. Georg. 1, 21: a satione Sator.

(7) Aug. IV, 8: Sata frumenta, quam diu sub terra essent, praepositam voluerunt habere deam Sejam. Pl. N. H. XVIII, 2; Macr. Sat. 1, 16, 8.

гиней, охранительница плода, вышедшаго изъ-подъ земли и созрѣвающаго ([1]); *Proserpina*, охраняющая стебелекъ, поднявшійся изъ-подъ земли ([2]); *Nodotus*, помогающій развитію почекъ и узелковъ на стеблѣ ([3]); *Volutina*, покрывающая колосья кожицей ([4]); *Patelana* или *Patelena*, помогающая колосу пробиваться изъ-подъ коры ([5]); *Hostilina*, уравнивающая верхушки колосьевъ ([6]); *Flora*, подъ покровительствомъ которой цвѣтетъ плодъ ([7]); *Lactans* или *Lacturnus*, наполняющій зерна молокомъ ([8]); *Matura*, содѣйствующая созрѣ-

---

([1]) Aug. IV, 8: Cum (frumenta) jam essent super terram et segetem facerent. Plin. ibid (Segesta); Macrob. Ibid.

([2]) Aug. Ibid: Praefecerunt Proserpinam frumentis germinantibus. Arnob. III, 33: quod sata in lucem proserpant, cognominatam esse Proserpinam.

([3]) Aug. ibid: geniculis nodisque culmorum deum Nodotum (praefecerunt). Arnob. IV, 7: Nodotus dicitur deus, qui ad nodos perducit res satas

([4]) Aug. ibid: Involumentis folliculorum deam Volutinam (praefecerunt).

([5]) Aug. ibid: Cum folliculi patescunt, ut spica exeat, deam Patelanam (praefecerunt). Arnob. IV, 7: Patellana numen est et Patella, ex quibus una est patefactis, patefaciendis rebus altera praestituta. Имя Padella встрѣчается въ Игувинскихъ таблицахъ. См. Aufrecht и Kirchhoff, Umbrisch. Sprachdenkm. III, 80; на осскомъ нарѣчи Patana (Mommsen, Unterit. Dial. p. 128).

([6]) Aug. IV, 8: Cum segetes novis aristis aequantur—quia veteres aequare hostire dixerunt — deam Hostilinam (praefecerunt). За правильность филологическаго толкованія Августина ручается Фестъ: Redhostire: nam et hostire pro aequare posuerunt. Тоже у Павла Дьякона. (ed. Müll. p. 270 и 271).

([7]) Aug. ibid: florentibus frumentis deam Floram (praefecerunt). Arn. III, 23.

([8]) Aug. ibid: lactescentibus (frumentis) deum Lacturnum (praefecerunt). Преллеръ (Rom. Myth. 592) читаетъ Lacturciam. Это мѣсто у Августина испорчено. Но если взять во вниманіе, что Варронъ по Сервію (ad. V. Georg. I. 315) называетъ это божество deus Lactans, слѣдовательно въ мужескомъ родѣ, то чтеніе Плеллера окажется болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Амброшъ (über d. Religionsbüch. der Röm. 21) и Марквардтъ (Handbuch der Röm. Alherthümer, IV, p. 15) видятъ въ Lactans и Lacturnus два отдѣльныхъ божества Основаній для этого мы не видимъ.

ванію колосьевъ (1); *Runcina*, богиня полотья, помогающая очищать посѣвъ отъ сорныхъ травъ (2); *Spinensis*, помогающій человѣку въ томъ же дѣлѣ, какъ и Runcina (3); *Messia*, богиня пожинанія плода (4); *Tutilina*, охранительница сжатаго и свезеннаго въ житницы хлѣба (5); *Terensis*, богиня, помогающая молотьбѣ хлѣба (6); *Fornax*, богиня, покровительствующая сушенію муки въ печи (7).

Къ богамъ земледѣлія, имена которыхъ стояли въ Индигитаментахъ, нужно причислить еще двѣнадцать боговъ, именъ которыхъ мы не находимъ у Отцевъ церкви; но эти имена по Фабію Пиктору перечисляетъ Сервій, говоря, что ихъ произносилъ въ числѣ прочихъ Фламинъ, когда приносилъ жертвы богинямъ земли и плодородія (Tellus и Ceres), именно: Vervactor, Reparator, Imporcitor, Insitor, Obarator, Occator, Sarritor, Subruncinator, Messor, Convector, Conditor, Promitor (8).

Были, далѣе, въ Индигитаментахъ боги, относящіеся къ различнымъ родамъ сельскаго хозяйства: винодѣлію, огородничеству, садоводству, скотоводству и пчеловодству. Но отъ этихъ боговъ мы имѣемъ очень не значительное количество именъ. Такова, относящаяся къ винодѣлію, богиня *Meditrina*. Ее призывали древніе Латиняне, когда пробова-

---

(1) Aug. ibid. Maturescentibus (frumentis) deam Maturam (praefecerunt).

(2) Aug. ibid. Cum runcantur, id est a terra inferuntur, deam Runcinam (praefecerunt).

(3) Aug. IV, 21: ut spinas ex agris eradicaret.

(4) Tert. de Spect. 8: a messibus.

(5) Aug. IV, 8: frumentis vero collectis atque reconditis, ut tuto servarentur deam Tutilinam praeposuerunt. Tert. ibid. Varro de lin. lat. V, 163. Macrob. Sat. 1, 16, 8. Plin. N. H. XVIII, 28.

(6) Arn. IV, 7: quae praeest frugibus terendis.

(7) Lact. de fals. relig. 1, 20: Quis non rideat Fornacem deam? Vel potius doctos viros celebrandis Fornacalibus operari. Ovid. Fast II, 525; Plin. N. H. XVIII, 2, 8 (ed. Jan.): Is (Numa) et Fornacalia instituit farris torrendi ferias et aeque religiosas terminis agrorum. Paul. Diac. ed. Müll. p. 83 и 93.

(8) Имена эти объяснены Преллеромъ въ Röm. Myth. p. 593.

ли новое (молодое) вино (mustum). Въ честь ея былъ и праздникъ Meditrinalia (¹). Къ божествамъ, покровительствующимъ разведенію деревьевъ, относятся богини: *Puta*, покровительствующая подрѣзыванію деревьевъ (²), и *Pomona*, богиня яблочныхъ деревьевъ (³). Къ богамъ скотоводства относятся: *Bubona*, покровительница рогатаго скота (⁴); *Epona*, чрезвычайно любимая Римлянами богиня лошадей (⁵); *Pales*, богиня пастуховъ и охранительница пасущихся стадъ (πάω, pasco, palor), въ честь которой былъ устроенъ праздникъ *Palilia*, иначе (невѣрно) Parilia (⁶). Къ этимъ же божествамъ долженъ быть причисленъ охранитель лѣсовъ и пасущихся въ

(¹) Paul. Diac. Meditrinalia: Mos erat Latinis populis, quo die quis primum gustaret mustum, dicere ominis gratia:

Vetus novum vinum bibo, veteri novo morbo medeor. A quibus verbis etiam Meditrinae deae nomen conceptum, ejusque sacra Meditrinalia dicta sunt.

(²) Arn. IV, 7: Putationibus arborum Puta praesto est.

(³) Aug. IV, 24: a pomis Pomonam; Ibid. 34. Для служенія этой богини былъ особеный Фламинъ, что́ указываетъ на большое почитаніе этой богини. Var. de l. l. VII, 45. Paul. Diac. ed. Müll. p. 154.

(⁴) Aug. IV, 24: a bubus Bubonam; ibid. 34.

(⁵) Tert. Apol. 16; ad Nat. 1, 11; Juv. VIII, 156. Orelli, Inscr. № 402; Henzen, №№ 5804, 5238, 5239. Слово Epona происходитъ очевидно отъ epus = equus, греч. ἵππος, кельт. epo. См. Preller, R. M. p. 594.

(⁶) Paul. Diac. ed Müll. p. 222: Pales dicebatur dea pastorum, cujus Festa Palilia dicebantur; vel, ut alii volunt, dicta Parilia, quod pro partu pecoris eidem sacra fiebant. Варронъ apud Gell. XIII, 22 приводитъ эту богиню въ числѣ другихъ сельскихъ божествъ:

Ted Anna Perenna, Panda Cela, te Pales,
Nerienes et Minerva, Fortuna ac Ceres.

Мы привели первый стихъ согласно съ исправленіемъ Моммзена (Unterit. Dialekt., p. 136). Отъ имени этой богини Солинъ производитъ названіе палатинской горы: Palatium — a Pale dea pastorali (1, 15). Она почиталась и Самнитянами. См. у Моммзена надпись изъ Аньоне въ Unterit. Dial. p. 128; ср. p. 139 и 286.

нихъ стадъ *Silvanus* (1). Сюда же относится и богъ рощъ *Nemestrinus* (2). Изъ божествъ, относящихся къ пчеловодству, извѣстно одно: *Mellonia* (3).

Сохранилось за тѣмъ нѣсколько именъ божествъ, относящихся къ гражданскимъ занятіямъ и отношеніямъ человѣка. Такъ: *Mars* и *Bellona*, боги, покровительствующіе въ войнѣ съ непріятелемъ и внушающіе мужество (4); *Victoria*, доставляющая побѣду (5); *Mercurius* и *Minerva*, помогающіе въ изученіи наукъ (6); *Honorinus*, доставляющій почетныя должности (7); *dii Lucrii* боги выгодныхъ операцій (8); *Pecunia*, обогащающая человѣка (9); *Aesculanus* и *Argentinus*, доставляющіе одинъ мѣдныя, а другой серебряныя деньги человѣку (10); *Fessonia*, богиня, поддерживающая въ усталости (11); *Pellonia*, прогоняющая враговъ (12).

Наконецъ находились въ Индигитаментахъ имена боговъ, назначеніе которыхъ состояло въ охраненіи разныхъ мѣстъ города и дома, въ которомъ живетъ человѣкъ. Тако-

---

(1) Virg. Aen. VIII, 600: Silvano... arvorum pecorisque deo. Henz. Inscr. № 5751: Magne. Deus. Sylvane. Potens. Sanctissime. Pastor. Qui Nemus. Idaeum. Romanaque. Castra. Gubernas.

(2) Arnob. IV, 7: deus nemorum Nemestrinus est.

(3) Aug. IV, 34: mella sine Mellona; Arnob. IV, 7: Mellonia dea est pollens potensque in apibus, mellis curans custodiensque dulcedinem. Ibid. 8, 1, 2.

(4) Aug. IV, 1: Marti et Bellonae, ut bene belligerarent.

(5) Aug. ibid: deae Victoriae, ut vincerent.

(6) Aug. ibid: Quid doctrinae vel a Mercurio, vel a Minerva petendum esset, cum virtus omnia secum haberet?

(7) Aug. ibid: Deo Honorino, ut honorarentur.

(8) Arnob. IV, 9: Quis est enim qui credat, esse deos Lucrios et lucrorum consecutionibus praesidere?

(9) Aug. IV, 21: deae Pecuniae, ut pecuniosi essent.

(10) Aug. ibid: deo Aesculano et filio ejus Argentino, ut haberent aeream argenteamque pecuniam. Arn. IV, 9.

(11) Aug. ibid: Cur enim esset invocanda propter fessos diva Fessonia...?

(12) Aug. ibid: propter hostes depellendos diva Pellonia.

вы боги арокъ и проходовъ—*Arquis* и *Jana* (1); боги семи римскихъ холмовъ, въ честь которыхъ былъ праздникъ *Septimontium* (2); *Ascensus* и *Clivicola*, боги возвышеній (3); *Limones*, охранители крутыхъ спусковъ (4); *Forculus*, богъ дверей (5); *Cardea*, богиня дверныхъ запоровъ (6); *Limentinus*, богъ пороговъ (7), и *Lateranus*, богъ-хранитель очага (8).

Вотъ тѣ боги и богини, о которыхъ дошли до насъ отрывочныя свѣденія, какъ о богахъ Индигитаментовъ, о которыхъ, можно думать, было несравненно больше, судя по вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ древнихъ писателей. Въ основаніи своемъ книги Индигитаментовъ, въ которыхъ содержались достодолжныя молитвы и воззванія къ этимъ богамъ, относятся къ самому отдаленному времени римской исторіи. По единогласному свидѣтельству древнихъ писателей, они составлены были первоначально Нумой, которому принадлежитъ и вообще устройство римской религіи (9). Впослѣдствіи Индигитаменты расширились. Съ введеніемъ въ нихъ новыхъ боговъ увеличивалось и количество молитвъ къ богамъ. Такъ напр. Индигитаменты Нумы еще не заключали въ себѣ молитвъ къ богамъ греческаго культа, начавшаго вторгаться въ римскую религію со времени Тарквиніевъ. Арнобій прямо говоритъ, что въ Индигитаментахъ Нумы не

---

(1) Tertull. ad Nat. II, 15: et diva Arquis et Jana. Мѣсто это сильно испорчено.

(2) Tert. ibid: et montium Septemontium....

(3) Tert. ibid: Taceo Ascensum... et Clivicolam a clivis.

(4) Arnob. IV, 9: Curatores obliquitatum Limones.

(5) Tert. ad Nat. II, 11: Forculum a foribus. Aug. IV, 8.

(6) Tert. ibid: Cardeam a cardinibus. Aug. IV, 8.

(7) Tert. ibid: liminum Limentinum. Aug. ibid. Arn. IV, 9. Онъ прибавляетъ еще богиню того же значенія *Лиму*. Quis Limentinum, quis Limam (Limentinam) custodiam liminum gerere et janitorum officia sustinere...

(8) Arnob. IV, 6: Lateranus deus est focorum et genius, adjectusque hoc nomine, quod ex laterculis ab hominibus crudis caminorum istud exaedificetur genus.

(9) См. вышеприведенныя мѣста: Cic. de Rep. II, 14; Liv. 1, 21. Tert. Apolog. 21 и 25; Arnob. II, 73; Lact. I, 22, 4.

было имени Аполлона (1), а между тѣмъ Макробій (2) указываетъ намъ и самый способъ обращенія къ Аполлону, находившійся въ Индигитаментахъ. Ясно, что это обращеніе къ Аполлону было составлено уже впослѣдствіи, т. е. послѣ того, какъ самый культъ Аполлону введенъ былъ въ римскую религію. Но основная часть Индигитаментовъ должна была оставаться на всегда неприкосновенною. Римская религія не допускала даже и въ позднѣйшее время ни малѣйшаго отступленія отъ разъ освященныхъ религіозныхъ формулъ. Если во время Плинія строгость неизмѣннаго произношенія молитвъ, освященныхъ церковью, доходила до того, что не только нельзя было пропустить въ молитвѣ какое нибудь слово, но даже и переставить его съ одного мѣста на другое, и если это уваженіе къ ненарушимой святости религіозныхъ формулъ во время имперіи охранялось самыми тщательными мѣрами, такъ что, при произношеніи этихъ формулъ, одинъ диктовалъ по книгѣ (de scripto), другой произносилъ сказанныя слова, а третій внимательно слѣдилъ за вѣрностью чтенія (3), то само собою разумѣется, что въ древнѣйшія времена это уваженіе къ ненарушимости молитвъ и заклинаній, освященныхъ церковію, было еще болѣе охраняемо. Что измѣненіе священнаго текста не допускалось ни въ какомъ случаѣ, даже если бы онъ былъ не понятенъ и самимъ служителямъ религіи, на это мы имѣемъ живыхъ свидѣлелей въ гимнѣ братьевъ Арвальскихъ и отрывкахъ пѣснопѣній жрецовъ Саліевъ, какіе сохранились до нашего времени. По поводу пѣснопѣній Саліевъ Квинтиліанъ прямо говоритъ, что хотя языкъ этихъ пѣснопѣній не совсѣмъ понятенъ даже самимъ Саліямъ, но измѣненіе его ни въ какомъ случаѣ не допускается религіей (4).

---

(1) Arnob. II, 73: Non doctorum litteris continetur, Apollinis nomen Pompiliana Indigitamenta nescire?

(2) Saturn. I, 17, 5: Virgines Vestales ita indigitant: Apollo Medice, Apollo Paean.

(3) Plin. N. H. XXIII, 1, 2 ed. Jan. Videmus certis precationibus obsecrasse summos magistratus et, ne quid verborum praetereatur aut praeposterum dicatur, de scripto praeire aliquem rursusque alium custodem dari, qui attendat.

(4) Quin. 1, 6, 40: Saliorum carmina vix sacerdotibus suis satis intellecta; sed illa mutari vetat religio et consecratis utendum est.

ГЛАВА IV.

Комментаріи понтификовъ и римскій календарь.

Сбивчивость ссылокъ древнихъ писателей, относящихся къ комментаріямъ понтификовъ. Содержаніе комментаріевъ понтификовъ, на сколько позволяютъ опредѣлить его мѣста, относящіяся къ нимъ у древнихъ писателей.—Исключительно религіозное значеніе первоначальнаго римскаго календаря. Способъ составленія его. Послѣдующія измѣненія въ римскомъ календарѣ.

Древними писателями упоминаются очень часто *commentarii pontificum*. Но ссылки на книги подъ этимъ заглавіемъ дѣлаются ими такъ небрежно, что нѣтъ возможности отнести всѣ ссылки на *commentarii pontificum* къ одному роду книгъ понтификовъ. Раньше мы встрѣчались съ ссылками на *libri pontificum* въ такихъ случаяхъ, когда такое заглавіе скорѣе могло бы быть отнесено къ *commentarii* или *annales pontificum*. Мы видѣли также безразличныя ссылки на *libri sacrorum, libri sacri, libri caerimoniarum, libri de sacerdotibus*. Такъ и въ настоящемъ случаѣ *commentarii pontificum* сплошь да рядомъ указываются въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ, какъ мы увидимъ, всего сообразнѣе съ дѣломъ видѣть ссылки на *annales pontificum* (иначе annales maximi). Таково напр. очень извѣстное мѣсто Ливія (¹), гдѣ онъ, указывая на *commentarii pontificum*, очевидно имѣетъ въ виду обозначить этимъ не какой нибудь спеціальный видъ книгъ понтификовъ, а вообще ихъ книги, или, если

(¹) Liv. VI, 1: Quae in commentariis pontificum aliisque publicis privatisque erant monumentis, incensa urbe interiere.

нужно непремѣнно видѣть въ этой ссылкѣ какія нибудь отдѣльныя книги, то всего скорѣе историческія, т. е. *annales pontificum* (1). Говоря о погибели во время галльскаго пожара въ Римѣ большей части памятниковъ письменности, Т. Ливій имѣетъ въ виду указать только на недостатокъ средствъ къ составленію отчетливой исторіи Рима до галльскаго нашествія. Отсюда понятно, что *commentarii pontificum*, которые, какъ мы увидимъ, имѣли юридическое значеніе, не могли быть предпочтены другимъ несравненно болѣе важнымъ памятникамъ историческимъ, а между тѣмъ Ливій указываетъ здѣсь на commentarii, какъ на самый важный документъ, который одинъ удостоился быть названъ по имени, тогда какъ о всѣхъ остальныхъ памятникахъ письменности Ливій упоминаетъ здѣсь вообще (aliisque publicis privatisque monumentis). Такого рода небрежность въ указаніи точныхъ заглавій фундаментальныхъ документовъ совершенно естественна для Ливія, который, составляя свою исторію, не считалъ нужнымъ справляться съ древнѣйшими памятниками, а считалъ достаточнымъ для себя компилировать анналистовъ (2). Отъ упрека въ нѣкоторой небрежности не свободенъ и Квинтиліанъ, когда онъ въ примѣръ устарѣвшаго языка приводятъ *комментаріи* понтификовъ и древнѣйшіе союзные договоры (3). Мы не видимъ ни какой нужды подразумѣвать и въ этомъ случаѣ подъ *комментаріями* понтификовъ спеціальныхъ книгъ этого названія, но слѣдуетъ полагать, что Квинтиліанъ этимъ именемъ вообще обозначаетъ сочиненія понтификовъ.

---

(1) Гуллеманъ въ своей книгѣ: Disputatio critica de Annalibus Maximis. Амстердамъ, 1855, p. 5 не видитъ здѣсь указанія на Annales Maximi. Но голландскій ученый учевидно ошибается, видя въ этихъ *комментаріяхъ* другой родъ сочиненій понтификовъ, котораго онъ не обозначаетъ съ достаточной опредѣленностью.

(2) См. между прочимъ: Wachsmuth, Die ältere Geschichte des römischen Staates. Halle, 1819. p. 33 и слѣд.

(3) Quint. VIII, 2, 12: Obscuritas fit etiam verbis ab usu remotis, ut si commentarios quis pontificum et vetustissima foedera et exoletos scrutatus auctores id ipsum petat ex his, quae inde contraxerit, quod non intelliguntur.

Если мы обратимъ вниманіе на тѣ ссылки авторовъ, относящіяся къ *комментаріямъ понтификовъ*, которыя сдѣланы не голословно, а примѣнены къ какому нибудь частному обстоятельству, то увидимъ, что въ нихъ заключалось содержаніе, отличное отъ содержанія другихъ книгъ понтификовъ. Самое важное мѣсто, сюда относящееся, приводится Ливіемъ въ знаменитой рѣчи трибуна Канулея, сказанной въ народномъ собраніи по поводу внесенныхъ имъ проэктовъ законовъ о бракѣ между патриціями и плебеями съ одной стороны и о допущеніи плебеевъ къ консульскому званію съ другой. Пылкій трибунъ, жалуясь на неравноправность плебеевъ съ патриціями, говоритъ, что плебеямъ недоступны «ни фасты, ни комментаріи понтификовъ» (¹). Раньше мы говорили, что понтификамъ принадлежало право вести календарь, и что этимъ правомъ они пользовались нерѣдко для своекорыстныхъ цѣлей; указывали также и на то, что въ рукахъ понтификовъ долгое время находилось толкованіе законовъ. Въ силу того и другаго права они имѣли сильное вліяніе на юрисдикцію; ибо отъ нихъ зависѣло съ одной стороны объявить тотъ или другой день судебнымъ или не судебнымъ (fastus или nefastus), а съ другой стороны дать тому или другому закону такое толкованіе, какое имъ нужно. Давленіе, какое оказывали понтифики на гражданскія отношенія, пользуясь правомъ веденія календаря и толкованія законовъ, было тѣмъ болѣе тягостно, что права эти не подвергались контролю. Никто не смѣлъ вмѣшаться въ веденіе календаря (²), и только однимъ понтификамъ были извѣстны законныя формулы суда и только въ архивѣ ихъ коллегіи хранились толкованія на законы (³). Противъ этого-то втайнѣ хранимаго способа толкованія законовъ и произвольнаго веденія календаря и возставалъ Канулей, когда жаловался, что плебеи не могутъ контролировать ни календаря, ни судопроизводства, законное или незаконное веденіе

(¹) Liv. IV, 3: Obsecro vos, si non ad fastos, non ad commentarios pontificum admittimur.

(²) Liv. IV. 1; Cic. pro Muren. 11.

(³) Pomp. Dig. 1, 2, 2 § 6; Liv, IX, 46; Cic. de Orat. 1, 41; Dion. X, 1; Val. Max. II, 5, 2.

котораго извѣстно было только понтификамъ. Что подъ выраженіемъ «ad commentarios pontificum» Канулей разумѣлъ кодексъ гражданскаго права (jus civile) и законнаго судопроизводства (legis actiones), это не можетъ подлежать сомнѣнію, и всякое другое объясненіе этого мѣста невозможно. Канулей говорилъ противъ того порядка вещей, который, 140 лѣтъ спустя, удалось разрушить эдильскому секретарю Флавію, опубликовавшему комментаріи понтификовъ и выставившему календарь на форумѣ (1). Но прежде понимали это мѣсто иначе; и даже такой проницательный изслѣдователь, какъ Вахсмутъ, полагалъ, что подъ словами Канулея «non ad commentarios» нужно разумѣть жреческую лѣтопись (2), не говоря о Леклеркѣ, который все готовъ подвести подъ лѣтопись понтификовъ (3). Этому противорѣчитъ рѣшительное увѣреніе Цицерона, что лѣтопись понтификовъ съ самаго своего основанія была публичнымъ документомъ (4). Со свидѣтельствомъ Цицерона согласиться тѣмъ легче, что содержаніе лѣтописи, о которомъ мы будемъ говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, и которое заключалось въ изображеніи важнѣйшихъ политическихъ событій, чудесъ, затмѣній луны и солнца и тому подобныхъ диковинокъ, не могло представлять собой ничего такого, чтó слѣдовало бы патриціямъ скрывать отъ плебеевъ. На это совершенно справедливо указываютъ Беккеръ (5) и Швеглеръ (6). На то значе-

---

(1) Liv. IX, 46: Civile jus, repositum in penetralibus pontificum, evulgavit, fastosque circa forum in albo proposuit, ut, quando lege agi posset, sciretur. Cp. Cic. ad Att. VI, 1; pro Muren. 11; de Orat. 1, 41; Val. Max. II, 5, 2: Jus civile per multa saecula inter sacra caerimoniasque deorum immortalium abditum solisque pontificibus notum Cn. Flavius libertino patre genitus et scriba cum ingenti nobilitatis indignatione factus aedilis curulis vulgavit, ac fastos paene toto foro exposuit.

(2) Die ältere Geschichte des römischen Staates, p. 10.

(3) Le Clerc, Des journaux chez les Romains, Paris, 1828, p. 120.

(4) De Orat. II, 15, 52: Ab initio rerum Romanarum usque ad Mucium, pontificem maximum, res omnes singulorum annorum mandabat literis pontifex maximus, referebatque in album, et proponebat tabulam domi, potestas ut esset populo cognoscendi.

(5) Handbuch der Römischen Alterthümer. I, p. 11.

(6) Röm. Gesch. I, p. 32.

ніе, которое мы придаемъ комментаріямъ понтификовъ, указываетъ также то мѣсто Цицерона, гдѣ онъ по комментаріямъ понтификовъ заключаетъ о замѣчательномъ умѣ первосвященника Корунканія ([1]), который, кромѣ воинскихъ доблестей, оказанныхъ имъ въ войнѣ съ Пирромъ, былъ именно извѣстенъ, какъ отличный знатокъ въ дѣлахъ религіи и закона и поэтому считался мудрѣйшимъ человѣкомъ ([2]). Есть еще другое замѣчательное мѣсто у Цицерона, гдѣ онъ въ дѣлахъ права ссылается на резолюцію, сообщенную коллегіей понтификовъ цензору Кассію и записанную въ *комментаріяхъ понтификовъ* ([3]). Заслуживаетъ особеннаго вниманія мѣсто Плинія Старшаго, гдѣ онъ изъ *комментаріевъ понтификовъ* приводитъ постановленіе относительно дней, въ которые можно было гадать по внутренностямъ собакъ ([4]). Постановленіе это очевидно должно было существовать въ такомъ памятникѣ, гдѣ находились разныя другія постановленія понтификовъ. Но такъ какъ смыслъ этого постановленія строго религіозный и касается чисто церковныхъ, а не гражданскихъ обязанностей, то весьма можно затрудниться поставить его на ряду съ только что приведенными указаніями на комментаріи понтификовъ. Все, что мы знаемъ о *libri pontificum* или *libri sacrorum*, свидѣтельствуетъ, что мѣсто Плинія подходитъ скорѣе подъ содержаніе этихъ книгъ, чѣмъ *комментарій* понтификовъ. Мѣсто это совершенно под-

---

([1]) Brut. 14, 55: Ti. Coruncanium (possumus suspicari disertum), quod ex pontificum commentariis longe plurimum ingenio valuisse videatur.

([2]) Cic. de Nat. deor. 1, 41, 115; III, 2, 5; pro dom. 54, 139; Quae si omnia ex Coruncanii scientia, qui peritissimus pontifex fuisse dicitur, acta esse constarent. Cat. m. 9, 27; ibid 6, 14; Lael. 5, 18; de Orat. III, 33, 134; 15, 56.

([3]) Cic. pro dom. 53, 136: Habetis in commentariis vestris, C. Cassium censorem de signo Concordiae dedicando ad pontificum collegium retulisse, eique M. Aemilium, pontificem maximum, pro collegio respondisse.

([4]) Pl. N. H. XVIII, 3, 14: ita est enim in commentariis pontificum: Augurio canario agendo dies constituantur, priusquam frumenta vaginis exeant et antequam in vaginas perveniant.

ходитъ подъ то опредѣленіе священныхъ книгъ, какое сообщаетъ Ливій книгамъ, переданнымъ Нумой Помпиліемъ первосвященнику Нумѣ Марцію. Въ этихъ книгахъ говорилось, какъ мы знаемъ, о томъ, *въ какіе дни* и какъ вообще должны быть совершаемы религіозныя отправленія (¹). Это были *libri sacri* или *libri sacrorum*, называвшіеся иначе *книгами* понтификовъ. Но съ другой стороны нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что такое постановленіе находилось дѣйствительно въ комментаріяхъ понтификовъ, на обязанности которыхъ было разъяснять религіозныя постановленія во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ. Если постановленіе это сдѣлано было самими понтификами, тогда оно естественно должно было быть внесено въ ихъ комментаріи. Но за то мы не колеблясь относимъ ту ссылку Цицерона (²), гдѣ онъ указываетъ на *libri pontificum*, какъ на источникъ гражданскаго права и стариннаго судопроизводства, прямо къ *комментаріямъ* понтификовъ, юридическій характеръ которыхъ, на основаніи выше приведенныхъ мѣстъ Ливія и Цицерона, не можетъ быть подверженъ сомнѣнію. Нѣтъ сомнѣнія, что Цицеронъ слово *libri* употребляетъ здѣсь въ такомъ же безразличномъ смыслѣ, какъ мы говоримъ «сочиненія», не обращая вниманія на родъ этихъ послѣднихъ. Выше мы видѣли, что книги понтификовъ съ юридическимъ содержаніемъ называются у него commentarii: такъ онъ ихъ называетъ, когда говоритъ о нихъ по отношенію къ двумъ опредѣленнымъ случаямъ, что́ и заставляло его выразиться точнѣе. Здѣсь же, говоря вообще о древнихъ источникахъ римскаго права и памятникахъ древняго судопроизводства, онъ считалъ себя въ правѣ употребить общее названіе *libri*. Что это общее названіе *книги* упот-

---

(¹) Liv. 1, 20.

(²) De Orat. I, 43, 193: Accedit vero quo facilius percipi cognoscique jus civile possit (quod minime plerique arbitrantur) mira quaedam in cognoscendo suavitas et delectatio. Nam sive quem aliena studia delectant, plurima est et in omni jure civili, et in p o n t i f i c u m l i b r i s, et in XII tabulis, antiquitatis effigies, quod et verborum prisca vetustas cognoscitur e t a c t i o n u m g e n e r a q u a e d a m majorum consuetudinem vitamque declarant; sive quis civilem scientiam contempletur и пр.

реблялось безразлично, можно видѣть и изъ того, что подъ заглавіемъ *книгъ* понтификовъ онъ приводитъ и то свидѣтельство, что право воззванія къ народу существовало будто бы еще при царяхъ (¹). Мы тогда же замѣчали, что подобное свидѣтельство нельзя отнести къ *книгамъ* понтификовъ въ строгомъ смыслѣ, но что оно должно быть отнесено или къ комментаріямъ понтификовъ, гдѣ могло быть мѣсто для такого вопроса, или, еще скорѣе, къ ихъ лѣтописи, гдѣ могъ быть разсказанъ тотъ или другой важный фактъ о воззваніи къ народу при царяхъ. Мы не беремся рѣшить, къ которой изъ двухъ категорій книгъ понтификовъ слѣдуетъ отнести послѣднюю ссылку Цицерона на *книги* понтификовъ.

Вопросъ, которымъ мы теперь занимаемся, чрезвычайно труденъ. При всемъ усердіи съ нашей стороны, разработать его отчетливымъ образомъ нѣтъ никакой возможности. Опредѣлить, на основаніи только нѣсколькихъ ссылокъ древнихъ писателей, содержаніе цѣлаго отдѣла книгъ понтификовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *commentarii pontificum*, строго отличить ихъ отъ другихъ разрядовъ книгъ, принадлежавшихъ тѣмъ же понтификамъ—все это при огромной путаницѣ въ названіяхъ тѣхъ или другихъ книгъ у древнихъ писателей, при запутанности и разнорѣчіи взглядовъ на предметъ среди новыхъ ученыхъ, при полной невозможности подтвердить свое мнѣніе неоспоримыми доказательствами—трудъ тяжелый и неблагодарный. Лично мы убѣждены въ томъ мнѣніи о комментаріяхъ понтификовъ, которое высказали по поводу разбора мѣста Ливія о рѣчи Канулея и затѣмъ по поводу двухъ мѣстъ Цицерона. Что понтифики занимались толкованіемъ законовъ и, наблюдая за формальностью судебныхъ процессовъ, вели по этому дѣлу особыя книги, это утверждено свидѣтельствами древнихъ писателей. Что эти книги назывались именно commentarii pontificum, а не иначе, въ этомъ удостовѣряютъ насъ, хотя не многія, но положительныя мѣста древнихъ писателей, которыя мы привели выше. Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ насъ и то соображеніе, что книги понтификовъ, имѣвшія другія названія,

---

(¹) De Rep. II, 31: provocationem autem etiam a regibus fuisse declarant pontificii libri.

заключали въ себѣ другое содержаніе. Что напр. annales pontificum были совершенно особыя отъ другихъ книги, это ясно само по себѣ и будетъ разсмотрѣно нами въ своемъ мѣстѣ. Могли ли съ другой стороны книги, занимавшіяся толкованіемъ гражданскихъ законовъ и заключавшія въ себѣ правила судопроизводства, быть тожественными съ книгами богослужебными, какъ Indigitamenta, или съ книгами, заключавшими въ себѣ догматы вѣры, изложеніе обрядовъ богослуженія, ученіе объ обязанностяхъ служителей религіи, какъ libri sacri, libri caerimoniarum, libri de sacerdotibus, т. е. съ книгами богословско-церковно-богослужебнаго характера? Очевидно, что рѣзкое различіе въ содержаніи не допускаетъ возможности подозрѣвать смѣшеніе этихъ послѣднихъ книгъ, для которыхъ, какъ мы замѣчали выше, было общее названіе *libri pontificum*, съ тѣми книгами, которыя занимались толкованіемъ гражданскихъ законовъ и содержали въ себѣ правила судопроизводства, и для которыхъ остается лишь заглавіе—*commentarii pontificum*. Правда, изъ многихъ ссылокъ древнихъ писателей можно замѣтить, что они и названіе *commentarii pontificum* употребляли въ такомъ же общемъ смыслѣ, какъ и *libri* (¹), но это зависѣло единственно отъ малаго знакомства писателей съ духовной письменностью и отъ небрежности, въ которой мы уже имѣли нѣсколько случаевъ убѣдиться.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что подъ именемъ *комментаріевъ* понтификовъ нужно преимущественно разумѣть книги, которыя въ раннюю эпоху римскаго государства служили кодексомъ гражданскаго права, содержавшимъ въ себѣ законы, объясненія ихъ и правила судопроизводства. Свидѣтельства древнихъ писателей, единогласно говорящія о томъ, что въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій (до половины 5-го столѣтія Рима) знаніе гражданскаго права и толкованіе его принадлежали исключительно понтификамъ, заста-

---

(¹) Liv. VI, 1; Quint. VIII, 2, 12. Мѣста эти приведены выше. Фестъ въ ed. Müll. p. 165, 286 и 360 ссылается на commentarii sacrorum въ такихъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о принесеніи въ жертву животныхъ; слѣдовательно дѣло касается обрядовъ богослуженія, и, сообразно съ нашимъ предыдущимъ рѣшеніемъ, ссылки эти должны быть отнесены скорѣе къ libri, чѣмъ къ commentarii pontificum.

вили насъ искать тѣхъ письменныхъ памятниковъ, въ которые вложено было юридическое знаніе понтификовъ, и мы нашли, что этими памятниками были *commentarii pontificum.* Такъ какъ гражданское право въ древнія времена было тѣсно связано съ религіознымъ, и такъ какъ это послѣднее было еще болѣе спеціальною принадлежностію вѣденія понтификовъ, то необходимо слѣдуетъ, что въ *комментаріи* понтификовъ входило и толкованіе церковнаго права, тѣмъ болѣе, что это послѣднее постоянно сталкивалось съ гражданскимъ.

Въ такомъ видѣ представлялись комментаріи понтификовъ еще Нибуру, который, по свойственной ему привычкѣ смѣло высказывать то, что онъ считалъ вѣрнымъ, хотя бы его мнѣніе основывалось только на его соображеніи, а не опиралось на фактическія данныя, говоритъ о нихъ слѣдующее: «Другой источникъ (послѣ annales pontificum) извѣстій о древнѣйшей римской исторіи, составляютъ commentarii pontificum. Они были сборникомъ юридичекихъ случаевъ по древнему государственному и церемоніальному праву, вмѣстѣ съ рѣшеніями понтификовъ въ случаяхъ ихъ юрисдикціи, подобно рѣшеніямъ юристовъ въ пандектахъ. Этотъ сборникъ былъ основаніемъ, изъ котораго изучавшіе право извлекали общія правила. Магометанскій кодексъ права—Сунна и Талмудъ совершенно соотвѣтствуютъ имъ въ формѣ; нигдѣ правило не выставляется отвлеченно, но только разсказываются рѣшенія отдѣльныхъ случаевъ. Тоже самое мы находимъ въ Пятокнижіи при спорахъ о женскомъ наслѣдованіи по имуществу. По отношенію къ случаю judicium perduellionis разсказывается, какъ Горацій убилъ свою сестру (¹)». Въ другомъ мѣстѣ Нибуръ идетъ еще дальше. Онъ говоритъ: «Все первоначальное государственное устройство по видимому было разсказано въ commentariis pontificum въ юридическихъ случаяхъ, откуда заимствовалъ ихъ Гракханъ. Основа этихъ извѣстій въ высшей степени достовѣрна» (²). Въ третьемъ мѣстѣ Нибуръ выражается такъ о комментаріяхъ понтификовъ: «Это, какъ еврейскій Талмудъ, магометанская Сунна, были посте-

---

(¹) Vorträge über römische Geschichte von B. G. Niebuhr, herausgeg. von M. Jsler. Berl. I, 1846, p. 10.

(²) Ibidem, p. 15.

пенно составлявшіяся записи (Verzeichnisse) рѣшеній, распоряженій и объясненій: они составляютъ источникъ многихъ древнихъ преданій, особенно такихъ, которыя относятся къ jus pontificium (1).»

Раньше (2) мы говорили, что на понтификахъ съ древнѣйшихъ временъ лежала обязанность толкованія церковнаго права, что къ этимъ толкованіямъ прибѣгали и впослѣдствіи, чтобы узнать, какое дѣйствіе согласно съ религіей, или нѣтъ (3), и что этихъ толкованій или рѣшеній (decreta) съ теченіемъ времени накопилось огромное количество (4). Эти толкованія и постановленія, составлявшіяся мало по малу, по требованію обстоятельствъ, не имѣли, безъ всякаго сомнѣнія, для себя другихъ документовъ, куда они вписывались, какъ именно *commentarii pontificum* — книги, которыя, не имѣя ни догматическаго, ни богослужебнаго характера, заключали въ себѣ всю ученость, распорядительную и законодательную дѣятельность понтификовъ, какъ первенствующей духовной коллегіи. Можно думать, что первоначальные комментаріи этой коллегіи, были преимущественно сборниками постановленій по церковному праву, которое должно было развиться раньше права гражданскаго. Такое содержаніе въ нихъ нужно предполагать именно въ періодъ царей, когда гражданское право такъ тѣсно было связано съ церковнымъ. Такіе юридическіе акты, какъ confarreatio, arrogatio, sponsio ad aram maximam и т. п. безъ сомнѣнія были строго опредѣлены понтификами въ самое раннее время, ибо они тѣсно соприкасались съ религіей и не могли происходить безъ вмѣшательства духовенства. Все, что касалось наслѣдственнаго и брачнаго права, должно было съ самыхъ раннихъ временъ требовать разъясненій и опредѣленій понтификовъ, такъ какъ было связано съ вопросомъ о sacra privata, подчиненныхъ со времени Нумы вѣденію пон-

---

(1) Vorträge über römische Alterthümer von Niebuhr, herausg. von M. Jsler. Berlin, 1858 p. 399.

(2) Глава III, стр. 48.

(3) Macrob. Sat. III, 3, 1: Inter decreta pontificum hoc maxime quaeritur, quid sacrum, quid sanctum, quid religiosum.

(4) Liv. XXXIX. 16: Innumerabilia decreta pontificum.

тификовъ ([1]). Такого рода разъясненія и опредѣленія могли войти въ комментаріи понтификовъ, также точно какъ и всѣ толкованія, касавшіяся вопросовъ чисто церковныхъ, въ самую раннюю пору римскаго государства. Впослѣдствіи, когда болѣе и болѣе развивавшаяся гражданская жизнь поднимала постоянно вопросы гражданскаго права, въ комментаріи понтификовъ входило все болѣе и болѣе юридическихъ случаевъ чисто гражданскаго характера, такъ что приведенныя нами ссылки древнихъ писателей на эти книги почти исключительно относятся къ вопросамъ гражданскаго, а не церковнаго права. Не имѣя данныхъ для болѣе подробнаго разсмотрѣнія вопроса о *комментаріяхъ* понтификовъ, мы не считаемъ себя въ правѣ высказывать по этому поводу дальнѣйшія соображенія.

Обозрѣвая дѣятельность понтификовъ вообще, мы говорили ([2]), что между прочимъ въ рукахъ понтификовъ было веденіе календаря (Fasti). Обязанность эта, дававшая понтификамъ во время республики, какъ мы знаемъ, огромное вліяніе на гражданскую жизнь народа, должна была начаться для нихъ съ той отдаленной поры, съ какой ведетъ свое начало организація римской религіи. Это ясно вытекаетъ изъ того обстоятельства, что древнѣйшій римскій календарь имѣлъ исключительно религіозное значеніе. Римская религія строго требовала, чтобы народъ неуклонно соблюдалъ обряды, установленные ею для извѣстныхъ дней; и сами понтифики, которымъ ввѣрено было наблюденіе надъ чистотой религіи, должны были наблюдать, чтобы дни, освященные религіею, были почитаемы, и чтобъ не совершались мірскія работы въ такіе дни, въ которые это запрещено религіей. Поэтому веденіе календаря главнымъ образомъ было направлено къ тому, чтобы обозначить, какіе дни въ мѣсяцѣ были *festi*, *profesti*, *intercisi*, *religiosi*, въ какіе дни случались разнаго рода *feriae*, въ какіе могли совершаться ярмарки, т. е. какіе дни были *nundinae*, въ какіе дни можно было вести тяжбу (dies fasti) и въ какіе по религіоз-

---

([1]) Liv. I, 20.

([2]) Глава III, стр. 48.

нымъ требованіямъ нельзя было вести ея (dies nefasti) и т. д. Понтифики обязаны были дѣлать каждый мѣсяцъ расписаніе такимъ днямъ, на основаніи котораго лицо, называвшееся въ римской іерархіи во время республики *rex sacrorum* или *rex sacrificulus*, объявляло во дни Нонъ каждаго мѣсяца народу, что́ слѣдуетъ въ какіе дни дѣлать ([1]). Мы сказали, что такая выкличка значенія дней народу происходила на основаніи *росписанія*, сдѣланнаго понтификами. Источники намъ не говорятъ объ этомъ росписаніи; но оно было такъ необходимо, и безъ него было бы такъ трудно обходиться, что существованіе его, по нашему мнѣнію, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Иначе были возможны постоянныя ошибки со стороны церковнаго, царя чего такая строгая религія, какъ римская, никогда не могла бы допустить. Что обычай возвѣщать народу во дни Нонъ праздничные и вообще священные дни каждаго мѣсяца восходитъ къ самому древнему времени римскаго государства, это видно изъ того, что во время республики обязанность эта была возложена на церковнаго царя, которому, какъ извѣстно ([3]), поручены были обязанности, исполнявшіяся прежде царемъ въ политическомъ смыслѣ. Одного этого было бы достаточно къ заключенію о томъ, что чтеніе росписанія дней мѣсяца народу существовало во время царей; но, независимо отъ этого обстоятельства, то же самое можно заключить и изъ свидѣтельства Варрона, который, говоря о Нонахъ, замѣчаетъ, что въ этотъ день стекался деревенскій народъ къ царю для выслушанія отъ него мѣсячныхъ праздниковъ ([4]). Что здѣсь рѣчь идетъ о гражданскомъ ца-

---

([1]). Varr. de L. L. VI, 28 (ed. Müll.): ferias primas menstruas, quae futurae sint eo mense, rex edicit populo.

([2]) Macr. Sat. 1, 15, 12: Ideo autem minor pontifex numerum dierum, qui ad Nonas superessent, calando prodebat, quod post novam lunam oportebat Nonarum die populares, qui in agris essent, confluere in urbem, accepturos causas feriarum a rege sacrorum sciturosque, quid esset eo mense faciendum.

([3]) Liv. II, 2; III, 29; Tert. ed. Müll. p. 318; Dion. IV, 74.

([4]) De L. L. VI, 28: Eodem die (въ день Нонъ) in urbem ab agris ad regem conveniebat populus.

рѣ, видно изъ дальнѣйшихъ словъ Варрона ([1]), гдѣ онъ говоритъ уже о царѣ церковномъ, дѣлая какъ бы наведеніе отъ послѣдняго къ первому. Такъ объясняетъ это мѣсто и Гюлльманъ въ своемъ спеціальномъ сочиненіи о «Jus pontificium» у Римлянъ ([2]). Тоже самое видно и изъ словъ Макробія, когда онъ говоритъ о собраніи во дни Нонъ деревенскаго народа въ Римъ *и по изгнаніи царей* (exactis *etiam* regibus) ([3]). Однимъ словомъ очевидно, что въ періодъ республики и въ этомъ отношеніи продолжалось то, что начато было еще при царяхъ, когда религія получила всю свою существенную организацію.

Церковный римскій календарь основывался на астрономическомъ. Для того, чтобы опредѣлить, въ какіе дни придутся извѣстные праздники, въ какіе дни можно было собираться ярмаркѣ (nundinae), въ какіе дни можно было заводить тяжбу (dies fasti), когда, сообразно съ религіей, можно было приступать къ сѣянію хлѣба, сбору винограда, жатвѣ пшеницы, въ какіе дни нельзя было предпринимать никакихъ общественныхъ дѣлъ (dies religiosi), въ какіе дни нельзя было работать по утру и вечеромъ (dies intercisi) и т. п., для всего этого нужно было имѣть таблицу дней съ обозначеніями значенія каждаго изъ нихъ на цѣлый годъ. Мы видѣли, что въ извѣстный день каждаго мѣсяца лежала обязанность въ періодъ царей на самомъ царѣ, а въ періодъ республики на замѣнившемъ его въ духовномъ отношеніи церковномъ царѣ—объявлять народу, что́ слѣдуетъ дѣлать въ продолженіе каждаго дня наступившаго мѣсяца. Для этого одинъ изъ понтификовъ, именно младшій (pontifex minor), долженъ былъ при началѣ каждаго мѣсяца дѣлать наблюденіе, когда покажется новая луна, чтобы опре-

---

([1]) Ibid. Harum rerum vestigia in sacris Nonalibus in arce, quod tunc ferias primas menstruas, quae futurae sint eo mense, rex edicit populo.

([2]) Jus Pontificium der Römer. Bonn. 1837, p. 157.

([3]) Macr. Sat. 1, 13, 18: Populus Romanus exactis etiam regibus diem hunc Nonarum maxime celebrabat... Veritos ergo qui diebus praeerant, ne quid nundinis collecta universitas ob desiderium regis novaret, cavisse ut Nonae a nundinis segregarentur.

дѣлить тѣмъ первый день мѣсяца ([1]). Коль скоро младшій понтификъ замѣтилъ восхожденіе луны, онъ долженъ былъ немедленно сообщить объ этомъ царю (во время республики духовному) ([2]) и, совершивши вмѣстѣ съ нимъ жертвоприношеніе, призывалъ народъ на Капитолій ([3]). Отъ этого созванія народа (calare) первый день мѣсяца и получилъ названіе *Календъ* (kalendae) ([4]), а эти послѣднія дали происхожденіе употребляющемуся во всей Европѣ слову *календарь.* Созвавши народъ, понтификъ объявлялъ ему, сколько дней до первой четверти луны, т. е. будутъ ли Ноны на пятый или на седьмой день послѣ Календъ ([5]). Варронъ сохранилъ даже формулу, которою младшій понтификъ объявлялъ народу объ этомъ: *Dies te quinque calo Juno Covella* (если Ноны приходились на пятый день); *Septem dies te calo Juno Covella* (если Ноны приходились на седьмой день) ([6]). Понтификъ обращался къ Юнонѣ потому, что первые дни каждаго мѣсяца были посвящены ей ([7]). Количество дней до Нонъ опредѣлялось тѣмъ, уже или шире показывался серпъ

([1]) Macr. Sat. I, 15, 9: Pontifici minori haec provincia delegabatur, ut novae lunae primum observaret aspectum, visamque regi sacrificulo nuntiaret. Ibid. 5: Romulus initium cujusque mensis ex illo sumebat die, quo novam lunam contigisset videri. Ibid. 20: Cum enim initia mensium majores nostri ab exortu lunae servaverint, jure Junoni addixerunt Kalendas.

([2]) Macr. Sat. 1, 15, 9. См. текстъ выше.

([3]) Macr. Ibid. 10: Itaque sacrificio a rege et minore pontifice celebrato idem pontifex calata, id est vocata, in capitolium plebe juxta curiam Calabram, quae casae Romuli proxima est...

([4]) Varr. de L. L. VI, 27: Primi dies mensium nominati Calendae ab eo quod his diebus calantur ejus mensis Nonae, quintanae an septimanae sint futurae. Macr. Sat. I, 15, 11: Verbum autem καλῶ Graecum est, id est voco: et hunc diem, qui ex his diebus qui calarentur primus esset, placuit Kalendas vocari.

([5]) Macr. Ibid. 10: quod numero dies a Kalendis ad Nonas superessent pronuntiabat. Varro de L. L. VI, 27: Quintanae an septimanae sint futurae (Nonae).

([6]) Varr. ibidem.

([7]) Macr. I, 15, 18: Ut autem Idus omnes Jovi, ita omnes Kalendas Junoni tributas et Varronis et pontificalis adfirmat auctoritas. Ibid.

луны въ первый разъ. Отсюда и происходило, что въ одни мѣсяцы (называя ихъ по нашему календарю, въ январѣ, февралѣ, апрѣлѣ, іюнѣ, августѣ, сентябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ) Ноны приходились на пятый день, а въ другіе (въ мартѣ, маѣ, іюлѣ и октябрѣ) на седьмой (1). Во дни Нонъ, какъ мы уже говорили, царь гражданскій въ періодъ царей и церковный во время республики объявляли народу о томъ, какіе праздники слѣдуютъ въ продолженіе каждаго мѣсяца. Опредѣленіе третьей части мѣсяца—Идъ было уже просто, потому что съ незапамятныхъ временъ положено было считать Иды, означавшія полнолуніе, на девятый день послѣ Нонъ, т. е. 13 или 15 числа по нашему счету, смотря по тому, на пятый или на седьмой день послѣ Календъ приходились Ноны (2). Дальнѣйшій счетъ мѣсяца былъ тоже строго опредѣленъ съ давнихъ поръ: отъ Идъ до Календъ обыкновенно считалось шестнадцать дней (3).

Отсюда видно, что древнѣйшій римскій календарь, будучи подчиненъ все цѣло религіознымъ цѣлямъ, имѣлъ въ виду точное распредѣленіе дней мѣсяца и достигалъ его на основаніи наблюденій надъ фазами луны. Такъ было установлено, по словамъ Макробія (4), со временъ Ромула, хотя мы имѣемъ полное основаніе думать, что наблюденія надъ явленіями луны служили основаніемъ для мѣсячнаго дѣленія еще задолго до основанія Рима въ старѣйшихъ городахъ Лаціума, гдѣ религіозныя потребности должны были въ самую раннюю пору вызвать подобныя же астрономическія наблюденія и подобное же распредѣленіе дней мѣсяца. Была

20: Cum enim initia mensium majores nostri ab exortu lunae servaverint, jure Junoni addixerunt Kalendas lunam ac Junonem eandem putantes. Ovid. Fast. 1, 55: Vendicat Ausonias Junonis cura Kalendas.

(1) Macr. I, 15, 7: Hinc aliis (mensibus) quintus a Kalendis dies, aliis septimus Nonas facit.

(2) Macr. ibid. Omnibus tamen mensibus ex die Nonarum Idus nono die repraesentare placuit.

(3) Macrob. ibid. Inter Idus ac sequentes Kalendas constitutum est sedecim dies esse numerandos.

(4) Macr. ibid. 5: Romulus, cum ingenio acri quidem sed agresti statum proprii ordinaret imperii, initium cujusque mensis ex illo sumebat die, quo novam lunam contigisset videri.

ли въ ту отдаленную пору употребляема для веденія такого календаря письменность, или употреблялись какіе нибудь особенные знаки для распредѣленія времени, или, наконецъ, вовсе не было употребляемо ни то ни другое, мы не знаемъ. При этомъ мы допустимъ возможность для мѣсячнаго времясчисленія обходиться и безъ всякихъ письменныхъ знаковъ. Но наблюденія надъ являніями луны не могли быть единственною исходною точкою для времясчисленія даже въ самую раннюю пору жителей Лаціума, и вообще неизвѣстно, чтобы какой либо народъ считалъ время только мѣсяцами, какъ самой крупной единицей для измѣренія времени. Постоянно правильное повтореніе явленій, происходящихъ отъ обращенія земли около солнца, или, какъ думали древніе, отъ движенія солнца около земли, производило то, что рядомъ съ наблюденіемъ надъ движеніями луны, естественно дѣлались наблюденія и надъ видимымъ движеніемъ солнца, совершеніе которымъ круга около земли (по тогдашнимъ понятіямъ) обозначало годъ времени. Поэтому, какъ у другихъ народовъ, такъ и у Грековъ и у Римлянъ, посредствомъ наблюденія надъ явленіями луны и движеніемъ солнца съ раннихъ поръ былъ установленъ лунно-солнечный годъ.

Есть свидѣтельства, что древнѣйшій римскій годъ состоялъ изъ десяти мѣсяцевъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія Цензоринъ (1) приводитъ очень полновѣсныя имена Юнія Гракхана, Фульвія Нобиліора и Варрона (присоединяя къ нимъ еще не много значущее въ этомъ случаѣ имя Светонія), которые полагали, что десятимѣсячный годъ Римляне заимствовали отъ Албанцевъ (Albanis, unde orti Romani). Съ Цензориномъ совершенно согласны Солинъ (2), Макробій (3), согласно съ которымъ думаетъ и Овидій, также при-

(1) De die nat. 20, 2 ed. O. Jahn. Sed magis Junio Gracchano et Fulvio et Varroni et Suetonio aliisque credendum, qui decem mensum putaverunt fuisse, ut tunc Albanis, unde orti Romani. Cp. ib. 22, 9.

(2) Solin. I, 35 ed. Mommsen. Romani initio annum decem mensibus computaverunt a Martio auspicantes.

(3) Macrob. Sat. I, 12, 3: Non igitur mirum in hac varietate Romanos quoque olim auctore Romulo annum suum decem habuisse mensibus ordinatum, qui annus incipiebat a Martio et conficiebatur diebus trecentis quattuor.

писывая введеніе такого года Ромулу ([1]), наконецъ Геллій ([2]) и Сервій ([3]).—Другіе писатели, какъ анналисты Лициній Мацеръ и Фенестелла, полагали, что въ Римѣ введенъ былъ съ самаго начала годъ, состоящій изъ 12 мѣсяцевъ ([4]). Десятимѣсячный годъ состоялъ, по словамъ Цензорина ([5]), изъ 304 дней. Рѣшить вопросъ о количествѣ мѣсяцевъ въ первоначальномъ римскомъ календарѣ трудно. Во всякомъ случаѣ годъ, совершенно не соотвѣтствующій астрономическому и потому долженствовавшій въ короткое время измѣнить естественное мѣсто лѣтнихъ и зимнихъ мѣсяцевъ, не могъ существовать въ дѣйствительности безъ частыхъ и радикальныхъ исправленій; но съ другой стороны продолжительный и далеко во времена республики идущій счетъ мѣсяцевъ съ марта, а не съ января, причемъ послѣдній мѣсяцъ, названный по счету, есть *Десятый* (December), очень частое заключеніе Римлянами мира на 10 мѣсяцевъ, десятимѣсячный кредитъ въ коммерческомъ отношеніи, равно какъ десятимѣсячный трауръ вдовъ по смерти мужа и тому подобныя учрежденія и обычаи ([6]), долго сохранявшіеся въ Римѣ, говорятъ въ пользу существованія въ древнѣйшее время именно десятимѣсячнаго года. Въ нашей задачѣ однако не лежитъ разъясненіе этого вопроса; и мы, отыскивая слѣды древнѣйшей римской письменности, имѣемъ тѣмъ больше права не останавливаться долѣе на немъ, что намъ представляется въ періодъ царей организованный календарь изъ 12 мѣсяцевъ, учрежденіе котораго приписывается Нумѣ.

Какъ видно изъ древнихъ писателей, римскій календарь, какой былъ оффиціально принятъ въ періодъ царей,

---

([1]) Ovid. Fast. 1, 27; III, 100 и 119.

([2]) Noct. Att. III, 16.

([3]) Ad Virg. Georg. 1, 43.

([4]) Cens. de die nat. 20, 2: Annum vertentem Romae Licinius quidem Macer et postea Fenestella statim ab initio duodecim mensum fuisse scripserunt.

([5]) Cens. 20, 3: Ili decem menses dies CCCIIII habebant. См. также Macrob Sat. I, 12, 3.

([6]) См. Mommsen. Römische Chronologie bis auf Caesar. Berl. 1858, p. 47.

и какой впослѣдствіи съ нѣкоторыми измѣненіями существовалъ до цезаревой реформы, не сразу установился прочнымъ образомъ. Макробій говоритъ, что календарь, основанный Нумой, составлялъ первоначально 354 дня и состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ ([1]). Это очевидно чисто мѣсячный годъ, соотвѣтствующій 12-ти обращеніямъ луны около земли ([2]). Онъ соотвѣтствуетъ древнѣйшему греческому году, который состоялъ изъ 6 мѣсяцевъ по 30 дней и изъ 6 мѣсяцевъ по 29 дней ([3]). По свидѣтельству Цензорина ([4]), Римляне, не любя парныхъ чиселъ, какъ не благопріятныхъ, составили мѣсячный годъ не изъ 354, а изъ 355 дней. Макробій также замѣчаетъ ([5]), что Нума принялъ сначала греческій годъ въ 354 дня, но вскорѣ перемѣнилъ его на годъ въ 355 дней, въ которомъ всѣ мѣсяцы слагались не изъ парныхъ чиселъ (4 изъ 31 дня и 7 изъ 29 дней), кромѣ одного февраля, который имѣлъ 28 дней и потому, какъ замѣчаетъ Цензоринъ ([6]), почитался несчастнѣе другихъ мѣсяцевъ ([7]). Но такъ какъ годъ, составленный изъ 355 дней, не соотвѣтствовалъ дѣйствитель-

---

([1]) Macrob. Sat. I, 13, 1: Numa... quinquaginta dies addidit, ut in trecentos quinquaginta quattuor dies, quibus duodecim lunae cursus confici credidit, annus extenderetur.

([2]) Cens. de die nat. 20, 4: Luna XII suis mensibus CCCLIIII dies videbatur explere. Macrob. I, 13, 1.

([3]) Macrob. ibidem. Cp. Mommsen, Römische Chronologie, p. 12.

([4]) Cens. 20, 4: Postea sive a Numa, ut ait Fulvius, sive ut Junius, a Tarquinio XII facti sunt menses et dies CCCLV, quamvis luna XII suis mensibus CCCLIIII dies videbatur explere; sed ut unus dies abundaret, aut per imprudentiam accidit, aut, quod magis credo, ea superstitione qua impar numerus plenus et magis faustus videbatur.

([5]) Sat. I, 13, 5: Paulo post Numa in honorem inparis numeri... unum adjecit diem, quem Januario dedit, ut tam in anno quam in mensibus singulis praeter unum Februarium inpar numerus servaretur.

([6]) Censor. 20, 5: Atque ita omnes menses pleni et impari dierum numero esse coeperunt, excepto Februario, qui solus cavus et ob hoc ceteris infaustior est habitus.

([7]) О вѣрѣ Римлянъ въ хорошее качество непарныхъ и въ дурное парныхъ чиселъ см. Fest. ed. Müll. p. 109; Virg. Ecl. 8, 75; Serv. ad Virg. Ecl. 8, 75; Plin. XVIII, 2, 23; Plut. Rom. 102; Solin. 1, 40.

ному солнечному году, который состоитъ, какъ извѣстно, изъ 365 дней 5 часовъ и 48′ 48″, то Римляне, принимая, что ихъ годъ изъ 355 дней меньше дѣйствительнаго на 11¼ дней, ввели вставочный мѣсяцъ, употребляя его черезъ каждые два года, одинъ разъ изъ 22 дней, другой разъ изъ 23 дней (1). Такъ продолжалось, говоритъ Цензоринъ, очень долго, пока не было замѣчено, что гражданскій годъ выходитъ нѣсколько больше солнечнаго. Исправленіе этой неточности, продолжаетъ Цензоринъ, поручено было понтификамъ (2).

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшей исторіей римскаго календаря,—она не входитъ въ планъ нашего изслѣдованія. Намъ нужно было показать, какъ составлялся римскій календарь, на какихъ онъ основывался астрономическихъ наблюденіяхъ, какъ онъ служилъ религіи и какъ онъ исправлялся въ древнѣйшую пору. Ходъ же всего этого дѣла намъ представляется такимъ, что онъ неизбѣжно требовалъ письменности. Ибо невозможно предположить, чтобы въ организованномъ государствѣ съ крѣпко организованной религіей распредѣленіе праздниковъ и иныхъ освященныхъ религіею дней на цѣлый годъ предоставлено было одной памяти, и чтобы для этого не употреблялась письменность, послѣ того какъ въ римскій культъ съ теченіемъ времени, особенно со времени Тарквиніевъ, когда существованіе письменности никѣмъ не подвергается сомнѣнію, постоянно входили новыя божества, которыя тоже требовали себѣ точно опредѣленнаго мѣста въ церковномъ календарѣ. Не возможно допустить наконецъ, чтобы астрономическія вычисленія, сопровождавшія регулированіе календаря, и учрежденіе вставочныхъ мѣсячныхъ, которое, по свидѣтельству Юнія Грак-

---

(1) Censor. 20, 6: Cum intercalarium mensem viginti duum vel viginti trium dierum alternis annis addi placuisset, ut civilis annus ad naturalem exaequaretur, in mense potissimum Februario inter terninalia et regifugium intercalatum est.

(2) Ibidem: Idque diu factum priusquam sentiretur annos civiles aliquanto naturalibus esse majores. Quod delictum ut corrigeretur, pontificibus datum negotium eorumque arbitrio intercalandi ratio permissa.

хана (¹), впервые произведено Сервіемъ Тулліемъ, могли обойтись безъ письма. Употребленіе письменности въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ веденіе календаря, было тѣмъ естественнѣе, что она здѣсь не требовалась даже и въ такихъ размѣрахъ, какъ при веденіи понтификами другихъ документовъ, каковы ихъ «Книги» и «Комментаріи», или «Лѣтопись», о которой мы сейчасъ поведемъ нашу рѣчь.

(¹) Macrob. Sat. I, 13, 20. См. также: M. Hertz, De Luciis Cinciis, adjecta est de M. Junio Gracchano disputatio. Berol. 1842. p. 100; Bröcker, Untersuchungen über die Glaubwürdigkeit der altrömischen Verfassungsgeschichte. Hamb. 1858, p. 157.

ГЛАВА V.

Жреческая лѣтопись (annales pontificum).

Восхожденіе жреческой лѣтописи по Цицерону къ самому началу римскаго государства и обзоръ свидѣтельствъ древнихъ писателей, относящихся къ этому вопросу. Вѣроятность записи важнѣйшихъ историческихъ событій въ періодъ царей. Неподлинность лѣтописи этого времени, обращавшейся въ римскомъ обществѣ въ концѣ республики. Несомнѣнность погибели подлинной древнѣйшей лѣтописи во время галльскаго пожара.

Мы приступаемъ теперь къ одному изъ важнѣйшихъ памятниковъ древнѣйшей римской письменности, происхожденіе котораго римскіе писатели относили къ самому первому времени римскаго государства, и исторія котораго доходитъ до послѣднихъ временъ республики: мы говоримъ о жреческой лѣтописи, называвшейся *Annales pontificum*, но еще болѣе извѣстной подъ позднѣйшимъ своимъ именемъ— *Annales Maximi*. Иногда писатели обозначаютъ эту лѣтопись и другими названіями, какъ то: *publici Annales* (¹), *prisci* или *veteres Annales* (²) и просто *Annales* (³). Вотъ что гласитъ о происхожденіи и способѣ составленія этой лѣтописи классическое мѣсто Цицерона (⁴): «Отъ начала римскаго государства вплоть до первосвященничества П. Му-

(¹) Diomed. ed Putsch. p. 480.

(²) Liv. IV. 7; IV, 20. Впрочемъ въ обоихъ этихъ случаяхъ нельзя утверждать, что дѣло идетъ *несомнѣнно* о жреческой лѣтописи.

(³) Varr. de L. L. V, 74. ed. Müll

(⁴) Cic. de Orat. II, 12, 52.

ція, римскій первосвященникъ (pontifex maximus) всѣ событія каждаго года предавалъ письму и, написавши ихъ на бѣлой doскѣ, выставлялъ эту доску у себя на дому для того, чтобы народъ имѣлъ возможность знакомиться съ этими событіями. Это и по нынѣ называется Великою Лѣтописью». Въ этихъ словахъ Цицеронъ указываетъ во первыхъ на время происхожденія лѣтописи, во вторыхъ на способъ составленія ея и въ третьихъ на время, когда веденіе такой лѣтописи было прекращено.

Самая важная сторона свидѣтельства Цицерона заключается для насъ въ томъ, что по нему начало жреческой лѣтописи восходитъ къ первому времени римскаго государства, что лѣтопись велась, какъ выражается Цицеронъ, ab initio rerum Romanarum. Какъ ни странно это утвержденіе Цицерона, но оно не стоитъ отдѣльно, а находитъ себѣ поддержку и въ другихъ свидѣтельствахъ. Писатель 4-го вѣка нашей эры Флавій Вопискъ въ жизнеописаніи императора Тацита говоритъ, что въ жреческой лѣтописи былъ записанъ фактъ наступленія междуцарствія по смерти Ромула (1). Изъ словъ этого писателя слѣдуетъ, что въ лѣтопись, которая, по словамъ Цицерона, состояла изъ записи современныхъ событій каждаго года, занесенъ былъ, какъ современный, фактъ междуцарствія, слѣдовавшаго за смертію Ромула. Варронъ приводитъ свидѣтельство жреческой лѣтописи, относящееся еще къ болѣе раннему времени, именно о посвященіи жертвенниковъ различнымъ богамъ царемъ Таціемъ (2). По словамъ Діонисія Галикарнасскаго, въ жреческой лѣтописи говорилось даже о годѣ основанія Рима (3).

(1) Fl. Vop. Vit. Tac. 1: Quod post excessum Romuli, novello adhuc Romanae urbis imperio, factum, pontifices, penes quos scribendae historiae potestas fuit, in litteras retulerunt, ut interregnum, dum post bonum principem bonus alius quaeritur, iniretur.

(2) Varr. de L. L. V, 74: Et arae Sabinum linguam olent, quae Tati regis voto sunt Romae dedicatae; nam ut Annales dicunt, vovit Opi, Florae, Vedio и пр. Совершенно произвольно нѣкоторые ученые, какъ напр. Швеглеръ (Röm. Gesch. I, p. 11) и Гуллеманъ (Disputatio critica de Annalibus Maximis, Amstel. 1855, p. 23) думаютъ, что Варронъ здѣсь имѣетъ въ виду анналистовъ, а не Annales Maximi.

(3) A. R. I, 74 (ed. Kiessling): *Οὐ γὰρ ἠξίουν ὡς Πολύβιος ὁ Μεγαλοπολίτης τοσοῦτον μόνον εἰπεῖν, ὅτι κατὰ τὸ δεύτερον ἔτος τῆς*

Всѣ эти свидѣтельства (мы не будемъ прибавлять къ нимъ того, что говорится въ пользу древности жреческой лѣтописи въ богатомъ вымыслами сочиненіи: De origine gentis Romanae) неоспоримо указываютъ на то, что въ жреческой лѣтописи повѣствованіе начиналось дѣйствительно отъ самыхъ первыхъ годовъ Рима; но это намъ не даетъ еще права думать, что лѣтопись эта велась еще при Ромулѣ. Этому противорѣчитъ уже одно то обстоятельство, что учрежденіе коллегіи понтификовъ, penes quos scribendae historiae potestas fuit, приписывается не Ромулу, а Нумѣ Помпилію (1). Можно полагать, что и самъ Цицеронъ, говоря, что лѣтопись ведетъ свое существованіе отъ начала римскаго государства, не думалъ тѣмъ самымъ отнести ея начало къ первому году Рима, но что онъ этими словами хотѣлъ вообще обозначить глубокую древность ея происхожденія, не указывая точно на самый моментъ этого происхожденія. Въ противномъ случаѣ это увѣреніе его стояло бы въ противорѣчіи съ его собственными свидѣтельствами о томъ, что институтъ понтификовъ, которые, по его мнѣнію, вели лѣтопись ab initio rerum Romanarum, учрежденъ именно Нумой (2), а не раньше.

ἑβδόμης ὀλυμπιάδος τὴν Ῥώμην ἐκτίσθαι πείθομαι, οὐδ' ἐπὶ τοῦ παρὰ τοῖς ἀρχιερεῦσι κειμένου πίνακος ἑνὸς καὶ μόνου τὴν πίστιν ἀβασάνιστον καταλιπεῖν. Швеглеръ (Röm. Gesch. I, 8), по мнѣнію котораго ни Ливій, ни Діонисій не пользовались жреческой лѣтописью, не согласенъ допустить здѣсь еще Нибуромъ принятое чтеніе *ἀρχιερεῦσι* и соглашается читать, какъ Сильбургъ и Рейске, *Ἀγχισεῦσι* отъ города *Ἀγγχίση*, котораго однако въ Италіи никто не знаетъ. Если не брать во вниманіе миѳологическаго города этого имени, о которомъ упоминаетъ Діонисій въ I, 73, то мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ можетъ, по мнѣнію Швеглера, служить къ исправленію текста упомина емый Діонисіемъ (1, 51), приморскій городъ въ Эпирѣ *Ἀγχίσος*, или у Прокопія (B. G. IV, 22) лежащій неподалеку отъ Никополиса Anchisus.

(1) Liv. 1, 20; IV, 4; Cic. de Rep. II, 14, 26; de Orat. III, 19, 73; Plut. Num. 9; Dion. A. R. II, 73; Flor. 1, 2, 2; Lact. I, 24, 4; Suid. *Νουμᾶς* и *Ποντίφιξ*.

(2) De Orat. III, 19, 73: Pontifices veteres... a Numa... instituti. De Rep. II, 14, 26: Idemque Pompilius... et sacris e principum numero pontifices quinque praefecit.

Къ какому же времени относится происхожденіе лѣтописи?

Положительныхъ фактовъ къ рѣшенію этого вопроса нѣтъ. Свидѣтельство Цицерона о происхожденіи лѣтописи указываетъ на самую отдаленную древность, но неопредѣленно. Не рѣшаетъ съ другой стороны этого вопроса и свидѣтельство Сервія, судя по которому, можно отнести происхожденіе лѣтописи, по видимому, уже къ республиканскому времени, такъ какъ, обозначая способъ составленія ея, Сервій имѣетъ въ виду исключительно время республики. Объясняя мѣсто Виргилія, гдѣ Эней говоритъ о своихъ «annales laborum», Сервій дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Лѣтопись составлялась слѣдующимъ образомъ: у верховнаго понтифика (у насъ принято переводить выраженіе pontifex maximus словомъ первосвященникъ) каждый годъ была въ рукахъ выбѣленная доска, на которой онъ, обозначивши впереди всего имена консуловъ и другихъ должностныхъ лицъ, обыкновенно отмѣчалъ достойныя памяти событія, происшедшія въ мирное и въ военное время, на сушѣ и на морѣ. Составленныя съ такимъ стараніемъ ежегодныя записки (commentarii) древніе собрали въ восемьдесятъ книгъ, и по происхожденію ихъ отъ верховныхъ понтификовъ назвали «Великою Лѣтописью» (¹). Сервій, какъ видитъ читатель, имѣетъ въ виду способъ составленія лѣтописи уже въ то время, когда годы обозначались именами консуловъ, т. е. время республики, совершенно не упоминая о томъ, какъ велась лѣтопись во время царей и, слѣдовательно, какъ бы отрицая косвенно самое существованіе ея въ этотъ періодъ. Но мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ другихъ древнихъ писателей, которыя, по видимому, отнимаютъ у насъ всякое сомнѣніе на счетъ того, что въ лѣтописи, въ которой такъ внимательно записывались *современныя* событія, находились также и событія времени царей. Такимъ образомъ, кромѣ приведенныхъ свидѣтельствъ Фл. Вописка, Варрона и Діонисія Галикарнасскаго, относящихся ко времени, предшествовавшему учрежденію коллегіи понтификовъ, и, слѣдовательно, не имѣющихъ въ этомъ случаѣ значенія, мы можемъ привести, во первыхъ ссылку Діонисія на «ежегодныя за-

---

(¹) Ad Virg. Aen. 1, 373.

писи», относящуюся ко времени Сервія Туллія, откуда онъ заимствуетъ извѣстіе, что внукъ Тарквинія древняго Арунтъ умеръ на сороковомъ году правленія Сервія Туллія (¹). Что эти «ежегодныя записи» суть не что иное, какъ Annales pontificum или Maximi, это допустить тѣмъ легче, что способъ редакціи послѣднихъ, указываемый Цицерономъ и Сервіемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что̀ Діонисій называетъ «ежегодными записями». Равнымъ образомъ мы можемъ указать на ссылку Цицерона, относящуюся къ publici annales времени Нумы, изъ которыхъ онъ не могъ усмотрѣть, былъ ли Нума ученикомъ Пиѳагора (²). Что publici annales—тоже, что̀ Annales Maximi или Annales pontificum, это можно видѣть изъ опредѣленія выраженія publici annales Діомедомъ (³). Діонисій Галикарнасскій ссылается по поводу разсказа о чудесномъ рожденіи Сервія Туллія на *ἐπιχώριοι ἀναγραφαί*, изъ которыхъ разсказъ объ этомъ вошелъ въ сочиненія многихъ римскихъ историковъ (⁴). Выраженіе *ἐπιχώριοι ἀναγραφαί* означаетъ вообще туземныя, мѣстныя лѣтописи, и хотя есть основаніе думать, что это неопредѣленное выраженіе употреблено Діонисіемъ вмѣсто употребляемаго Римлянами Annales Maximi, и хотя въ этомъ даже вполнѣ убѣжденъ Леклеркъ (⁵), съ большою щедростью присвоивавшій жреческой лѣтописи многое, что̀ ей не принадлежитъ; мы все таки не можемъ настаивать на причисленіи этого свидѣтельства къ разряду двухъ вышеприведенныхъ. Далѣе, очень можетъ быть, что разсказъ Цицерона объ авгурѣ Аттѣ Навіѣ (въ царствованіе Тарквинія Древняго), при чемъ употребляется ссылка просто на *annales*,

(¹) Dion. IV, 30: *Ἐν γὰρ ταῖς ἐνιαυσίοις ἀναγραφαῖς κατὰ τὸν τεσσαρακοστὸν ἐνιαυτὸν τῆς Τυλλίου ἀρχῆς τὸν Ἀρροῦντα τετελευτηκότα παρειλήφαμεν.*

(²) De Rep. II, 15, 28: Neque vero satis id annalium publicorum auctoritate declaratum videmus.

(³) Dion. IV, 2: *Φέρεται δέ τις ἐν ταῖς ἐπιχωρίοις αναγραφαῖς ἕτερος ὑπὲρ τῆς γενέσεως αὐτοῦ λόγος... ὃν ἐν πολλαῖς Ῥωμαϊκαῖς ἱστορίαις εὕρομεν.*

(⁵) Des journaux chèz les Romains. Paris 1838, p. 348.

беретъ свое начало тоже изъ жреческой лѣтописи (1). Ничто не мѣшаетъ намъ равнымъ образомъ полагать, что ссылка Флора на *annales*, которыми онъ доказываетъ подлинность геройскихъ подвиговъ, оказанныхъ въ войнѣ съ Порсеной, вслѣдъ за изгнаніемъ царей, Гораціемъ Коклетомъ, Муціемъ Сцеволой и дѣвицей Клеліей (2), относится тоже къ жреческой лѣтописи. Наконецъ, Діонисій Галикарнасскій, приступая къ исторіи Рима, замѣчаетъ, что Римляне не имѣютъ древнихъ историковъ, но что писавшіе объ этихъ отдаленныхъ временахъ въ позднѣйшее время заимствовали свѣденія изъ древнихъ сказаній, сохранившихся на священныхъ доскахъ (3). Странно, что нѣкоторые ученые, какъ напр. Беккеръ (4) и Швеглеръ (5), допускаютъ сомнѣніе въ томъ, что Діонисій подъ *ἱεραὶ δέλτοι* разумѣемъ Annales Maximi, другими словами tabulae dealbatae, на которыхъ, по свидѣтельству древнихъ (6), писалась жреческая лѣтопись. По смыслу всего мѣста Діонисія нѣтъ возможности предполагать, чтобы здѣсь рѣчь шла о какихъ нибудь другихъ памятникахъ письменности. Всѣ приведенныя мѣста доказываютъ, что въ позднѣйшее время были извѣстны публикѣ *Annales*, относящіеся ко времени царей, какъ и ко времени республики. Принявши теперь во вниманіе свидѣтельство Цицерона, мы невольно приходимъ къ заключенію, что жреческая лѣтопись, обращавшаяся въ публикѣ въ его время,

---

(1) Cic. de Div. 1, 17, 32 и слѣд. Доказывая подлинность того, что авгуръ Аттъ Навій разрѣзалъ бритвой оселокъ, Цицеронъ иронически обращается къ тѣмъ, которые не хотятъ вѣрить этому, съ словами: negemus omnia, comburamus Annales, ficta haec esse dicamus!

(2) Flor. 1. 10: Tunc illa prodigia atque miracula, Horatius, Mucius, Cloelia: quae nisi in Annalibus forent, hodie fabulae viderentur.

(3) Dion. 1, 73: *Παλαιὸς μὲν οὖν οὔτε συγγραφεὺς οὔτε λογογράφος ἐστὶ Ῥωμαίων οὐδὲ εἷς. ἐκ παλαιῶν μέντοι λόγων ἐν ἱεραῖς δέλτοις σωζομένων ἕκαστός τι παραλαβὼν ἀνέγραψεν.*

(4) Handbuch der Röm. Alterthümer. I. p. 5, прим. 1.

(5) Röm. Gesch. I, p. 8, прим. 4.

(6) Serv. ad Virg. Aen. 1, 373; Cic. de Orat. II, 12, 52; Macrob. Sat. III, 2, 17.

вела свое начало дѣйствительно отъ перваго времени римскаго государства: свидѣтельства древнихъ писателей не оставляютъ въ насъ по этому дѣлу никакого сомнѣнія. Это была, конечно, та лѣтопись, которая, по словамъ Сервія (1), составила сборникъ въ восемьдесятъ книгъ. Но дѣло въ томъ, что находившаяся въ этомъ сборникѣ лѣтопись царей, равно какъ и лѣтопись перваго времени республики, была поддѣльная. Послѣ долгаго обсужденія дѣла и мы пришли къ тому же мнѣнію, которое въ первые было высказано во французской Академіи Надписей и изящной словесности въ 1729 г. академикомъ *Пульи* (2), съ большимъ талантомъ развито Бофоромъ (3), принято Нибуромъ (4) и повторено многими другими изслѣдователями.

Что обычай записывать важныя событія своего времени начался у Римлянъ въ самую раннюю пору, въ этомъ не возможно сомнѣваться. Такой обычай существовалъ и у многихъ другихъ народовъ еще при очень низкой степени культуры, какъ напр. въ средніе вѣка на западѣ, или какъ у насъ въ Россіи, гдѣ начало записей современныхъ событій нужно отнести во всякомъ случаѣ ко времени, предшествовавшему лѣтописи Нестора, литературное достоинство которой смѣло ручается за такое предположеніе. Съ другой стороны самый способъ составленія въ Римѣ лѣтописи и то обстоятельство, что веденіе ея предоставлено было духовному лицу, наводитъ тоже естественно на мысль о древнѣйшемъ началѣ такого бытописанія. Мы далеки отъ мысли возводить эту литературную древность къ баснословнымъ временамъ, какъ поступилъ Христофоръ Саксъ, приписывавшій состав-

---

(1) Serv. Ibid.

(2) См. его Dissertation sur l' incertitude des quatre premiers siécles de Rome въ Memoires de litterature tiréz de registres de l' Academie Royale des Inscriptions et belles lettres 1729, VI, p. 20. Де Пульи говоритъ: Ne soyons point surpris que ces Annales fussent des tissus de finctions; elles estoient un ouvrage supposé.

(3) Dissertation sur l' incertitude des cinq premiers siècles de l' histoire Romaine. Utrecht, 1738, p. 54.

(4) Röm. Gesch. p. 142 изданія 1853 въ одной книгѣ.

леніе лѣтописи самому Энею ([1]). Но что такой обычай завелся въ Римѣ со времени первыхъ римскихъ царей, этому ничто не противорѣчитъ. Верховный понтификъ бралъ выбѣленную деревянную доску и записывалъ на ней въ немногихъ словахъ, «не мудрствуя лукаво», или какъ выражается Цицеронъ, sine ullis ornamentis, то, чтó по его понятіямъ было достойно вниманія. Предметомъ его записи служили важныя политическія событія, какъ то начало и исходъ войны, вступленіе на престолъ и смерть царя, и особенно разныя чудеса, поразительныя явленія природы, какъ затмѣніе солнца и луны, далѣе, необыкновенная дороговизна съѣстныхъ припасовъ, явленія большой смертности и т. п. ([2]). Что тѣ чудеса, какія высчитываетъ Т. Ливій обыкновенно въ концѣ года и какія онъ заимствовалъ у старинныхъ анналистовъ, ведутъ свое происхожденіе отъ жреческой лѣтописи, мы также мало сомнѣваемся въ этомъ, какъ и Леклеркъ, который говоритъ: «Je ne doute pas qu'il (Tite-Live) ne doive, si non aux Annales mêmes, du moins à ceux qui écrivirent d'apres les Annales, ces longs catalogues de visions célestes, de monstres, d'animaux parlants; de fleuves ensanglantés, de voix inconnues qui retentissent, des statues qui pleurent; tous ces miracles, toutes ces prophéties, qu'il mêle sans cesse aux véritables merveilles de la grandeur romaine» и пр. ([3]). Такого рода содержаніе жреческой лѣтописи, сохранившееся до послѣднихъ временъ ея, не внушало къ чтенію ея большой охоты у римскихъ писателей ([4]). Такимъ образомъ, первобытный способъ писанія на бѣлой доскѣ, необыкновенная простота содержанія и крайнее суевѣріе—все это какъ нельзя болѣе согласно съ мы-

---

([1]) Miscellanea Lipsiensia nova. 1744, II, p. 417.

([2]) Cato apud Gell. II, 28: Non lubet scribere quod in tabula apud pontificem maximum est, quotiens annona cara, quotiens lunae aut solis lumini caligo aut quid obstiterit.

([3]) Des journaux chéz les Romains, p. 25.

([4]) Cic. de Leg. I, 2, 6: Annales pontificum, quibus nihil potest esse ejunius (ed. Baiter и Kayser 1865: injucundius). Чтеніе jucundius нельзя принимать иначе, какъ въ ироническомъ смыслѣ, а по контексту не видно никакой ироніи. Quint. X, 2, 7.

слію, что такого рода историческія записи могли возникнуть въ самое древнее время и, какъ мы убѣждены въ этомъ, существовали еще при царяхъ. Но дѣло въ томъ, что ни Цицеронъ, ни Геллій, ни Діонисій, не говоря о Ливіѣ, который вовсе не заботился о знакомствѣ съ древнѣйшими памятниками, ни другіе писатели временъ республики и имперіи не видали подлинныхъ записей не только времени царей, но и перваго времени республики. Они видѣли жреческую лѣтопись древнѣйшаго времени не на бѣлыхъ доскахъ, а въ литературномъ сборникѣ, составлявшемъ 80 книгъ, о которыхъ говоритъ Сервій (¹), и одинадцатую книгу котораго цитуетъ Геллій (²). Что эта, переписанная въ книги, лѣтопись начиналась съ самаго перваго времени Рима, это мы видѣли, какъ изъ свидѣтельства Цицерона, ведущаго ее ab initio rerum Romanarum, такъ и изъ свидѣтельствъ Флавія Вописка, Варрона и Діонисія Галикарнасскаго, ссылающихся на нее въ повѣствованіи о событіяхъ времени царей. Но повторяемъ, это не могла быть подлинная лѣтопись, или списокъ съ подлинной. Это была лѣтопись, составленная послѣ.

Первымъ доказательствомъ неподлинности этой лѣтописи служитъ уже то, что въ ней говорилось о времени, когда еще не было коллегіи понтификовъ, главою которой, по общему согласію всѣхъ писателей, лѣтопись велась отъ начала до конца. Коллегія понтификовъ была, какъ мы знаемъ, учреждена Нумой; а такъ какъ въ лѣтописи находилось повѣствованіе о временахъ Ромула и междуцарствія (³), судя же по словамъ Аврелія Виктора (⁴) въ ней шла рѣчь даже и о временахъ доримскихъ, то естественно, что лѣтопись временъ доримскихъ, Ромула, междуцарствія и вообще предшествующаго учрежденію коллегіи понтификовъ времени составлена впослѣдствіи. А судя по тому, что̀ приводитъ Геллій изъ 11-й книги лѣтописи, въ которой, по

(¹) Ad Virg. Aen. 1, 373: Cujus diligentiae annuos commentarios in octoginta libros veteres rettulerunt, eosque a pontificibus maximis, a quibus fiebant, Annales Maximos appellarunt.

(²) Gell. IV, 5.

(³) Varr. de L. L. V, 74; Dion. I, 74; Flav. Vop. Vit. Tac. 1.

(⁴) De Orig. gent. Rom. 17, 5; 18, 3.

возможному разсчету (80 книгъ приходится на шесть съ небольшимъ столѣтій), должна была итти рѣчь о времени республики, не очень далекомъ отъ времени царей, то слѣдуетъ думать, что не только лѣтопись времени царей, но и перваго времени республики была составлена также впослѣдствіи. Именно Геллій приводитъ изъ ней шестистопный ямбическій стихъ, который будто бы распѣвали на улицѣ мальчишки послѣ того, какъ были казнены этрусскіе гадатели, давшіе коварный совѣтъ относительно постановки пораженной молніею статуи Горація Котлета, извѣстнаго защитника Рима отъ Порсены. Стихъ этотъ слѣдующій:

Malum consilium consultori pessimum est.

Стихъ этотъ, какъ еще замѣтилъ самъ Геллій, есть не что иное, какъ переводъ Гезіодова (Op. et·d. 264):

Ἡ δὲ κακὴ βουλὴ τῷ βουλεύσαντι κακίστη.

Употребленіе вмѣсто сатурническаго стиха гладкаго ямбическаго, появившагося въ Римѣ не раньше 6-го столѣтія отъ основанія города, когда уже лѣтопись оканчивала свое существованіе, популяризація греческой поэзіи—все это ясно указываетъ на то, что лѣтопись первыхъ временъ республики, цитуемая Гелліемъ, не имѣла ничего общаго съ подлинной лѣтописью, въ которой не могло быть ничего подобнаго. Къ этимъ внутреннимъ основаніямъ неподлинности лѣтописи, которую имѣютъ въ виду Цицеронъ, Геллій, Сервій и др., присоединяется одно чрезвычайно важное обстоятельство, указанное въ первый разъ Нибуромъ (1) на основаніи одного мѣста въ Цицероновой Республикѣ, обстоятельство доказывающее неоспоримо, что въ цвѣтущее время римской литературы не существовало подлинной жреческой лѣтописи, по крайней мѣрѣ на первыя 350 лѣтъ по основаніи Рима. Именно, Цицеронъ (2) говоритъ, что въ

(1) Römische Geschichte, p. 142 изданія 1853 г. въ одной книгѣ.

(2) Cic. de Rep. I, 16: Id autem postea ne nostrum quidem Ennium fugit, qui ut scribit, anno trecentesimo quinquagesimo fere post Romam conditam

Nonis Junis soli luna obstitit et nox

atque hac in re tanta inest ratio atque sollertia, ut ex hoc die, quem apud Ennium et in maximis annalibus consignatum videmus, superiores solis defectiones reputatae sint usque ad illam, quae Nonis Quinctilibus fuit regnante Romulo.

350 г. отъ о. Р., какъ написано у Эннія и въ жреческой лѣтописи, было затемненіе солнца луной, отъ котораго впослѣдствіи были астрономически вычислены всѣ предыдущія затмѣнія вплоть до того, во время котораго Ромулъ въ іюльскія Ноны взятъ былъ къ богамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что если нужно было вычислять солнечныя затмѣнія отъ одного извѣстнаго пункта, то значитъ, что они или не были записаны въ лѣтописи, или эта лѣтопись была потеряна. Но такъ какъ намъ извѣстно, что солнечныя и лунныя затмѣнія и подобнаго рода замѣчательныя явленія природы были очень важной статьей въ жреческой лѣтописи, то, слѣдовательно, высчитывать ихъ астрономическимъ путемъ пришлось потому, что лѣтопись была потеряна; а если она была потеряна, то явившаяся впослѣдствіи лѣтопись времени царей и перваго столѣтія республики естественно должна оказаться подложною. Но какимъ образомъ лѣтопись была потеряна?

Раскрываемъ 6-ю книгу Ливія и въ самомъ началѣ ея читаемъ: «Въ пяти книгахъ я разсказалъ, какія отъ основанія города Рима до его завоеванія (Галлами) Римляне вели внѣшнія войны и какія у нихъ были внутреннія возмущенія, сначала подъ управленіемъ царей, потомъ консуловъ и диктаторовъ, децемвировъ и трибуновъ съ консульскою властью: событія темныя и, такъ сказать, едва усматриваемыя на далекомъ разстояніи, какъ по чрезвычайной древности, такъ съ одной стороны потому, что мало въ тѣ времена употреблялась письменность, единственная вѣрная хранительница воспоминаній о минувшихъ событіяхъ, а съ другой стороны и потому, что даже и то, что́ заключалось въ комментаріяхъ понтификовъ и въ другихъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ памятникахъ письменности, большею частію погибло вслѣдствіе истребленія Рима пожаромъ» (¹). Свидѣтельство Ливія дополняетъ Плутархъ въ жизнеописаніи Нумы такимъ образомъ: «Нѣкто Клодій (анналистъ Clodius Licinus) въ Хронологическомъ указателѣ — такъ озаглавливается его книга—утверждаетъ, что эти древнія сочиненія (о происхожденіи Нумы) погибли во время

(¹) Liv. VI, 1.

разоренія Рима Галлами» ([1]). Именно въ обстоятельствѣ, на которое указываютъ Ливій и Плутархъ, т. е. въ истребленіи Рима пожаромъ во время галльскаго нашествія въ 365 г. отъ о. Р., и лежитъ причина потери подлинной жреческой лѣтописи древнѣйшаго времени, которая вмѣстѣ съ другими памятниками письменности погибла отъ огня или руки непріятеля. Еще раньше мы замѣчали ([2]), что слова Ливія—*quae in commentariis pontificum* не могутъ относиться къ собственно такъ называемымъ *комментаріямъ понтификовъ*, которые, какъ мы сказали, были памятниками церковно-гражданско-юридическаго значенія, и что слово *commentarii* Ливій употребилъ или вообще относительно всѣхъ сочиненій понтификовъ, или спеціально относительно жреческой лѣтописи, какъ о самомъ важномъ памятникѣ для историка. Мы высказались такъ потому, что потеря церковно-гражданско-юридическихъ памятниковъ не могла лежать ближе къ сердцу Ливія, чѣмъ потеря памятника чисто историческаго, и что, какъ это понятно само собой, Ливій употребилъ не точное выраженіе. Относительно основательности свидѣтельствъ, по которымъ лѣтопись должна была сгорѣть во время галльскаго пожара, нѣтъ никакихъ поводовъ сомнѣваться, если взять во вниманіе, что деревянныя доски, на которыхъ была писана лѣтопись, не могли уцѣлѣть отъ пламени, охватившаго—*Регію*, въ которой жилъ верховный понтификъ и гдѣ хранились эти деревянныя доски, накопившіяся къ этому времени, какъ можно думать, уже не въ маломъ количествѣ. Это послѣднее обстоятельство могло съ своей стороны послужить причиной, по которой лѣтопись не могла быть ни зарыта въ бочкахъ въ ближайшей къ дому Квиринскаго Фламина часовнѣ, вмѣстѣ съ многими священными предметами, ни отвезена на сохраненіе въ Цере, не представляя собой въ тоже время предмета столь же священнаго, какъ различныя богослужебныя вещи и церковныя книги, о сохраненіи которыхъ духовенство должно было всего болѣе заботиться.

По очищеніи Рима Галлами, избранные шесть военныхъ трибуновъ съ консульскою властью, говоритъ Ливій ([3]),

---

([1]) Plut. Num. 1.

([2]) Глава IV стр. 82.

([3]) Liv. VI, 1.

принялись за отыскиванie, возстановленie и изданie государственныхъ документовъ. Такимъ образомъ изданы были прежде всего союзные договоры и законы, какъ XII таблицъ, такъ и нѣкоторые царскie законы. Книги, относившiяся къ религiи, продолжаетъ Ливiй, были скрыты понтификами съ цѣлiю держать въ большей зависимости отъ себя суевѣрную толпу. О возстановленiи лѣтописи Ливiй не говоритъ ни слова. Мы не знаемъ, какъ скоро принялись понтифики за это дѣло; но какъ бы то ни было, а лѣтопись была впослѣдствiи возстановлена и при томъ съ прибавленiемъ разсказовъ, которыхъ не было въ прежней лѣтописи, какъ напр. о времени Ромула и вѣроятно даже о времени албанскихъ царей. Беккеръ (1) думаетъ, что галльскимъ пожаромъ не ограничилось истребленie лѣтописи, что она могла сгорѣть и въ 512 г. по о. Р., когда храмъ Весты подвергся пожару, и 32 года спустя, когда снова сгорѣла Регiя, домъ верховнаго понтифика; наконецъ она могла сгорѣть и въ 605 г. во время пожара, случившагося уже при верховномъ понтификѣ—Муцiѣ, временемъ котораго Цицеронъ, какъ мы видѣли, заключаетъ составленie жреческой лѣтописи. Горѣла ли дѣйствительно въ эти послѣднie пожары лѣтопись, мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнiю, что во время Цицерона жреческая лѣтопись, трактовавшая о времени царей, не была подлинною.

---

(1) Handbuch der Röm. Alterthüm., I, 9.

ГЛАВА VI.

Гимны братьевъ Арвальскихъ (Carmina Fratrum Arvalium) и жрецовъ Саліевъ (Carmina Saliaria).

Важность для нашего изслѣдованія сохранившагося до насъ гимна братьевъ Арвальскихъ и отрывковъ пѣснопѣній жрецовъ Саліевъ. Древность учрежденія коллегіи братьевъ Арвальскихъ. Сохранившіеся протоколы ихъ засѣданій и ихъ важность для ознакомленія съ этой коллегіей. Культъ, которому были посвящены братья Арвальскіе и празднества въ честь Deae Diae. Гимнъ братьевъ Арвальскихъ и его необыкновенная древность. Объясненіе этого гимна.— Дрѣвность коллегіи жрецовъ Саліевъ и ея характеръ въ Римѣ. Празднества Саліевъ въ честь Марса и другихъ боговъ. Пѣснопѣнія Саліевъ и сохранившіеся отрывки. Объясненіе этихъ послѣднихъ. Разсѣянныя у писателей слова изъ пѣснопѣній Саліевъ.

Послѣ всего того, что сказано нами о римской письменности въ періодъ царей, въ особенности послѣ того, что сказано нами о развитіи духовной письменности въ «Книгахъ» и «Комментаріяхъ» понтификовъ, мы приступаемъ къ настоящей главѣ съ удовольствіемъ, понятнымъ не всякому. Въ дошедшемъ до насъ гимнѣ братьевъ Арвальскихъ и отрывкахъ пѣснопѣній жрецовъ Саліевъ мы обладаемъ документами, безъ которыхъ высказанное нами о духовной римской письменности въ періодъ царей могло бы показаться многимъ не болѣе, какъ пустословіемъ, но которые не только, какъ очевидные свидѣтели, показываютъ, что духовная письменность въ Римѣ существовала въ самую древнюю пору римскаго государства, но и знакомятъ насъ съ тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ говорила эта древнѣйшая письменность.

Съ незапатятныхъ временъ въ Римѣ въ ряду исполнителей римскаго культа существовало духовное общество или

братство, спеціальною обязанностью котораго было служить богамъ плодородія и которое по этому носило названіе: Fratres Arvales ([1]). Братство это, по всей вѣроятности, какъ и общество Саліевъ, относится по своему происхожденію къ отдаленнымъ временамъ Лаціума, предшествовавшимъ основанію Рима, гдѣ оно, по преданію, является въ числѣ двѣнадцати человѣкъ уже во времена Ромула, который, присоединившись къ одиннадцати сыновьямъ своей кормилицы Акки Лавренціи, сдѣлался самъ его членомъ ([2]). Съ тѣхъ поръ братство это существовало до далекихъ временъ имперіи, какъ видно изъ его актовъ (сохранившихся на камняхъ), собранныхъ и объясненныхъ въ прошломъ столѣтіи ученымъ и трудолюбивымъ итальянцемъ Марини въ книгѣ подъ заглавіемъ: Gli Atti e monumenti de' fratelli Arvali. Roma, 1795.

Изъ этихъ актовъ или протоколовъ засѣданій братства, которые дошли до насъ отъ временъ имперіи въ числѣ 70 ([3]), можно составить себѣ очень полное и опредѣленное понятіе о составѣ этой духовной корпораціи, ея обязанностяхъ, религіозныхъ обрядахъ и церемоніяхъ, которыя совершало братство Арвальцевъ, и вообще обо всемъ томъ, что относилось къ дѣятельности этого братства. Работа эта сдѣлана самымъ удовлетворительнымъ образомъ еще самимъ Марини, на основаніи изслѣдованій котораго составленъ очеркъ брат-

---

([1]) Varr. de L. L. V, 85: Fratres Arvales dicti sunt, qui sacra publica faciunt propterea ut fruges ferant arva, a ferendo et arvis fratres arvales dicti.

([2]) Plin. N. H. XVIII, 2, 6: Arvorum sacerdotes Romulus in primis instituit seque duodecimum fratrem appellavit inter illos Acca Laurentia nutrice sua genitos. Gell. VI 7: Sabinus Massurius in primo Memorabilium secutus quosdam historiae scriptores Accam Larentiam Romuli nutricem esse dicit. «Ea, inquit, mulier ex duodecim filiis maribus unum morte amisit, in illius locum Romulus Accae Larentiae sese filium dedit, seque et ceteros ejus filios fratres arvales appellavit». Fulg. 9, ed. Lersch., p. X.

([3]) У Марини собрано 67 протоколовъ; два отрывка (одинъ по гречески) напечатаны Моммзеномъ въ Berichte der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft 1850 p. 221, и одинъ протоколъ у Росси въ Bulletino di acheologia cristiana 1866 № 4, p. 58. Кромѣ того у Моммзена въ Inscriptiones regni Neapolitani latinae № 2544 напечатано нѣсколько буквъ,

ства Арвальцевъ Клаузеномъ (¹), послѣ котораго занимался тѣмъ же дѣломъ Марквардтъ (²). Не считая нужнымъ повторять то, что должно быть хорошо извѣстно занимающимся римской древностью и что, будучи основано на подлинныхъ документахъ, не возбуждаетъ никакихъ споровъ, мы ограничимся по этому поводу лишь немногими словами.

Во главѣ этого братства, какъ видно изъ сохранившихся протоколовъ его, стоялъ начальникъ его, носившій имя *magister*, который ежегодно избирался братьями, вступалъ въ должность во время Сатурналій 17 декабря и оставался въ ней до Сатурналій слѣдующаго года (³). Этотъ magister и созывалъ, когда это было нужно, братьевъ въ засѣданіе (⁴). Въ случаѣ какихъ либо препятствій къ исправленію должности для магистра, вмѣсто него отправлялъ ее *promagister* (⁵). Вмѣстѣ съ магистромъ избирался на одинъ годъ и фламинъ (Flamen) (⁶); въ случаѣ, если этотъ послѣдній не могъ участвовать при жертвоприношеніи, отправлялъ эту должность *proflamen* (⁷). Кромѣ членовъ коллегіи, къ ней

изъ которыхъ можно усмотрѣть, что отрывокъ этотъ принадлежалъ къ протоколу братьевъ Арвальскихъ.

(¹) De carmine Fratrum Arvalium. Bonnae 1836.

(²) Handbuch der Römisch. Alterthümer, IV, p. 407 и слѣд.

(³) Марини, таб. XXXII 2-й столбецъ (въ концѣ): Petronium Priscum ex Saturnalibus primis in Saturnalia secunda Mag. fecerunt et Flavium Sulpicianum Flaminem (nominaverunt). Это было въ правленіе М. Аврелія Коммода Антонина, въ консульство М. Гереннія Секунда и М. Эгнація Постума за 14 дней до іюньскихъ календъ, какъ значится въ той же самой таблицѣ. Въ таб. XXXII (въ серединѣ) говорится: C. Catelium Modestinum ex Sat(urnalibus primis in Saturnalia se)cunda Mag(istrum) annuum fecerunt et Cl. Modestum Flaminem nominaverunt. См. также таб. XXXV и др.

(⁴) Таб. IV: (Taurus Sta)tilius Corvinus Magister Fratrum (Arvalium ac permissu) consulum collegas convocavit (ad vota sus)cipienda pro salute Ti(berii) Caesaris.

(⁵) Таб. XXXIX: Promagister vice Magistri. См. также таб. V, VIII, XIII, XXXIV, XXXV и др. См. кромѣ того Марини Osservazioni p. 54.

(⁶) См. вышеприведенную выписку изъ таб. XXXII и XXXVI.

(⁷) Таб. XXVII, XXXV. Считаемъ нужнымъ при этомъ случаѣ замѣтить читателю, что онъ не долженъ полагаться на вѣрность ссылокъ у Марквардта. Мы нашли въ нихъ очень много невѣрнаго.

принадлежали, какъ служители при богослуженіи, очень часто упоминаемые отроки (pueri), принадлежавшіе къ лучшимъ фамиліямъ и имѣвшіе въ живыхъ отца и мать (patrimi et matrimi) (¹). Упоминаются также, какъ низшіе служители: *aedituus* (²), соотвѣтствующій нашему церковному старостѣ, наблюдатель за порядкомъ въ святилищахъ, *calatores* (³), служители при братьяхъ арвальскихъ, *publici* (servi) (⁴), рабы принадлежащіе коллегіи, *scriba* (⁵), письмоводитель коллегіи, и *commentariensis* (⁶), вѣроятно тотъ же самый *scriba*.

Таковъ былъ персоналъ коллегіи братьевъ Арвальскихъ во время имперіи. Былъ ли онъ такимъ въ періодъ царей, мы не имѣемъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса; но мы въ правѣ замѣтить, что стойкость формъ, свойственная религіознымъ учрежденіямъ вообще, ручается за древность того состава коллегіи братьевъ Арвальскихъ, который мы обозначили. Къ сказанному о составѣ этой коллегіи нужно прибавить, что званіе члена коллегіи, разъ полученное, не отнималось у него ни въ какомъ случаѣ до самой смерти, даже и тогда, когда членъ этой коллегіи былъ сосланъ въ ссылку за политическое или уголовное преступленіе, или взятъ въ плѣнъ (⁷). Въ случаѣ смерти одного изъ членовъ, на мѣсто его поступалъ новый посредствомъ выбора (coop-

---

(¹) Таб. XXIII: ministrantibus pueris ingenuis patrimis et matrimis senatorum filiis. Въ таблицѣ XXXII во 2-мъ столбцѣ обозначаются даже имена отроковъ, числомъ 4: ministrantibus pueris patrimis et matrimis senatorum filiis: Acilio Aviola et Acilio Severo et M. Ulpio Boetho et Claudio Sulpiciano. См. также таб. XXIV столб. 2-й; XXVI, XXVII, XL, XLI[a], XLI[b] и др.

(²) Таб. XXIV, столб. 2-й.

(³) Таб. XXIII, XXIV столб. 2-й, XXXII и др. См. также Osservazioni, p. 209.

(⁴) Таб. XXIII, XXXII и др.

(⁵) Таб. LXIV: scriba collegii Arval(ium) и др.

(⁶) Таб. XLII, XXXVIII. См. также у Марини Osservazioni, p. 498.

(⁷) Pl. N. H. XVIII 2, 6: Honos is non nisi vita finitur et exsules etiam captosque comitatur.

tatio) коллегіею ([1]). Этому предшествовало обыкновенно торжественное воззваніе магистра коллегіи (precatio cooptationis) ([2]), который съ религіознымъ обрядомъ и совершалъ коопташю ([3]). Почетнымъ знакомъ этой коллегіи былъ вѣнокъ изъ колосьевъ (corona spicea) и бѣлая повязка (vitta alba, alba infula) ([4]). Какъ выборъ членовъ посредствомъ кооптаціи, такъ и эти почетные знаки, по существу дѣла нужно считать относящимися по своему происхожденію ко времени основанія коллегіи.

Какъ самое названіе братьевъ Арвальскихъ (отъ arvum), такъ и вѣнокъ изъ колосьевъ, которымъ они украшали себя въ торжественныхъ случаяхъ, показываютъ ясно уже сами собой то назначеніе, для какого была первоначально образована эта духовная коллегія; именно, по выраженію Варрона ([5]), братья Арвальскіе назначены были sacra publica facere, ut fruges ferant arva. Согласно съ этимъ и первоначальный культъ, котораго эта коллегія была представительницей въ римской церковной организаціи, сохранилъ для нихъ все свое значеніе до конца существованія коллегіи, хотя впослѣдствіи къ обязанностямъ братьевъ Арвальскихъ были присоединены нѣкоторыя другія, совершенно чуждыя назначенію коллегіи, какъ напр. молитвы за здоровье римскихъ императоровъ ([6]), молитвы по случаю дня рожденія императора или кого нибудь изъ членовъ его фамиліи ([7]),

---

([1]) Таб. XXIV, 2-й столбецъ: Magistrerio L. Verati Quadrati II... (in Pronao Ae)dis Concordiae collegium Fr(atrum Arvalium convenerunt ibi)que cooptarunt fratrem Ar(valem in locum и т. д. Въ таб. I говорится: per tabellas cooptarunt.

([2]) Таб. XLI^{b}.

([3]) Таб. I строка 12: Fratrem Arvalem cooptavit et ad sacra vocavit. Ср. строк. 22.

([4]) Pl. N. H. XVIII, 2, 6; Gell. VI, 7. См. также Марквардта, IV, p. 408, прим. 2784.

([5]) De L. L. V, 85.

([6]) Таб. IV, VI, XXII, XXVIII, XV, XXXIX и др.

([7]) Таб. VIII, XIV, XVI.

по случаю избавленія императора отъ опасности (1), по случаю женитьбы императора и о доставленіи ему потомства (liberorum procreandorum causa) (2) и по многимъ другимъ обстоятельствамъ, свидѣтельствовавшимъ о полномъ подчиненіи церкви прихотямъ наслѣдниковъ Августа. Отсюда къ первоначальнымъ божествамъ, которымъ служили братья Арвальскіе, присоединились такія, какъ Геній императора (Genius (Ipsius) imperatoris), божественный Августъ (Divus Augustus), божественная Августа (Diva Augusta), Благосостояніе Августа (Salus Augusti), божественный Клавдій (Divus Claudius), общественное Благосостояніе (Salus publica)—божества которымъ приносили жертвы братья Арвальскіе въ день новаго года (3) и друг. Но главная обязанность братьевъ Арвальскихъ—служеніе богини, называвшейся Dea Dia—сохранилось за ними до конца жизни коллегіи, какъ видно изъ протоколовъ, которые дошли до насъ исключительно изъ времени имперіи вплоть до императора Гордіана.

Въ честь этой богини Арвальскіе братья ежегодно праздновали три дня въ маѣ мѣсяцѣ, которые не были отнесены на опредѣленныя числа мѣсяца, а опредѣлялись каждый разъ особо, такъ какъ праздникъ этотъ принадлежалъ къ переходнымъ празднествамъ (feriae conceptivae). Для опредѣленія времени этихъ празднествъ магистръ коллегіи братьевъ Арвальскихъ назначалъ засѣданіе, въ которомъ и рѣшался вопросъ о томъ, въ какіе дни приходится праздникъ Deae Diae. Засѣданіе это обыкновенно назначалось въ началѣ января: по крайней мѣрѣ такъ было въ то время, къ которому относятся имѣющіеся у насъ протоколы этихъ засѣданій. Когда вопросъ этотъ былъ рѣшенъ членами коллегіи, тогда магистръ съ торжественной формулой: Quod bonum, faustum, felix, fortunatum salutareque sit Imperatori (такому-то) Senatui Populo Romano Quiritium Fratribusque Arvalibus, объявлялъ, что праздникъ Deae Diae въ настоящемъ году будетъ праздноваться въ такіе-то дни, напр. 17, 19 и 20

---

(1) Таб. VII: Ob detecta nefaria consilia contra imperatorem Cajum Caesarem Augustum.

(2) Таб. XL.

(3) Таб. XV, XXXIII 2-й столбецъ и др.

мая (¹). Въ тѣхъ случаяхъ, когда празднество не падало на эти числа, оно всегда падало на 27, 29 и 30 мая (²).

Какъ совершались эти празднества, объ этомъ въ сохранившихся протоколахъ братьевъ Арвальскихъ дошли до насъ очень подробныя извѣстія. Особенно полный и обстоятельный матеріалъ представляетъ намъ таблица XLIª, въ которой и сохранился тотъ знаменитый гимнъ братьевъ Арвальскихъ, въ которомъ мы можемъ видѣть самый древній памятникъ римской письменности. Хотя изложеніе содержанія этого празднества и не лежитъ въ нашей задачѣ, тѣмъ болѣе, что это предметъ очень извѣстный и кромѣ того изложенный не только у Клаузена, но (хотя не безъ ошибокъ) и у Марквардта; но съ другой стороны сохранившійся отрывокъ древнѣйшей письменности такъ тѣсно связанъ съ содержаніемъ празднества, что опущеніе изъ виду этого послѣдняго затруднило бы насъ при объясненіи тѣхъ немногихъ сатурническихъ стиховъ, изъ-за которыхъ мы и ведемъ всю рѣчь о братьяхъ Арвальскихъ и ихъ значеніи въ религіозной жизни Рима. Поэтому мы рѣшились съ своей стороны изложить обрядъ служенія Deae Diae, имѣя предъ глазами такое сокровище, каковъ сборникъ Марини и въ особенности таблица XLIª.

Праздникъ (³) начинался тѣмъ, что съ самаго ранняго утра (prima luce) 17 или 27 мая Арвальскіе братья, одѣтые въ претексту, собирались на дому (domi) у магистра или промагистра коллегіи, или на Палатинѣ въ храмѣ Divorum (in Palatio in Divorum), курили ладаномъ и совершали возліяніе богамъ (ture et vino fecerunt), приносили богини въ жертву первые плоды прошлаго и новаго года и отвѣдывали ихъ; за тѣмъ, совершивши помазаніе надъ статуей богини и увѣн-

---

(¹) Таб. XXXII: Sacrificium Deae Diae hoc anno (это было 7 января 183 г. въ 4-е консульство Коммода и во 2-е Г. Ауфидія Викторина) erit ante diem XVI Kal. Junias (17 мая) Romae, ante diem XIIII K. Jun. (19 мая) in luco et domi, XIII K. Jun. (20 мая) consummabitur domi. Далѣе слѣдуютъ имена членовъ, участвовавшихъ въ засѣданіи; на этотъ разъ—имя магистра и трехъ членовъ. Также табл. XXVIII, XVIII и др.

(²) См. таб. XVIIᵇ, XXII, XLIª и др.

(³) Разсказъ нашъ основывается преимущественно на XLIª таблицѣ протоколовъ.

чавши лавромъ хлѣбы, садились на свои сѣдалища (cathedrae) и слагали съ себя свои претексты. Послѣ полудня, вымывшись въ банѣ, они снова собирались и садились на свои сѣдалища; потомъ умывали руки, надѣвали бѣлую обѣденную одежду (cenatorium album) и, расположившись за триклиніями, начинали пиръ. Отдѣльно отъ нихъ садились благородные отроки, числомъ 4, и также пировали. (Эти обѣды, какъ значится въ таблицѣ XLII, стоили братьямъ сто денаріевъ на человѣка, такъ что въ три дня обходилось по 300 денаріевъ каждому изъ нихъ). Послѣ обѣда братья Арвальскіе располагались на ложахъ, покрытыхъ обшитыми золотомъ покрывалами (super toralibus segmentatis), курили ладаномъ и совершали возліяніе виномъ. Благородные отроки, служители и рабы относили принесенную жертву на жертвенникъ богини, а сами братья Арвальскіе, умащенные и съ вѣнками изъ колосьевъ на головѣ, снова вкушали отъ перво-рожденныхъ плодовъ земли. За тѣмъ слѣдовалъ второй столъ, состоявшій изъ сладкихъ закусокъ (mensa secunda bellariorum) [1], въ которомъ принимали участіе и не принадлежавшія къ коллегіи духовныя особы (sacerdotes imperatoris Augusti et ceteri sacerdotes). Всѣ получали свои порціи, брали по цвѣточку изъ пучка розъ (rosa(m) soluta(m) diviserunt) [2] и расходились по домамъ съ словомъ: feliciter!

Черезъ день праздникъ возобновлялся, но уже не въ Римѣ, а на разстояніи пяти миль отъ города по Кампанской дорогѣ [3] въ рощѣ, посвященной Deae Diae (in luco Deae Diae), гдѣ магистръ или промагистръ коллегіи закалалъ двухъ очистительныхъ свиней. За тѣмъ закалалась почетная корова (vacca honoraria). Магистръ и другіе члены коллегіи садились въ тетрастилѣ на скамьяхъ; вслѣдъ за тѣмъ магистръ отправлялся къ жертвеннику и клалъ на него внутренности принесенныхъ въ жертву свиней, а внутренности принесенной въ жертву коровы онъ клалъ на священный очагъ въ циркѣ, находившемся въ той же священной рощѣ

---

(1) См. объясненіе слова bellaria у Геллія XIII, 11 и у Марини въ Osservazioni, p. 578.

(2) См. о rosae solutae у Марини въ Osservazioni, p. 580.

(3) Табл. XLIII: via Campana apud lapidem V.

для богоугодныхъ игръ. Оттуда онъ возвращался въ тетрастиль, записывалъ въ книгѣ совершенное имъ (et in codice cavit), снималъ съ себя претексту и удалялся въ свою палатку (et in papilione suo reversus). Къ полудню братья Арвальскіе, надѣвши претексты, снова собирались въ тетрастилѣ, садились на скамьи, подписывали протоколъ о своемъ участіи въ жертвоприношеніи (caverunt se adfuisse et sacrum fecisse) и ѣли, какъ мясо, такъ и кровь принесенныхъ въ жертву свиней (et porcilias piaculares epulati sunt et sanguem). За тѣмъ всѣ, облекшись въ претексту и съ покрытыми головами, на которыя были возложены вѣнки изъ колосьевъ, удалялись въ рощу. Тамъ магистръ или промагистръ закалалъ жирную овцу (agnam opimam) и они разсматривали ея внутренности. По совершеніи жертвоприношенія, курили ладаномъ и совершали возліяніе виномъ. Отсюда они возвращались къ святилищу и совершали жертвоприношеніе на столѣ въ святилищѣ, а магистръ на дернѣ передъ этимъ послѣднимъ вмѣстѣ съ фламиномъ (in mensa sacrum fecerunt ollis et ante Aedem in cespite Promagister et Flamen sacrum fecerunt). За тѣмъ клали на жертвенникъ собранныя отъ публики деньги (¹). Фламинъ съ магистромъ или промагистромъ съ бутылками вина (cum simpulis) и съ кадильницей въ рукахъ становились передъ дверьми святилища (ante ostium) (²). Двое изъ братьевъ, сопровождаемые рабами, отправлялись отбирать у публики принесенные для освященія полевые плоды, передавали ихъ другъ другу правой рукой, въ то время какъ каждый принималъ лѣвой, и, по окончаніи этого обряда, возвращали ихъ снова рабамъ. За тѣмъ всѣ отправлялись въ святилище, совершали молитву надъ варившимися въ горшкахъ внутренностями принесенныхъ въ жертву животныхъ и располагались вслѣдъ за тѣмъ въ лежачемъ положеніи на возвышеніи передъ святилищемъ. Потомъ садились на мраморныя скамьи, раздавали народу хлѣбы, увѣнчанные лаврами, и разрывали оставшіяся части принесенныхъ въ жертву животныхъ. За тѣмъ совершали помазаніе надъ статуей богини, и, когда весь народъ выходилъ изъ храма, братья Арвальскіе, запершись въ немъ, подпоясывались,

---

(¹) См. объ этомъ Марини въ Osservazioni, p. 589.

(²) Марини даетъ на это объясненіе въ Osservazioni, p. 591.

брали въ руки тетради и начинали пѣть съ приплясываніемъ слѣдующую пѣснь ([1]):

Enos, Lases, juvate!
Enos, Lases, juvate!
Enos, Lases, juvate!

Neve luerve, Marmar, sins incurrere in pleores!
Neve luerve, Marmar, sins incurrere in pleores!
Neve luerve, Marmar, sins incurrere in pleores!

Satur fu, fere Mars, limen sali sta berber!
Satur fu, fere Mars, limen sali sta berber!
Satur fu, fere Mars, limen sali sta berber!

Semunis alternei advocapit conctos!
Semunis alternei advocapit conctos!
Semunis alternei advocapit conctos!

Enos, Marmor, juvato!
Enos, Marmor, juvato!
Enos, Marmor, juvato!

Triumpe, triumpe, triumpe, triumpe, triumpe!

На этомъ мѣстѣ празднества братьевъ Арвальскихъ мы и остановимся, такъ какъ дальнѣйшее не относится къ нашему предмету.

Языкъ приведеннаго гимна братьевъ Арвальскихъ поражаетъ читателя съ перваго раза. Онъ отзывается такой древностью, какая не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ сохранившихся до насъ отрывкахъ римской письменности, за

([1]) На мр.морной доскѣ, найденной въ 1788, и отпечатанной у Марини таб. XLI[a], пѣснь эта читается въ слѣдующемъ видѣ (при этомъ мы позволяемъ себѣ только употребить сдѣланную Марини пунктуацію):

Enos Lases juvate, enos Lases juvate, enos Lases juvate! Neve luaerve Marma sins incurrere in pleores, neve luerve Marmar ..ns incurrere in pleoris, neve luerve Marmar sers incurrere in pleoris. Satur furere Mars limen ...e sta berber, satur fufere Mars limen sali sta berber, satur fufere Mars limen sali sca berber. ...unis alternei advocapit conctos. semunis alternei advocapit conctos, simunis alternip advocapit ....os. Enos Marmor juvato, enos Marmor juvato, enos Mamor juvato. Triumpe, triumpe, triumpe, trium.., ...mpe.— Мы жалѣемъ однако, что въ то время, когда мы придали своему труду послѣднюю редакцію, у насъ не было подъ руками Ричлева сборника надписей, гдѣ эта надпись должна быть передана точнѣе, чѣмъ у Марини.

исключеніемъ отрывковъ изъ пѣснопѣній Саліевъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Моммзенъ (¹), что языкъ этой пѣсни и родственныхъ съ ней отрывковъ пѣснопѣній Саліевъ относится къ языку 12-ти таблицъ почти также, какъ языкъ Нибелунговъ къ языку Лютера. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что пѣснь эта, дошедшая до насъ въ памятникѣ времени Геліогабала, принадлежитъ по своему происхожденію къ столь отдаленному времени, какое только можетъ представить намъ римская исторія. Да не только языкъ,—самый характеръ пѣсни, едва впрочемъ понятной, отзывается необыкновенной древностью. Она могла дойти до насъ изъ отдаленнѣйшей эпохи въ своемъ первоначальномъ видѣ, конечно, лишь потому, что римская религія, отличавшаяся чрезмѣрнымъ формализмомъ, не допускала ни малѣйшей перемѣны въ текстѣ церковныхъ пѣсенъ, хотя бы онъ по древности своего языка сдѣлался уже непонятнымъ и для самихъ служителей церкви. То, что̀ Квинтиліанъ говоритъ относительно пѣснопѣній жрецовъ Саліевъ, вполнѣ относится, безъ сомнѣнія, и къ пѣснопѣніямъ братьевъ Арвальскихъ, а онъ говоритъ: «Пѣснопѣнія Саліевъ едва понятны въ достаточной степени самимъ жрецамъ Саліямъ, но измѣнять ихъ не позволяетъ религія, и нужно употреблять ихъ, какъ они освящены древностью» (²). Такимъ-то образомъ, благодаря строгому церковному формализму, переходя на письмѣ неизмѣнно изъ вѣка въ вѣкъ, дошелъ до насъ церковный гимнъ такой древности, которая въ глазахъ скептической школы представляется миѳическою.

Объясненіе этого гимна, темнаго и для самой древности, начато знаменитымъ итальянскимъ ученымъ Луиджи Ланци, котораго Марини не безъ основанія называетъ Варрономъ своего времени. Съ тѣхъ поръ оно продолжается съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ до нашихъ дней. Крайняя древность языка, оригинальность содержанія и безграмотность правописанія—все это дѣлаетъ гимнъ братьевъ Арвальскихъ до сихъ поръ не совсѣмъ понятнымъ. Попытаемся однако и мы съ своей стороны представить объ-

---

(¹) Röm. Gesch. I, p. 218, 3-го изданія.

(²) Quint. 1, 6, 40. Ср. Hor. Ep. II, 1, 86.

ясненіе, имѣя въ виду тѣ данныя, которыя уже выработаны по этому предмету.

Enos. E, какъ это объяснилъ еще Клаузенъ ([1]), значитъ здѣсь воззваніе *eh*, какъ у Плавта въ Poenulus ([2]) и въ словахъ Ecastor, Eceres, Ejuno, Equirine ([3]). Lases вм. Lares. О замѣнѣ буквы *r* буквою *s* Варронъ говоритъ ([4]): «Во многихъ словахъ, гдѣ древніе говорили *S*, впослѣдствіи стали говорить *R*.., какъ *foedesum* foederum, *plusima* plurima, *meliosem* meliorem, *asenam* arenam, *janitos* janitor» ([5]).

Такимъ образомъ первый стихъ, три раза повторенный, слѣдуетъ такъ перевести: «Намъ, Лары, помогите!»

Neve *luerve* (одинъ разъ по безграмотности рѣзчика стоитъ: luaerve). Чтó такое luerve, видно не съ перваго раза. Но прежде всего изъ связи словъ можно замѣтить, что это —имя существительное косвеннаго падежа, и именно винительнаго. Такимъ образомъ luerve въ полной формѣ было бы luervem. Еще Ланци ([6]) замѣтилъ, что *v* есть придыханіе, соединяющееся съ *r*. Тоже самое повторяетъ и Клаузенъ, приводя слова arvus отъ arare, parvum и parum, alvus отъ alere и т. п. Склоненіе же съ окончаніемъ на гласную въ косвенномъ падежѣ употреблялось въ древнѣйшемъ латинскомъ языкѣ, какъ въ 3-мъ, такъ и во 2-мъ склоненіяхъ ([7]). Съ другой стороны luer(v)em напоминаетъ собой то древнее склоненіе, по которому было Apollinerem, вм. Apollinem, dierem вм. diem, и которое, употребляясь для удлинненія короткаго слога, сохранилось во многихъ словахъ и въ послѣдующее время, какъ: Cererem, вм. Cerem, cinerem вм. cinem и т. п. Изъ всего этого выходитъ, что luerve

(1) De carmine Fratrum Arvalium, p. 23.

(2) II, 28.

(3) Corssen, Origines poesis Romanae. Berol. 1846, p. 93.

(4) De L. L. VII 26 и 27.

(5) Cp. Varr. de L L. VI, 2; Quint. 1, 4, 13: ut Valesii et Fusii in Valerios Furiosque venerunt: ita arbos, labos, vapos etiam et clamos aetatis fuerunt. Fest. ed. Müll. p. 264: R pro S litera saepe antiqui posuerunt, ut majosibus, meliosibus, lasibus, fesiis pro majoribus, melioribus, laribus, feriis.

(6) Saggio di lingua Etrusca. 2-a ed., Firenze, 1824, I, p. 110,

(7) Schneider., Lat. Gramm. I, 307.

есть luer(v)em, или по позднѣйшему, luem. Чтеніе Бергка [1] nevel verve намъ кажется произвольнымъ. Почему Моммзенъ читаетъ: Neve lue rue (luem, ruem) [2], это намъ не совсѣмъ понятно, и во всякомъ случаѣ неправильно.

Marmar (въ одномъ случаѣ написано Marma). Удвоеніе слова Mars здѣсь бросается въ глаза само собою. Въ осскомъ языкѣ Mars имѣетъ также удвоеніе и назывался Mamers и Mamercus [3].

Sins (въ одномъ случаѣ sers). Еще Ланци [4] замѣтилъ, что *sins* стоитъ вмѣсто *sines*, которое въ свою очередь есть *sinas* [5]. Корсенъ [6], какъ и Германъ [7], читаетъ *sers* или *sirs* = siris = siveris. Значеніе того и другаго чтенія будетъ одно и тоже, но мы скорѣе соглашаемся читать *sins*, употребленное въ таблицѣ дважды, чѣмъ *sers*, которое употреблено одинъ разъ.

In pleores. Марини [8], за нимъ Клаузенъ [9] и даже Моммзенъ [10], разумѣютъ подъ pleores—*plures*. Бергкъ даже не хочетъ и сомнѣваться въ вѣрности такого толкованія [11]. Но такому объясненію противорѣчитъ смыслъ всего стиха, который былъ бы непонятенъ, если принять это объясненіе. Pleores очевидно есть *flores*. Это замѣчено было еще Ланци, который говоритъ: «*In pleores*: *in flures* o *in flores* come Purii per Furii» [12]. Замѣна *f* черезъ *p* встрѣчается даже въ послѣднемъ стихѣ того же самаго гимна: triumpe вм. triumfe.

---

(1) Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft, 1856 № 17, p. 132.

(2) Röm. Gesch. I, p. 217 и 218.

(3) Paul. Diac. ed. Müll., p. 137.

(4) Saggio di lingua Etrusca, 2-го изд. I, p. 110.

(5) Fest. recipiem: apud Catonem pro recipiam, ut alia ejusmodi complura.

(6) Orig. poes. Rom. p. 93.

(7) Elementa doctrinae metricae, p. 615.

(8) Osservazioni, p. 604.

(9) De carmine Fratr. Arvalium. p. 25.

(10) Röm. Gesch. 3-е изд. I, p. 218.

(11) Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft. 1856, p. 133.

(12) Saggio di lingua Etrusca, 2-е изд. I, p. 110.

Такимъ образомъ второй стихъ, тоже трижды повторенный, будетъ значить: «Не попусти, Марсъ, напасть засухи на цвѣты (цвѣтущія уже колосья)».

Satur fufere (въ одномъ случаѣ furere). Объясненіе этихъ словъ, какъ и всего этого стиха, представляетъ большія трудности. Furere, или fufere? Марини читаетъ furere и переводитъ: «Sazio d' infuriare o Marte, salta il limitare e statti fermo, ovvero ci sii propizio» (1). Ему слѣдуетъ и Клаузенъ (2). Также читаетъ и Гротефендъ (3). Но Ланци (4) читаетъ fufere; также читаютъ Германъ (5) и Корсенъ (6). Моммзенъ (7), равно какъ и Бергкъ (8) читаютъ: *satur fu*, fere Mars. По этому чтенію *fu* есть повелительное наклоненіе отъ *fuo*. Мы считаемъ это чтеніе за лучшее.

Limen sali (въ одномъ случаѣ (sal) e). Ланци (9) объясняетъ эти слова страннымъ образомъ посредствомъ λύμην maris. Клаузенъ (10): tripudians limen pede feri. Гротефендъ (11) объясняетъ посредствомъ lumen solis. Также и Корсенъ (12). Моммзенъ (13) понимаетъ это такъ: In limen insili (auf die Schwelle springe). Согласно съ тѣмъ смысломъ, какой придаемъ мы всему этому стиху, мы понимаемъ подъ limen sali *lumen solis*.

---

(1) Osservazioni, p. 604.

(2) De carm. Frat. Arv., p. 25.

(3) Lat. Grammatik 3-е изд. II, p. 286.

(4) Saggio de lingua Etrusca, I, p. 110.

(5) Elementa doctrinae metricae, p. 613. Fufere по Герману стоитъ вмѣсто fueris.

(6) Origines poesis Romanae, p. 95.

(7) Röm. Gesch. I, p. 217.

(8) Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft, 1856, p. 135.

(9) De carmine Fratr. Arval., p. 26.

(10) Lat. Gramm. 3-е изд. II, p. 286.

(11) Orig. poes. Rom., p. 96.

(12) Röm. Gesch. I, p. 218.

Sta berber. Ланци [1]: «sta per sistere.» Корсенъ [2] читаетъ *esta* вм. estu или aestu. Моммзенъ [3] понимаетъ это такъ sta! verbera (limen)!. Мы понимаемъ подъ *sta berber* sta fervere, какъ и Гротефендъ [4]. Корсенъ [5] въ berber видитъ также fervere.

Весь стихъ этотъ намъ представляется имѣющимъ слѣдующій смыслъ: «Будь сытъ, свирѣпый Марсъ, перестань палить свѣтомъ (лучами) солнца!»

Слѣдующій стихъ уже не представляетъ никакихъ трудностей къ объясненію.

Semunis вм. Semones, какъ huminem, fruntes, frundes [6] и пр.

Alternei есть, очевидно, именительный падежъ вм. alterni.

Advocapit, вм. advocapite повелит. наклон., какъ dic, duc, fac, fer, inger [7]. Что advocapite вм. advocabite=advocate, это совершенно понятно, что бы ни говорилъ Бергкъ [8], читающій этотъ стихъ слѣдующимъ образомъ: Si munis, aeterne pa, duo capit conctos [9].

Conctos вм. cunctos. Это не требуетъ объясненій.

Такимъ образомъ стихъ этотъ будетъ значить слѣдующее: «Призывайте всѣхъ Семоновъ поперемѣнно (т. е. то тотъ, то другой хоръ братьевъ Арвальскихъ)».

Marmor (въ одномъ случаѣ Mamor). Что это есть тоже названіе Марса, какъ Marmar, въ этомъ трудно сомнѣваться. Однако Марини [10] и Ланци [11] видятъ здѣсь Ма-

---

(1) Saggio и пр. ibidem.
(2) Origines poes. Rom., p. 96.
(3) Röm. Gesch, ibid.
(4) Lat. Gram. ibid.
(5) Orig. poes. Rom., p. 97.
(6) Schneider, Lat. Gram. I, p. 30.
(7) См. Clausen, de Carm. Fratr. Arval., p. 29.
(8) Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft, 1856, № 18 p. 138.
(9) Ibid. p. 140.
(10) Osservazioni, p. 605.
(11) Saggio di lingua Etrusca, I, 111.

мурія, воспѣвавшагося Саліями и прославлявшагося ими за приготовленіе анцилій, священныхъ щитовъ Саліевъ. Основаніе для этого имъ подаетъ Овидій, когда говоритъ, что Мамурій въ награду за свои труды потребовалъ, чтобы его имя произносилось въ концѣ священныхъ гимновъ (но здѣсь дѣло идетъ о гимнахъ Саліевъ):

Tum sic Mamurius: merces mihi gloria detur
Nominaque extremo carmine nostra sonent (1).

Окончаніе гимна, состоящее изъ пятикратнаго повторенія слова: triumpe (triumphe) и соотвѣтствующее славянскому: Слава! — понятно само собой. Къ этому можно прибавить, что пѣніе этихъ словъ сопровождалось особенно оживленною пляскою.

Такимъ образомъ пятый и шестой стихъ, которыми оканчивается гимнъ, по русски могутъ быть переведены такъ: «Помоги намъ, Марсъ (или Мамурій?)! Слава, слава, слава, слава, слава!»

Заключая нашу рѣчь о гимнѣ братьевъ Арвальскихъ, мы должны признаться, что за совершенно правильное объясненіе каждаго слова гимна мы не считаемъ себя въ правѣ ручаться, хотя большая часть его понята нами *несомнѣнно* вѣрно.

Кромѣ гимна братьевъ Арвальскихъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, сохранилось три отрывка изъ религіозныхъ пѣснопѣній коллегіи жрецовъ Саліевъ. Отрывки эти принадлежатъ къ пѣснопѣніямъ, имѣющимъ такое же древнее происхожденіе, какъ и гимнъ братьевъ Арвальскихъ. Также, какъ и духовное общество братьевъ Арвальскихъ, общество жрецовъ Саліевъ въ Римѣ принадлежитъ по своему происхожденію къ самой древней порѣ города. Но начала его, также какъ и начала братства Арвальцевъ, кроются не въ Римѣ, а выходятъ за его предѣлы. Мы, конечно, не желаемъ пускаться вмѣстѣ съ Крейцеромъ (2) искать происхожденія учрежденія Саліевъ ни въ передней Азіи,

---

(1) Ovid. Fast. III, 381.
(2) Symbolik, II, 980.

ни въ Самоѳракіи, ни въ Критѣ и не станемъ приводить аналогіи Саліевъ съ Кабирами, Куритами, Корибантами и т. п.— для этого мы не имѣемъ ни учености Крейцера, ни единства задачи съ нимъ. Для насъ будетъ достаточно показать, что духовное общество Саліевъ есть не только древнее латинское, но и вообще италійское учрежденіе и не стоитъ какимъ либо особнякомъ въ Римѣ. Такимъ образомъ извѣстно, что Саліи были въ четырехъ латинскихъ городахъ, которые гораздо древнѣе Рима по своему происхожденію, именно: въ Тибурѣ (1), Тускулумѣ (2), въ Альбѣ (3) и въ Лавиніумѣ (4). Кромѣ того Сервій говоритъ о существованіи Саліевъ и въ этрусскомъ городѣ—Веяхъ (5). По одному преданію, институтъ этотъ былъ занесенъ въ Италію изъ Аркадіи, а по другому, изъ Самоѳракіи вмѣстѣ съ прибытіемъ Энея (6). Во всякомъ случаѣ институтъ Саліевъ былъ, по мнѣнію древнихъ, доримскаго происхожденія. Въ Римѣ Саліи являются въ первый разъ при Нумѣ, который и считается ихъ основателемъ (7).

Капитальное сочиненіе о Саліяхъ издано въ началѣ прошлаго столѣтія и принадлежитъ Гутберлету (8). На осно-

---

(1) Serv. ad Virg. Aen. VIII, 285: Et Tiburtes etiam Salios dedicaverant. Orelli, Inscript. latin. № 2249.

(2) Serv. ibidem: Habuerunt sane et Tusculani Salios ante Romanos.

(3) Orelli, Inscript. latin. №№ 2247, 2248.

(4) Mommsen, Inscr. Regn. Neap. № 2211.

(5) Serv. ad Vig. Aen. VIII, 285: Quidam etiam dicunt, Salios a Morrio, rege Vejentanorum, institutos:—у Muratori, 173, 6 встрѣчается Salius Veronensis.

(6) Fest. Salios ed. Müll. p. 229. Serv. ad V. Aen. VIII, 85; Plut. Num. 13.

(7) Liv. I, 20: Salios item duodecim Marti Grudivo legit. Cic. de Rep. II, 14; Dion. II, 70; Plut. Num. 13; Ovid. Fast. III, 387; Flor. 1, 2; Serv. ad V. Aen. VIII, 285; Paul. Diac. Mamuri ed. Müll. p. 131; Diom. III, p. 476 изд. Кейля и др.

(8) De Saliis Martis Sacerdotibus apud Romanos. Franecf. 1704. Мы пользовались этимъ сочиненіемъ въ перепечаткѣ его въ V томѣ дополненій Полена къ Graevii Thesaurus antiquitatum Romanarum Graecarumque. Venetiis, 1737, p. 690 и слѣд.

ваніи его писали о Саліяхъ Крейцеръ ([1]), Целль ([2]), Корсенъ ([3]) и въ послѣднее время Марквардтъ ([4]). Все, что касается состава Саліевъ, ихъ культа и обрядовъ, соединенныхъ съ этимъ послѣднимъ, разработано очень удовлетворительнымъ образомъ. Поэтому мы не считаемъ нужнымъ много распространяться о томъ, что должно быть хорошо извѣстно занимающимся римской древностью, и послѣ нѣсколькихъ словъ о культѣ и обрядахъ Саліевъ прямо обратимся къ тѣмъ остаткамъ духовныхъ пѣснопѣній (carmina saliaria, axamenta), которые пріобрѣли такую извѣстность, какъ крайнею древностью, такъ и крайнею темнотою своего языка.

Названіе свое Саліи (скакуны) получили, какъ извѣстно, отъ скаканія во время отправленія своихъ религіозныхъ обязанностей (salio, salto) ([5]). Извѣстно, что Саліи въ первый день марта (день новаго года), раздѣленные на хоры, предводительствуемые своимъ передовымъ скакуномъ (praesul) и запѣвалой (vates) ([6]), главнымъ управителемъ (magister), въ пестрой туникѣ, съ мѣднымъ поверхъ ея нагрудникомъ (aeneum pectori tegumen), съ шлемообразнымъ колпакомъ на головѣ (apex) и со священнымъ оружіемъ въ рукахъ (ancilia) совершали процессіи по городу съ пѣніемъ, скаканіемъ и воинственными танцами. Нума, выбравши изъ патриціянскихъ фамилій ([7]) 12 красивыхъ юношей, посвятилъ ихъ

([1]) Symbolik und Mythologie der alten Völker. II, 980.

([2]) Ferienschriften. Freib. 1829, II, p. 106.

([3]) Origines poesis Romanae. Berol. 1846, p. 15 и слѣд.

([4]) Handbuch der Römischen Alterthümer. Leip. 1856, IV, p. 369.

([5]) Varr. de L. L. V, 85: Salii a salitando, quod facere in comitio in sacris quotannis et solent et debent. Fest. Salios: Salios a saliendo et saltando dictos esse quamvis dubitari non debeat. . Ovid. Fast. III, 387; Serv. ad Virg. Aen. VIII, 663; Dion. II, 70; Plut. Num. 13; Scol. ad Hor. Carm. I, 36.

([6]) Gutberleth, p. 702.

([7]) Liv. 1, 20: Salios item duodecim Marti Gradivo legit, tunicaeque pictae insigne dedit et super tunicam aeneum pectori tegumen, caelestiaque arma, quae ancilia appellantur, ferre ac per urbem ire canentes carmina cum tripudiis solemnique saltatu jussit.

на служеніе Марсу (Marti Gradivo) (1). Число 12 было избрано сообразно съ числомъ 12-ти мѣсяцевъ въ году (2). Нума же построилъ для нихъ курію на Палатинѣ; отсюда они и получили названіе «Палатинскихъ Саліевъ» (Salii Palatini) (3). Впослѣдствіи Туллъ Гостилій избралъ новыхъ 12 Саліевъ, которые по мѣсту своего служенія назывались Salii Collini, а также Quirinales и Agonales или Agonenses (4), Корсенъ полагаетъ, что одно и то же съ этими послѣдними составляють Salii Albani (5). Въ этомъ мнѣніи мы не видимъ ничего страннаго, такъ какъ увеличеніе количества Саліевъ въ Римѣ относится именно ко времени Тулла Гостилія, разрушителя Альбы Лонги, гдѣ могла существовать коллегія Саліевъ точно также, какъ въ Тускулумѣ, Тибурѣ и Лавиніумѣ. Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что албанскіе Саліи и были поселены на Квириналѣ. Напротивъ, мнѣніе Целля, по которому албанскіе Саліи были третьимъ отрядомъ Саліевъ въ Римѣ, а всѣ Саліи вмѣстѣ составляли коллегію изъ 36 человѣкъ (6), мы находимъ не имѣющимъ твердаго основанія.

Богъ, на служеніе которому были посвящены Саліи въ Римѣ, есть племенной богъ всѣхъ италійскихъ народовъ, Марсъ, богъ природы, котораго призывали и Арвальскіе братья, ея живитель и согрѣватель, богъ весны и оплодотворенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ грозный богъ смерти, засухи, каратель враговъ тѣхъ, кто ему поклоняется, всегда готовый итти на брань, *Mars Gradivus*. При этомъ Саліи служили и другимъ великимъ богамъ, исключая Венеры, которой не было у нихъ мѣста (7), по той, разумѣется, причинѣ, что

---

(1) Liv. ibidem.

(2) Ioh. Lyd. de Mens. IV, 2: *κατὰ τὸν τῶν Ἰταλικῶν μηνῶν ἀριθμόν.*

(3) Dion. II, 70. Orelli, Inscr. № 2242 и слѣд. См. также Gutberleth, p. 696.

(4) Dion. ibidem; Fest. Agonium; Varr. VI, 14; Orelli № 2245; Gutberleth. p. 698.

(5) Origines poesis Romanae, p. 26.

(6) Ferienschiften, II, p. 106.

(7) Macrob. Sat. I, 12, 12: Ne in carminibus quidem Saliorum Veneris ulla, ut ceterorum caelestium, laus celebretur.

Венера въ древнѣйшее время, къ которому относятся гимны Саліевъ по своему происхожденію, еще не была принята въ римскій культъ. Такимъ образомъ въ сохранившихся отрывкахъ пѣснопѣній Саліевъ упоминается Янъ. Павелъ Дьяконъ, говоря о пѣснопѣніяхъ Саліевъ, замѣчаетъ, что они относились къ разнымъ божествамъ и поименовываетъ гимны въ честь Яна, Юноны и Минервы (1). Макробій упоминаетъ о прославленіи въ пѣснопѣніяхъ Саліевъ Юпитера, который тамъ называется Люцетіемъ, богомъ свѣта (2). Въ сохранившемся отрывкѣ гимна Саліевъ у Теренція Скавра, который мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ, въ извращенномъ словѣ *Leucesiae* мы смѣло можемъ видѣть подтвержденіе свидѣтельству Макробія о прославленіи Саліями Юпитера подъ именемъ Lucetius. Прославлялся Саліями и Сатурнъ, какъ можно видѣть изъ свидѣтельства Тертулліана (3). Упоминается богиня Люція Воламинія (4). Прославлялись по всей вѣроятности и многія другія божества, покровители жизненности природы и въ особенности тѣ, которымъ положено было по календарю праздновать во дни праздника Саліевъ (5). За тѣмъ извѣстно, что въ гимнахъ Саліевъ прославлялось имя мастера одинадцати анцилій— щитовъ Саліевъ, Ветурія Мамурія (6). Въ позднѣйшее время

---

(1) Paul. Diac. Axamenta. Axamenta dicebantur carmina saliaria... Nam in deos singulos versus ficti a nominibus eorum appellabantur, ut Janualii, Junonii, Minervii.

(2) Saturn. I. 15, 14: Cum Jovem accipiamus lucis auctorem, unde et Lucetium Salii in carminibus canunt.

(3) Apologet. 10: Saturnus in Italia acceptus a Jano vel Jane, ut Salii volunt. Fest. ed. Müll. p. 329.

(4) Varr. de L. L. IX, 61: Videmus... Luciam Volaminiam carminibus Saliorum appellari.

(5) Объ этомъ умно разсуждаетъ Корсенъ въ Orig. poes. Rom., p. 27 и слѣд.

(6) Paul. Diac. Mamuri: Probatum opus est maxime Mamurii Veturii, qui praemii loco petiit, ut suum nomen inter carmina Salii canerent. Varr. de L. L. VI. 45: Itaque Salii quod cantant Mamuri Veturi, significant veterem memoriam. Plut. Num. 13; Ovid. Fast. III, 260 и 392.

существованія коллегіи вносились въ гимны жрецовъ Саліевъ имена римскихъ императоровъ и членовъ ихъ фамилій, какъ Августа, Германика, Вера (1) и др.

Сообразно съ своимъ назначеніемъ—служить богу Марсу, Саліи совершали свои празднества въ мѣсяцѣ мартѣ, посвященномъ этому богу (2). Начинался праздникъ въ первый день марта (3) и продолжался въ теченіе многихъ дней (4). По Поливію (5), праздникъ Саліевъ продолжался 30 дней. Мы знаемъ лишь то, что Саліи совершали свое празднество 9 марта, какъ значится въ календарѣ времени Констанція (6); равнымъ образомъ, судя по тому же календарю, праздновали Саліи и 14-е марта (pridie Idus) (7), посвященное Мамурію (Mamuralia), которому, по свидѣтельству Сервія (8), назначался особый день для празднованія. Очень возможно, что показаніе Поливія о тридцатидневномъ празднествѣ жрецовъ Саліевъ болѣе или менѣе справедливо. По крайней мѣрѣ мы можемъ утверждать положительно, что праздникъ Саліевъ продолжался до 19 марта включительно, т. е. до перваго дня пятидневнаго праздника Минервы (Quinquatrus), о празднованіи котораго Саліями мы имѣемъ ясное свидѣтельство Харизія (9). Этимъ объясняется существованіе у Саліевъ особенныхъ гимновъ въ

---

(1) Monum. Ancyr. 10, 21 ed. Mommsen; Tac. Ann. II, 83; Dio Cass. LI, 20; Jul. Capit. Vit. Anton. 21 и 4.

(2) Dion. II, 70: *ἑορτὴ δ' αὐτῶν ἐστι περὶ τὰ Παναθήναια ἐν τῷ καλουμένῳ Μαρτίῳ μηνὶ δημοτελὴς ἐπὶ πολλὰς ἡμέρας ἀγομένη* и пр.; Plut. Num. 13.

(3) Ovid. Fast. III, 259; Calend. у Меркеля въ изданіи Фастовъ Ovid. p. LX и CLXX: Kl. Mart. — Festum Martis. Ancilia feruntur. См. также Gutberleth, p. 716.

(4) Dion. II, 70 см. выше. Liv. XXXII, 33; Fest. Salios; Tac. Hist. I, 89; Suet. Oth. 8.

(5) Excerpt. legat. 23.

(6) См. Gutberleth, p. 716.

(7) Gutberleth, ibid.

(8) Ad V. Aen. VII, 188: cui (Mamurio) et diem consecrarunt.

(9) Inst. Gramm. I, p. 81 ed. Keil: Eo die arma ancilia lustrari sunt solita.

честь Минервы (1). А такъ какъ 30 марта по римскому церковному календарю праздновалось въ честь Яна—бога, который воспѣвается и въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ пѣснопѣній Саліевъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, если праздникъ Саліевъ тянулся въ продолженіе всего марта, хотя и съ перерывами.

Праздникъ Саліевъ преимущественно заключался въ томъ, что они, взявши свое оружіе, выступали въ томъ видѣ, какъ мы говорили выше, хоровой процессіей съ Палатина на форумъ, оттуда шли на Капитолій и за тѣмъ по всему городу (2) съ пляской, удареніемъ въ анциліи и пѣніемъ священныхъ гимновъ (3), останавливаясь по ночамъ и слагая свое оружіе въ нарочно устроенныхъ для того мѣстахъ (mansiones) (4). Роскошные пиры и попойки принадлежали тоже къ церемоніямъ этого празднества. Не извѣстно, какъ много издерживалось на эти пиры въ древнее время; но впослѣдствіи роскошь этихъ пировъ была до того велика, что вошла въ пословицу (5).

Гимны или религіозныя пѣснопѣнія, которыя пѣлись жрецами Саліями въ ихъ процессіяхъ по городу, имѣли

---

(1) Paul. Diac. Axamenta.

(2) Dion. II, 70: *Διὰ τῆς πόλεως ἄγουσι τοὺς χοροὺς εἰς τε τὴν ἀγορὰν καὶ τὸ Καπιτώλιον καὶ πολλοὺς ἄλλους ἰδίους τε καὶ δημοσίους τόπους.*

(3) Liv. I, 20; Dion. Ibid.; Plut. Num. 13.

(4) См. Gutberleth, p. 720.

(5) Cic. ad Att. V, 9: Cum opipare Saliarem in modum epulati essemus... Horat. Carm. I, 37:

Nunc est bibendum, nunc pede libero
Pulsanda tellus, nunc Saliaribus
Ornare pulvinar deorum
Tempus erat dapibus, sodales.

Схоліастъ къ этому мѣсту Горація замѣчаетъ: Saliares caenae, quos Salii sacerdotes faciebant, dicuntur amplissimi sumptus fuisse; unde et in proverbio erat Saliares caenas dicere opipares et copiosas. Fest. Salios. См. также Гутберлета, p. 742.

специальное названіе: axamenta ([1]). Со временъ Скалигера слово это до сихъ поръ затрудняетъ ученыхъ своей этимологіей. Затрудненіе происходитъ отъ того, что здѣсь предлагается двѣ этимологіи: одна отъ axare, другая отъ axis. Скалигеръ ([2]) предлагаетъ то ту, то другую. Гутберлетъ ([3]) слѣдуетъ послѣдней. Новѣйшіе ученые выбираютъ тоже каждый по своему вкусу то ту, то другую. Корсенъ рѣшился соединить, хотя не совсѣмъ ясно, обѣ вмѣстѣ ([4]). Намъ лично дѣло представляется въ такомъ видѣ. Грамматически *axamenta* (ед. числ. axamentum) очевидно происходитъ отъ *axare* точно также, какъ testamentum отъ testari, documentum отъ docere, levamentum отъ levare и т. п. *Axare* Павелъ Дьяконъ объясняетъ лаконически словомъ nominare. Откуда же происходитъ слово axare, котораго древнее и упрощенное правописаніе должно быть *acsare*? Корень этого слова *ac-s*; слѣдовательно тотъ же самый, что въ *axis* (ось) = греч. *ἄξων* (*ἄξονες* назывались Солоновы законы, написанные на табличкахъ, обращавшихся около оси). Axis очевидно одного корня съ ag-ere, чтó значитъ приводить въ движеніе, въ дѣйствіе что нибудь. Ac-s-are будетъ учащательный глаголъ отъ ag-ere, какъ pul-s-are отъ pell-ere, и есть то же, чтó ag-it-are; слѣдовательно, axamenta=agitamenta. Итакъ основаніе всего дѣла лежитъ въ agere, которое принимаетъ различныя значенія, обозначающія дѣйствіе: agere jus, agere fabulam, agere (hostiam ([5]), приносить жертву), agere gratias и наконецъ agere = orare ([6]). Такимъ образомъ мы, хотя нѣсколько другимъ путемъ, приходимъ къ тому же заключенію, къ которому пришелъ и Корсенъ ([7]), что axamenta (agitamenta) суть по своему значенію въ нѣкоторомъ родѣ то же, чтó и Indigitamenta, т. е. воззванія

([1]) Paul. Diac. Axamenta: Axamenta dicebantur carmina Saliaria, quae a Saliis sacerdotibus cantabantur in universos homines composita.

([2]) См. Gutberleth, p. 726.

([3]) Ibidem.

([4]) Origines poesis Romanae, p. 46.

([5]) Ovid. Fast. I, 322.

([6]) Paul. Diac. Orare.

([7]) Orig. poes. Rom. p. 46.

къ богамъ, стихи, сложенные для молитвы или для славословія боговъ, божественные гимны, хотя этимологія этихъ словъ и различна ([1]). Эти божественные гимны Саліевъ назывались обыкновенно carmina Saliorum или Saliaria.

Эти carmina Saliaria, отъ которыхъ мы имѣемъ теперь три отрывка и нѣсколько словъ, процитованныхъ древними писателями, еще въ древности обращали на себя большое вниманіе со стороны ученыхъ тѣмъ, что представляли собой необыкновенно древнее явленіе, образчикъ первоначальнаго поэтическаго творчества и выраженія, гдѣ, по выраженію Варрона ([2]), Romanorum prima verba poëtica dicuntur prolata. Они интересовали ученыхъ своимъ необыкновенно древнимъ языкомъ, который въ ихъ время былъ едва понятенъ даже самимъ жрецамъ Саліямъ ([3]), а для другихъ Римлянъ, даже и образованныхъ, былъ и вовсе непонятенъ, хотя любители древности иногда и показывали видъ, что понимаютъ эти древнѣйшія стихотворенія, какъ замѣчаетъ о нихъ Горацій ([4]):

Jam Saliare Numae carmen qui laudat et illud,
Quod mecum ignorat, solus vult scire videri.

Были однако среди ученыхъ люди, которые самымъ серьёзнымъ образомъ занимались разъясненіемъ гимновъ жрецовъ Саліевъ, между прочимъ знаменитый грамматикъ послѣдняго времени республики, учитель Варрона, Элій Стилонъ; но и для него, по свидѣтельству Варрона ([5]), было многое не понятно. Онъ написалъ толкованіе на пѣснопѣнія Саліевъ (interpretationem carminum Saliarium) ([6]). Какъ ни тощи бы-

---

([1]) См. Главу III, стр. 58.

([2]) De L. L. VII, 3. Ср. Isid. Orig. IX, 1: Prisca lingua est, qua vetustissimi Italiae sub Jano et Saturno sunt usi incondita, ut se habeant carmina Saliorum. Sid. Apoll. Ep. VIII, 16; Symmach. Ep. III, 44.

([3]) Quint. I, 6, 40.

([4]) Ep. II, 1, 86.

([5]) De L. L. VII 2: Aelii hominis in primo in literis Latinis exercitati interpretationem carminum Saliarium videbis et exili litera expeditam, et praeterita obscura multa.

([6]) Varro, ibidem.

ли объясненія Стилона, мы все-таки приняли бы ихъ съ большой благодарностью, если бы судьба сохранила ихъ до нашего времени. По всей вѣроятности объясненія эти избавили бы насъ отъ многихъ хлопотъ и, безъ сомнѣнія, помогли бы намъ самымъ существеннымъ образомъ въ возстановленіи тѣхъ отрывковъ изъ пѣснопѣній Саліевъ, которые дошли до насъ; но, къ сожалѣнію, отъ всего труда ученаго грамматика намъ не осталось ничего, кромѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ словъ. Такъ мы знаемъ, что онъ объяснялъ слова: molucrum, manuos, pescia, и выраженіе: Salias virgines (1). Кромѣ того сохранились объясненія нѣсколькихъ словъ изъ пѣснопѣній Саліевъ у Варрона, Феста, Макробія и Квинтиліана. Это все, что̀ намъ осталось отъ древнихъ въ подмогу при объясненіи тѣхъ трехъ отрывковъ пѣснопѣній Саліевъ, которые дошли до насъ въ чрезвычайно искаженномъ видѣ.

Трудъ собранія того, что̀ осталось намъ отъ пѣснопѣній Саліевъ, совершенъ за долго до насъ Гутберлетомъ (2). Въ послѣднее время его старались пополнить Корсенъ (3) и Бергкъ (4). Мы съ своей стороны считаемъ нужнымъ изъ этихъ остатковъ поэзіи и языка «вѣка Яна и Сатурна» (какъ выражается о языкѣ пѣснопѣній Саліевъ грамматикъ Исидоръ) (5) привести только то, что̀ приписывается Саліямъ самими древними, не вдаваясь въ изысканіе того, что̀ *могло* принадлежать имъ.

Одинъ изъ отрывковъ пѣснопѣній Саліевъ, сохраненный Варрономъ, въ изданіи Миллера (6) читается такъ:

Divum empta cante, divum deo supplicante.

Обыкновенно вмѣсто empta или emta, какъ стоитъ въ одной рукописи (H), ученые ставятъ exta. Корсенъ (7) старается

---

(1) См. Феста подъ этими словами.

(2) De Saliis Martis sacerdotibus apud Romanos, p. 730 въ 5 томѣ Дополненій Полена къ Graev. Thes. ant. Rom. Graecarumque.

(3) Origines poesis Romanae, p. 55 и слѣд.

(4) De carminum Saliarium reliquiis. Marb. Progr. 1847. Мы, къ сожалѣнію, не могли достать этого труда.

(5) Orig. IX, 1. См. текстъ выше.

(6) Varr. de L. L. VII, 27.

(7) Origines poesis Romanae, p. 55.

этимологически объяснить чтеніе empta и приводитъ для своего объясненія слѣдующее толкованіе Павла Дьякона (1): «Abemito significat demito vel auferto. Emere enim antiqui dicebant pro accipere». Изъ того, что emere значило первоначально брать (emere=слав. ять), онъ выводитъ заключеніе, что *empta divum* означаетъ взятыя, т. е. избранныя части внутренностей животныхъ, приносимыхъ богамъ въ жертву (2). Объясненіе Корсена, безъ сомнѣнія, сдѣлано очень искусно; но оно все-таки не можетъ ручаться за то, что Саліи пѣли *empta* вм. *exta*,—оно объясняетъ только чтеніе, принятое въ изданіяхъ Варрона Шпенгелемъ и О. Миллеромъ. Совсѣмъ на другую точку зрѣнія становится Бергкъ, когда предлагаетъ такое чтеніе: *Divum em pa cante* (3), полагая, что *em* есть *in*, а *pa*—*patrem*. Мы находимъ чтеніе это слишкомъ рискованнымъ и потому не можемъ остановиться на немъ. Совершенно другаго характера чтеніе предлагаетъ Гротефендъ, который читаетъ: Divom empete (т. е. inpetu divino) cante (4). И это чтеніе, очевидно, не менѣе смѣло, какъ и предыдущее. Откуда взялось слово *empete*, и какъ такое слово могло образоваться, Гротефендъ не потрудился разъяснить. Всего проще было бы принять чтеніе empta или же *exta*. Послѣднее проще и естественнѣе. Возможно еще чтеніе *templa*, слово, которое легко могло исказиться въ *empta* позднѣйшихъ рукописей. Во всякомъ случаѣ трудно сказать по этому поводу что нибудь такое, чтó уже не возбуждало бы никакого сомнѣнія. Мы останавливаемся на *templa*.—*Cante* стоитъ вмѣсто *canite*, какъ объяснилъ еще Варронъ (5). Примѣры выпаденія короткаго *i* нерѣдки, какъ у Горація (6) lamnae вм. laminae и очень часто

(1) Paul. Abemito.

(2) Corssen, ibidem: Quamobrem Empta divum in sacris eadem esse videntur atque Excipua h. e. quae excipiuntur et Exdecimata h. e. electa vel Ablegmina, partes extorum quae diis immolantur.

(3) Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft, 1856, № 18, p. 138.

(4) Rudimenta linguae Umbricae, Hann. 1836, II, p. 20.

(5) De L. L. VII, 27: Canite, pro quo in Saliari versu scriptum est cante.

(6) Carm. II, 2, 2.

у Плавта (1). Гутберлетъ болѣе согласенъ видѣть на мѣстѣ cante не canite, а cantate (2), на основаніи Павла Дьякона, который говоритъ, что древніе говорили *canta* вмѣсто cantata (3). Собственно говоря, и то и другое объясненіе правильно; но объясненіе Варрона болѣе согласно съ законами латинской этимологіи.—Выраженіе *Divum deo* объясняетъ намъ Макробій, который прямо говоритъ, что въ пѣснопѣніяхъ Саліевъ подъ именемъ бога боговъ воспѣвается Янъ (4). Вмѣсто *supplicante* Скалигеръ, Гутберлетъ и другіе старинные ученые читали supplice cante. И на самомъ дѣлѣ supplicante не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ понимали старинные ученые. Что *supplice* могло употребляться вмѣсто *suppliciter*, это доказывается существованіемъ формъ: severe, blande, celere вм. severiter, blanditer, celeriter и т. п. (5). Такимъ образомъ приведенный стихъ гимна Саліевъ будетъ значить:

Пойте храмы боговъ, пойте съ мольбою бога боговъ.

Второй отрывокъ, сохранившійся также у Варрона (6), представляетъ собой текстъ чрезвычайно темный. Въ изданіи О. Миллера, по которому мы вездѣ въ нашемъ изслѣдованіи приводимъ Варрона, отрывокъ этотъ читается такъ:

Cozeulodoizeso; omnia vero adpatula coemisse Jamcusianes duo misceruses dun Janusve vet pos melios eumrecum... (нѣсколько строкъ въ рукописяхъ пропущено).

О. Миллеръ признается, что онъ не считалъ себя въ правѣ измѣнить это мѣсто противъ того, какъ оно читается въ флорентинскомъ кодексѣ Варрона. Особое затрудненіе представляетъ первая часть этого отрывка. Cozeulodoizeso въ другихъ кодексахъ читается coreulodorieso, cozeulodorieso, corculodori ē. Гротефендъ читаетъ cozoiauloidoz eso

(1) См. Gutberleth, p. 731.

(2) Ibidem.

(3) Paul. Diac. Canta.

(4) Saturn. I, 9, 14: Saliorum quoque antiquissimis carminibus deorum deus canitur (Janus).

(5) См. Gutberleth, p. 731.

(6) De L. L. VII, 26.

и думаетъ что это есть choroiauloidos его [1]. Дюнтцеръ и Леришъ [2] читаютъ: Cosam ludo sies. Корсенъ исправляетъ это мѣсто такимъ образомъ: Cozeulo dori eso [3], *Cozeulo*, по его объясненію, есть *coceulum* или *coculum*—горшокъ, въ которомъ варились внутренности животныхъ, приносимыя въ жертву; *dori* употреблено вмѣсто *dari*; eso вмѣсто *esum*. Смыслъ этихъ словъ, говоритъ онъ, такой: «*esum* (h. e. cibum sacrum) *in coceulum dare*, h. e. imponere. Мы признаемъ свое безсиліе рѣшить окончательно чтеніе этого мѣста и покуда останавливаемся на объясненіи Корсена, которое имѣетъ видъ основательности. Объясненіе слѣдующихъ словъ отрывка болѣе доступно.—*Omnia vero adpatula*: Скалигеръ читалъ—omnia dapatilia [4] (отъ daps, слѣд. это будетъ значить *всѣ яства*). Это же чтеніе принимаетъ и Гутберлетъ [5]. Но новѣйшіе комментаторы читаютъ въ этомъ мѣстѣ: Omina ad patula. Подъ *omina* Корсенъ [6] разумѣетъ всѣ тѣ плоды и яства, которыя приносились въ жертву Яну, а подъ *patula* разумѣетъ *templa* Яна, которыя, по выраженію Овидія [7], *patent*. Но мы не видимъ никакой необходимости перемѣнять *omnia* рукописи въ *omina*, такъ какъ подъ *omnia* можетъ быть подразумѣваемо все то, что́ Корсенъ разумѣетъ подъ *omina*.—*Coemisse*, какъ намъ кажется, слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ *comesse* (ѣсть), какой даетъ этому слову Скалигеръ, а въ смыслѣ *coemere*, какъ concipere, colligere, conferre, согласно объясненію Корсена [8]. По объясненію Скалигера, которому слѣдуетъ и Гутберлетъ, выходитъ, что яства жертвоприношенія съѣдены, и за тѣмъ является Янъ; по послѣднему же толкованію, приходитъ Янъ въ то время, когда его служители принесли ему плоды для освященія.—Что *Jamcusianes* флорентинской руко-

---

(1) Rudimenta linguae Umbricae, II, p. 20,

(2) De versu, quem vocant, Saturnio. Bonnae, 1838, p. 37.

(3) Origines poesis Romanae, p. 56.

(4) Conject. ad Varron. de L. L. p. 188.

(5) Gutberleth. p. 732.

(6) Origines poesis Romanae p. 57.

(7) Ovid. Fast. I, 181: Templa patent auresque deum.

(8) Origines poesis Romanae, p. 57.

писи есть *Jani Cusiones*, это само собой бросается въ глаза. Cusiones это—Curiones, духовные представители курій.— *Duo misceruses* флорентинской рукописи хорошо исправляется нѣкоторыми другими кодексами, въ которыхъ стоитъ *duonus ceruses* (1). *Duonus* значитъ bonus (2), также какъ duellum есть bellum, duis—bis. *Ceruses,* какъ слѣдуетъ думать, есть удлинненіе формы *cerus*, что означаетъ creator (3). Это замѣтилъ еще Скалигеръ, сравнивая эти формы съ gnarus= gnarures (4). Слѣдовательно ceruses вм. cerures (*s* вм. *r* употреблялось очень часто) (5), или, что́-тоже, вм. cerus, что́ значитъ creator (творецъ). Дюнтцеръ и Лершъ читаютъ duonis Cerusis (bonis Cereris) (6).—Что такое *dun* флорентинской рукописи, это трудно опредѣлить. Скалигеръ и Турнебъ читаютъ *Divius* (7); нѣкоторые ученые думаютъ сдѣлать изъ него частицу *dum*, какъ Дюнтцеръ и Лершъ (8); другіе *dunque*, какъ Гротефендъ (9). Корсенъ читаетъ *dunus*, имѣя въ виду сокращеніе формы *duonus* (10). Варіанты рукописей не даютъ намъ никакой точки опоры въ этомъ случаѣ (dum, dunzianus). Всего вѣроятнѣе здѣсь повторяется слово duonus въ полной своей формѣ, а не въ сокращенной *dunus*, какъ думаетъ Корсенъ.—Далѣе во флорентинскомъ кодексѣ стоитъ *Janusve vet* (въ другихъ vevet и venet). Скалигерово чтеніе Janus*que* намъ кажется произвольнымъ. Слогъ *ve* всего естественнѣе сочетать съ послѣдующимъ слогомъ, и тогда выйдетъ слово, въ одной изъ рукописей Варрона (codex

---

(1) Müll. ad Varr. de L. L., p. 129.

(2) Paul. Diac. Duonum.

(3) Paul. Diac. Matrem Matutam. In Saliari carmine cerus manus intelligitur creator bonus. Varr. de L. L. VI, 81: Cerno a cerco, id est a creando.

(4) См. Gutberleth, p. 733.

(5) Varr. de L. L. VII, 27.

(6) De versu, quem vocant, saturnio, p. 37.

(7) См. Gutberleth, p. 733.

(8) De versu, quem vocant, saturnio, p. 37.

(9) Rudimenta linguae Umbricae, p. 20.

(10) Origines poesis Romanae, p. 58.

Hauniensis) написанное въ формѣ *venet*. Скалигеръ читаетъ venit. Ему послѣдовали Дюнтцеръ и Лершъ. Корсенъ удерживаетъ чтеніе рукописи *venet*. Мы не видимъ здѣсь необходимости въ будущемъ времени, которое принимаетъ Корсенъ ([1]).—Слѣдующія три или четыре слова совершенно непонятны. Корсенъ читаетъ; *Pommelios; eum recum*... Мы не могли усмотрѣть въ этихъ словахъ какого либо смысла.

Смыслъ этого отрывка, на сколько онъ намъ можетъ быть понятенъ, будетъ слѣдующій:

...Куріоны Яна все снесли къ его открытымъ храмамъ. Благой творецъ, благой Янъ идетъ.

Третій отрывокъ сохранился у грамматика Теренція Скавра ([2]) и гласитъ такъ: Cume ponas Leucesiae praetexere monti quotibet cunei de his cum tonarem.

Отрывокъ этотъ, въ которомъ, если разсматривать его текстъ въ томъ видѣ, какъ намъ передалъ его грамматикъ, нѣтъ никакого смысла, устрашалъ собой ученыхъ до того, что почти никто не рѣшался и приступать къ объясненію его. Готфридъ Германъ даже прямо сознался, что здѣсь онъ ничего не видитъ, кромѣ упоминовенія о городѣ Луцеріи (!) ([3]). Гротефендъ, который понялъ здѣсь не больше Германа, рѣшился однако возстановить текстъ, и въ слѣдующемъ видѣ:

Cumé poinas Leucósiaé praetexere mónti...
Quo tíbe ti (mebas) únei de hís, cume tonárem? ([4])

Дюнтцеръ и Лершъ съ своей стороны предлагаютъ такое чтеніе:

Cumé tonás, Leucétie, praétexére monti toti.
Cúme índe hís tonárem ([5]).

Наконецъ Корсенъ съ большою самовѣренностью читаетъ это мѣсто такъ:

Cúme tonas Leucésié, praetexere mónti,
Quó tibimet cuneí déhiscunt, orámen ([6]).

([1]) Ibidem.

([2]) De Ortograph. ed. Putsch. p. 2261.

([3]) Elementa doctrinae metricae, p. 612.

([4]) Rudimenta linguae Umbricae, II, p. 20.

([5]) De versu, quem vocant, saturnio, p. 36.

([6]) Origines poesis Romanae, p. 59.

При этомъ онъ даетъ этимъ стихамъ и нѣмецкій переводъ:

Wenn du o Lichtgott donnerst, sprechen wir dem Berge,
Wo deine Donnerkeile bersten, den Suehnspruch vor ([1]).

Мы просимъ позволенія у читателя не входить въ разсмотрѣніе этого отрывка, понять который при всемъ нашемъ усиліи мы все таки не можемъ, какъ слѣдуетъ. Возстановлять его можно такъ и иначе, но пріобрѣсть увѣренность, что отрывокъ, переданный въ искаженномъ видѣ грамматикомъ, который едва ли понималъ въ немъ что нибудь, кромѣ слова *cume* (вм. quum), подавшаго поводъ привести его,—что отрывокъ, искаженный за тѣмъ много разъ переписчиками, возстановленъ нами въ его подлинномъ видѣ, пріобрѣсти такую увѣренность, говоримъ мы, для насъ невозможно. Ясно видно только то, что здѣсь рѣчь идетъ о Юпитерѣ, который, какъ мы выше замѣчали ([2]), по свидѣтельству Макробія ([3]), называется въ пѣснопѣніяхъ Саліевъ Lucetius, о Юпитерѣ, ниспосылавшемъ на землю громы и молніи, говорится наконецъ о горѣ, откуда Юпитеръ посылаетъ громы: вотъ что́ можно сказать на вѣрное. Объ остальномъ можно только гадать, какъ кому вздумается.

Отыскивая слѣды древнѣйшей римской письменности, мы не можемъ пройти молчаніемъ и тѣ остатки изъ пѣснопѣній или даже упоминаемыхъ писателями книгъ Саліевъ, которые дошли до насъ въ отдѣльныхъ словахъ, приводимыхъ по преимуществу Фестомъ. Но приводя эти слова въ принятомъ еще Гутберлетомъ алфавитномъ порядкѣ, мы перечислимъ только тѣ изъ нихъ, которыя приводятся писателями, какъ слова, употреблявшіяся Саліями, и не включимъ въ число ихъ такія слова, которыя по нашимъ только соображеніямъ также могутъ принадлежать къ лексикону Саліевъ, какъ поступилъ Корсенъ.

Agonia, праздничный день, посвященный Вакху, обыкновенно называвшійся Liberalia ([4]).

([1]) Ibid. p. 85.

([2]) Стран. 134.

([3]) Saturn. I, 15, 14.

([4]) Varro de L. L. VI, 14: Liberalia dicta, quod per totum oppidum eo die sedent sacerdotes Liberi... In libris Saliorum, quorum cognomen Agonensium, forsitan hic dies ideo appellatur potius Agonia.

Antigerio, слово, которое приводитъ Квинтиліанъ ([1]) въ числѣ темныхъ словъ, упоминая при нихъ и Saliorum carmina. Собственно не извѣстно, взялъ ли это слово Квинтиліанъ именно изъ книгъ Саліевъ. Гутберлетъ ([2]), а за нимъ и Корсенъ ([3]) не сомнѣваются въ этомъ. По объясненію Павла Дьякона, antigerio значитъ тоже, что́ *valde* ([4]).

Cerus manus означаетъ, по объясненію Павла Дьякона, *creator bonus*, благой творецъ ([5]).

Cume, когда ([6]).

Exanclare, слово, цитуемое Квинтиліаномъ, также какъ и antigerio наряду съ Saliorum carmina. Опять не извѣстно, взято ли оно изъ книгъ Саліевъ. По объясненію Павла Дьякона оно значитъ исчерпывать ([7]). Сродныя съ нимъ слова приводитъ Корсенъ ([8]).

Insicia, рубленое мясо ([9]).

По свидѣтельству Макробія (Saturn. I, 4, 15), ссылающагося на 2-ю книгу Фастовъ Мазурія, понтифики называли праздникъ Liberalia — Agonium Martiale, вѣроятно по тому, что Вакхъ (Liber) и Марсъ, какъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ Макробій (Sat. I, 19, 1 и слѣд.), составляли одно и тоже божество. Другія значенія этого слова см. у Павла Дьякона подъ словами: Agonium и Agonias, ed. Müll. p. 10.

([1]) In. or. I, VI, 40: Nec utique ab ultimis et jam oblitteratis repetita (verba) temporibus, qualia sunt topper et antegerio et exanclare et prosapia et Saliorum carmina vix sacerdotibus suis satis intellecta.

([2]) De Saliis Martis sacerdotibus, p. 730.

([3]) Origines poesis Romanae, p. 65.

([4]) Paul. Antigerio, ed. Müll. p. 8.

([5]) Paul. Matrem Matutam: In carmine Saliari cerus manus intelligitur creator bonus. Cp. Varr. de L. L. VI, 81; о manus см. ниже.

([6]) Ter. Scaur. de Orthograph. ed. Putsch. p. 2211: Antiqui pro adverbio quom cume dicebant, ut Numa in Saliari carmine.

([7]) Paul. Exanclare ed. Müll. p. 80: Exanclare exhaurire.

([8]) Origines poesis Romanae, p. 64.

([9]) Varr. de L. L. V, 110: Insicia ab eo quod insecta caro, ut in carmine Saliorum est, quod in extis dicitur nunc prosectum. Macrob. Saturn. VII, 8, 1: Ab insectione insicium dictum.

Lucetius, названіе Юпитера, какъ бога свѣта ([1]).

Lucia Volaminia, богиня, воспѣвавшаяся Саліями ([2]).

Mamurius Veturius, мастеръ священнаго оружія—анцилій ([3]).

Manus, добрый ([4]).

Molucrum означало въ пѣснопѣніяхъ Саліевъ жерновой камень (mola) ([5]).

Pa и *po*, по Фесту, сокращенія вмѣсто parte и potissimum ([6]). Вѣрнѣе, можетъ быть, было бы думать, что *pa* вм. patre и *po* вм. populo, какъ думаютъ нѣкоторые ученые ([7]) и какъ можно заключить изъ одного мѣста у Павла Дьякона ([8]).

Pennatae impennataeque agnae, выраженіе, по объясненію Павла Дьякона обозначавшее въ пѣснопѣніяхъ Саліевъ колосья съ остью и безъ ости ([9]). Изъ дальнѣйшихъ

([1]) Macrob. Sat. 1, 15, 14. См. текстъ на стр. 134. Paul. Diac. Lucetium: Lucetium Jovem appellabant, quod eum lucis esse causam credebant.

([2]) Varr. de L. L. IX, 61: Videmus etiam Maniam matrem Larum dici, Luciam Volaminiam Saliorum carminibus appellari.

([3]) Varr. de L. L VI 45: Itaque Salii quod cantant Mamuri Veturi significant veterem memoriam. Plut. Num. 13.

([4]) Fest. Manuos: Manuos in carminibus Saliaribus Aelius Stilo significare ait bonos. Et inferi Di manes pro boni dicuntur a suppliciter eos venerantibus propter metum mortis, ut immanes quoque pro valde non bonis dicuntur. Ср. Paul. Manues ed. Müll. p. 147 и Mane, p. 125.

([5]) Fest. Molucrum: Aelius in explanatione carminum Saliarium eodem nomine appellari ait, quod sub mola supponatur. И нѣсколько ранѣе: Cloatius et Aelius in libris sacrorum molucrum esse ajunt ligneum quoddam quadratum, ubi immolatur. См. дальнѣйшее у Гутберлета, p. 735.

([6]) Fest. Pa: Pa pro parte et po pro potissimum positum est in Saliari carmine.

([7]) См. Corssen, Orig. poes. Rom., p. 74.

([8]) Paul. Dici: Dici mos erat Romanis in omnibus sacrificiis precibusque: Populo Romano Quiritibusque, quod est Curensibus.

([9]) Paul. Pennatas: Pennatas impennatasque agnas in Saliari carmine spicas significat cum aristis et alias sine aristis.

словъ Павла Дьякона, между которыми очевидно есть пропускъ въ текстѣ (1), можно заключить, что такъ назывались въ пѣснопѣніяхъ Саліевъ молодыя и старыя овцы, т. е. не имѣющія шерсти и имѣющія ее.

Pescia, нагрудники или фуфайки изъ овчины, какъ говоритъ Фестъ, на основаніи объясненія Элія Стилона (2).

Pilumnoe Poploe. По объясненію Феста, такъ назывались Римляне, какъ народъ, привыкшій владѣть копьемъ (pilum) (3). Еще Гутберлетъ замѣтилъ, что *oe* есть окончаніе именительнаго множественнаго, соотвѣтствующее греческому *οι* (4). Корсенъ не безъ основанія полагаетъ, что это была формула молитвы за римскій народъ, предшествовавшая образованію формулы: Populus Romanus Quirites (5).

Praeceptat—учащательная форма praecipit, слѣдовательно значитъ saepe praecipit, какъ объясняетъ Фестъ (6).

Promenervat употреблялось въ пѣснопѣніяхъ Саліевъ вм. *monet* (7).

Prosapia—слово, которое приводитъ Квинтиліанъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими на ряду съ carmina Saliaria (8). Гутберлетъ (9), а за нимъ и другіе не сомнѣваются, что оно

---

(1) Ibid.... agnas novas voluit intelligi.

(2) Fest. Pescia ed. Müll. p. 210: Pescia in Saliari carmine Aelius Stilo dici ait capitia ex pellibus agninis facta, quod Graeci pelles vocent pesce neutro genere pluraliter. Греч. *πέσκη* отъ *πέκω* (*πέκος, πέσκος*).

(3) Fest. Pilumnoe ed. Müll. p. 205: Pilumnoe poploe in carmine Saliari, Romani, velut pilis uti assueti, vel quia praecipue pellant hostes.

(4) Gutberleth, p. 737.

(5) Origines poesis Romanae, p. 76.

(6) Fest. Praeceptat ed. Müll. p. 205: Praeceptat in Saliari carmine est, saepe praecipit.

(7) Fest. Promenervat ed. Müll. p. 25: Promenervat item pro monet.

(8) In. Or. 1, 6, 40.

(9) Gutberleth, p. 738.

взято изъ этихъ послѣднихъ. Значитъ оно, по объясненію Павла Дьякона, progenies (1).

Redantruare, слово, которое относится къ пляскѣ Саліевъ (2). Оно очевидно означаетъ повтореніе дѣйствія antruare или truare. Послѣднее относится къ передовому скакуну (praesul), а повтореніе къ хорамъ жрецовъ Саліевъ. Поэтому Луцилій, приводимый Фестомъ (3), говоритъ: Praesul ut ampiruet (antruat), inde vulgus redantruat. *Redantruare,* слѣдовательно, значитъ *resilire.*

Salias virgines, хоръ дѣвственницъ, которыя въ военномъ платьѣ и съ шлемомъ на головѣ, на подобіе жрецовъ Саліевъ, участвовали въ жертвоприношеніи, которое во время праздника Саліевъ совершалъ римскій первосвященникъ въ *Peiiu* (4).

Sateurnus—такъ назывался въ пѣснопѣніяхъ Саліевъ Сатурнъ (5).

Sesopia, сѣдалища (6).

Sonivio, по объясненію Феста, означаетъ *sonanti* (7).

---

(1) Paul. Prosapia ed. Müll. 225; Prosapia progenies, id est porro sparsis et quasi jactis liberis, quia supare significat jacere et disjicere. Ср. Fest. ed. Müll. p. 310.

(2) Fest. Redantruare: Redantruare dicitur in Saliorum exultationibus, cum praesul ampiruavit (antruavit), quod est, motus edidit, ei referuntur invicem iidem motus.

(3) Fest. ibidem.

(4) Fest. Salias ed. Müll. p. 329: Salias virgines Cincius ait esse conducticias, quae ad Salios adhibeantur cum apicibus paludatas, quas Aelius Stilo scribsit sacrificium facere in Regia cum pontifice paludatas cum apicibus in modum Saliorum.

(5) Fest. Saturno ed. Müll. p. 325: qui deus in Saliaribus Sateurnus nominatur, videlicet a sationibus.

(6) Fest. Sesopia. ed. Müll. p. 290: Sesopia in Augurali et Saliari carmine appellantur, quae alias esopia pro sedilibus dicere habemus nunc adhuc in consuetudine.

(7) Fest. Sonivio p. 290: Sonivio significat in carmine Saliari et Augurali sonanti. Ср. Fest. Sonivium p. 297: Sonivium tripudium, ut ait Appius Pulcher, quod sonet, cum pullo excidit puls, quadrupedive. Serv. ad V. Aen. V, 90: Tripudium sonivium id est a sono. См. дальнѣйшее у Корсена въ Orig. poes. Rom., p. 81.

Tame вм. *tam* ([1]), также, какъ *cume* вмѣсто quum ([2]).

Tintinnare— слово которое приводитъ Ноній по Нигидію Фигулу, какъ употреблявшееся Саліями ([3]).

Topper — слово, приводимое Квинтиліаномъ ([4]) между тѣми словами, которыя принято относить къ числу словъ Саліевъ, и означающее тоже, что́ cito, fortasse, celeriter, temere ([5]).

([1]) Fest. ed. Müll. p. 360: Tame in carmine (еще Скалигеръ считалъ нужнымъ дополнить: Saliari) positum est pro tam.

([2]) См. выше стр. 146.

([3]) Non I, 188: Itaque ex aere in Saliaribus Albanus tintinnat. Ср. Fest. Tintinnare, p. 365.

([4]) In. Or. 1, 6, 40.

([5]) Fest. Topper. Считаемъ нужнымъ, хотя и поздно, замѣтить, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мы приводимъ Феста и Павла Дьякона безъ обозначенія страницы изданія, мы цитуемъ ихъ по Линдеманну, такъ какъ, при послѣдней редакціи нашего изслѣдованія, мы уже не имѣли подъ руками Миллерова изданія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ того, что мы сказали о римской письменности въ періодъ царей, всякій непредубѣжденный читатель могъ вывести несомнѣнное убѣжденіе, что письменность въ Римѣ въ это отдаленное время существовала, какъ необходимое явленіе, обусловливаемое организаціей государственной и религіозной жизни римскаго народа. Она существовала съ одной стороны въ законахъ и союзныхъ договорахъ, съ другой стороны въ церковныхъ книгахъ различныхъ духовныхъ коллегій, получившихъ въ Римѣ необыкновенно раннее развитіе. Главная доля этой церковной письменности падаетъ на коллегію понтификовъ, которая съ древнѣйшей поры получила преобладающее значеніе въ римской церковной іерархіи, и въ рукахъ которой еще при царяхъ находилось завѣдываніе дѣлами римскаго культа и регулированіе его. Строгость этого культа была такова, что ни въ совершеніи обрядовъ, ни въ чтеніи молитвъ никогда—а тѣмъ болѣе въ древнѣйшую пору—не допускалось ни малѣйшаго уклоненія отъ того, что̀ было установлено церковью. Это было причиною, по которой даже второстепенныя духовныя коллегіи въ Римѣ, какъ коллегіи жрецовъ Саліевъ и братьевъ Арвальскихъ, должны были вести свои собственныя книги, въ которыхъ заключались не только, какъ надобно думать, правила отправленія ими религіозныхъ обязанностей, но и молитвы, или церковныя пѣсни, составленныя во славу боговъ, которымъ служили эти духовныя общества. Пѣсни эти, какъ свидѣтельствуетъ ихъ языкъ, были составлены въ необыкновенно древнюю пору и сохранялись въ неизмѣнномъ видѣ до самаго послѣдняго времени, какъ того требовала римская религія, и что̀ было возможно единственно при пре-

емственномъ переходѣ ихъ изъ вѣка въ вѣкъ на письмѣ. Если же велись съ древнѣйшихъ временъ книги даже такими духовными коллегіями, какъ коллегія жрецовъ Саліевъ и духовное братство Арвальцевъ, то это даетъ намъ право предположить, что и другія духовныя коллегіи не были чужды письменности съ самаго древняго времени. Относительно коллегіи авгуровъ мы можемъ говорить это тѣмъ съ большею увѣренностью, что до насъ дошло не мало свидѣтельствъ, относящихся къ книгамъ и комментаріямъ этой коллегіи. Правда, ссылки писателей, относящіяся къ этому предмету, касаются позднѣйшаго времени, и намъ всегда могутъ возразить, что въ древнѣйшую пору авгуры могли обходиться безъ книгъ, тѣмъ болѣе, что ихъ *disciplina* требовала прежде всего практическаго изученія дѣла; но все таки въ виду того, что сказано нами о древнѣйшей письменности другихъ духовныхъ коллегій, трудно отказаться отъ мысли, что письменность авгуровъ началась также въ очень раннее время. Отсутствіе всякихъ осязательныхъ данныхъ къ рѣшенію этого вопроса было причиною, по которой мы не рѣшились разсуждать о письменности авгуровъ въ періодъ царей, предоставляя это дѣло времени и изысканіямъ людей болѣе ученыхъ и проницательныхъ. О письменности другихъ римскихъ духовныхъ коллегій мы или вовсе не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, или не можемъ говорить о ней потому, что она не принадлежала латинскому языку, какъ письменность коллегіи гаруспиковъ, которые всегда были въ Римѣ этрусскаго происхожденія, или какъ письменность коллегіи двухъ мужей (впослѣдствіи десяти и наконецъ пятнадцати мужей), которымъ было поручено Тарквиніемъ Гордымъ завѣдываніе сивиллиными книгами, производившаяся на греческомъ языкѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСПРАВЛЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Не имѣя, во время печатанія своего труда, Феста и Павла Дьякона въ изданіи Миллера, которымъ однако я пользовался во время составленія большей части своего изслѣдованія, и будучи принужденъ обстоятельствами ускорить печатаніе, я приводилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Феста и Павла Дьякона по изданію Линдемана, пользуясь, разумѣется, имѣющимися въ этомъ изданіи варіантами. По этому же послѣднему изданію были приведены мной и сохранившіеся у этихъ авторовъ царскіе законы. Теперь же, когда изданіе Миллера мною получено, я считаю нужнымъ сдѣлать по нему нѣкоторыя исправленія. Именно:

Въ концѣ 39 стр. въ законѣ Нумы, приводимомъ Фестомъ подъ словомъ *Occisum*, послѣднее слово tollito слѣдуетъ замѣнить страдательной формой *tollitor*.

На стр. 40 въ законѣ Нумы, приводимомъ Павломъ Дьякономъ подъ словомъ *Aliuta*, вмѣсто *ipsus* лучше принять чтеніе *ipsos*, форма котораго всего согласнѣе съ характеромъ древнѣйшей латинской письменности.

На стр. 40 въ законѣ Нумы, приводимомъ у Павла Дьякона подъ словомъ *Pellices*, вмѣсто *agnat* feminam лучше поставить, согласно съ Миллеромъ, *agnum* feminam, какъ значится и въ редакціи этого закона, приведенной Гелліемъ (см. на той же стр.).

На стр. 41 въ текстѣ закона Сервія Туллія, приводимомъ Фестомъ подъ словомъ *Plorare*, въ нашемъ сочиненіи пропущено, по оплошности корректуры, предпослѣднее слово *sacer*.

На стр. 124, приводя гимнъ братьевъ Арвальскихъ по изданію Марини, я выразилъ сожалѣніе, что, во время окончательной отдѣлки своего труда, я уже не имѣлъ подъ руками

сборника Ричля, въ изданіи надписей котораго этотъ гимнъ помѣщенъ на таблицѣ XXXVI. Сличивши теперь эту надпись у Ричля съ тѣмъ, какъ она представлена у Марини, я долженъ замѣтить, что Марини исполнилъ свое дѣло съ совершенствомъ, въ чемъ признается и Ричль на стр. 29 — 30 своего сборника, и что какихъ нибудь новыхъ заключеній объ этой надписи, т. е. относительно чтенія ея, я не нахожу возможнымъ сдѣлать.

За тѣмъ считаю нужнымъ указать здѣсь на слѣдующую ошибку въ моемъ изслѣдованіи: на стр. 74 въ прим. 4 я приписываю Преллеру (по ошибкѣ напечатано Швеглеръ) чтеніе *semina* вм. lumina, чего на самомъ дѣлѣ Преллеръ не дѣлаетъ.

ОПЕЧАТКИ:

на стр.	НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ:
4	прождѣ	прежде
7	ἑλλινηκῶν	ἑλληνικῶν
—	οἷς	οἷς
10	нѣкоторыя	нѣкоторые
15	обознаетъ	обозначаетъ
24	Linqua	Lingua
37	на столѣ	на столбѣ
70	Alterhümer	Alterthümer
80	о которыхъ	и которыхъ.
81	retat	vetat
86	*комментарій*	*комментаріевъ*
96	все цѣло	всецѣло
100	terninalia	terminalia
106 (въ пр.) (3)		(1)

На стр. 106 пропущена слѣдующая цитата, долженствующая стоять подъ цифрою (3):

Ar. Gramm. III, p. 484 (ed. Keil): Annales inscribuntur, quod singulorum fere annorum actus contineant, sicut publici annales, quos pontifices scribaeque conficiunt.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Тацитъ и его сочиненія. Историко-литературное изслѣдованіе. С. Петербургъ. 1864. Въ типографіи Тиблена и К°.

Цѣна 1 руб. сер.

Цѣна 1 р. 25 коп. сер.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
NOV.71
N. MANCHESTER,
INDIANA